

Предисловие

Немного найдется людей, которые не хотели бы разбогатеть. Но некоторые осознают это желание отчетливее, чем большинство. Другие притворяются, что хотели бы быть богатыми лишь в определенных ситуациях. Но в конечном счете все хотят быть счастливее, успешнее и — чтобы у них было больше денег.

В этом желании нет ничего предосудительного. Ведь быть состоятельным — наше право от рождения. Человек, у которого достаточно денег, сам живет лучше и может принести больше пользы себе и другим. Мысль о том, что ты должен терпеть нехватку средств или даже вести нищенское существование, — одно из худших заблуждений человечества.

Покончить с заблуждениями

Но большинство людей живет именно в таком убеждении. Их мечты разительно отличаются от реальной жизни. И они уверены, что так и должно быть. Я хотел бы развеять это заблуждение. Для того и написал я «Путь к финансовой независимости». Шаг за шагом описаны в этой книге помогающие стать богатым уроки моих наставников. «Путь к финансовой независимости» — руководство по достижению первого миллиона за семь лет.

Почему повесть?

«Мани, или Азбука денег» написана в форме повести. Здесь тоже использованы уроки из «Пути к финансовой независимости». В повести описаны проблемы, которые встречаются на этом пути, и то, что из этого получается. Мани — это говорящая собака, которая учит двенадцатилетнюю девочку обращению с деньгами. И Кира не только сама узнает, как следует обходиться с деньгами, но и помогает своим родителям избавиться от финансовых трудностей.

Мне хотелось написать книгу, которая затронула бы сердца читателей и открыла бы их навстречу всем богатствам, которые преподносит нам жизнь, — и деньги одно из них.

Что даст Вам чтение этой истории? Если Вам уже знаком «Путь к финансовой независимости», то «Азбука денег» углубит Ваше понимание проблемы. Возможно, Вы обретете новые цели (и обновите старые). Но еще важнее, что Вы сможете иначе взглянуть на свои проблемы, чтобы по-новому, творчески решить их или даже извлечь из них выгоду.

Если же Вы не читали «Путь к финансовой независимости», то повесть придаст Вам уверенность в своих возможностях. Приключения героев нашей истории, быть может, вдохновят и Вас. Вы с новой силой ощутите свою свободу, свой потенциал и свои силы.

И художественное произведение не лишено проблематики

Однако я должен признаться, что не всегда верил в ценность подобных книг. Я опасался, что читатель попытается просто подражать герою вместо того, чтобы разглядеть скрытые за художественным фасадом принципы. Ведь историю чьего-либо успеха редко удастся повторить. А хорошо усвоенные принципы помогают находить лучший выход из трудной ситуации. Точно так же боялся я того, что читатель станет восхищаться автором и подражать ему, не сделав, однако, своими древние истины, содержащиеся в книге. Личные переживания невозможно передать другому, но можно передать фундаментальные истины.

Беспокоило меня и то, что художественная форма книги может стать причиной ее недостаточной глубины. Но ведь я пишу свои книги не для финансовых экспертов, которым хочу по секрету дать очередной совет. Я пишу для моих читателей — таких, каковы они есть: одних пугает сама тема, и они просто не решаются приступить к созданию своего благосостояния, другие слишком заняты и все откладывают денежные вопросы на потом, третьи испытывают более или менее сильное отвращение к теме финансов. Наконец, четвертым нужно просто напоминание, толчок.

Кроме того, слишком сложное изложение зачастую только запутывает читателя. Похоже, что в наше насквозь технологизированное время лишь то, что трудно для понимания, воспринимается как правильное.

В полном соответствии с поговоркой «Это не может быть так просто», мы склонны откладывать в сторону древние и понятные истины. Но ведь это действительно «так просто». Так, как и описано в этой книге. Однако я должен указать на одно существенное различие: то, что просто для понимания, вовсе не так легко делать. Законы богатства просты для понимания, но их нелегко соблюдать.

Часто именно в этом необходима помощь. И такая помощь тоже описана в книге.

Эту повесть, называвшуюся изначально «Пес по кличке Деньги», я писал для детей. (И ее до сих пор можно купить также и в «детской» версии.) Форма повести казалась мне оправданной: я хотел в игровой манере поговорить с детьми об успехе и деньгах. О том, о чем избегают говорить во многих семьях.

Я ошибался...

Но после выхода «Пса по кличке Деньги» я получил сотни писем. Писем от взрослых. И все они говорили об одном и том же:

«Эта повесть сильнее подтолкнула меня к действию, потому что затронула мои чувства», «Я был очень тронут», «Впервые я сумел подступить к теме денег», «Я понял наконец, как могу достичь благосостояния».

Эти отклики показали, как я ошибался в своих оценках. Да, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Но теперь я знаю, что это вдвойне верно, если увиденное затронет твое сердце. И моя книга поэтому предназначена не только детям, но и взрослым.

Художественное произведение дает возможность дистанцироваться

Очень приятно читать историю маленькой девочки, будучи взрослым. Как бы нас ни интересовали ее приключения, всегда сохраняется некоторая не лишняя приятности дистанция. Ведь это детская повесть с детскими проблемами, из которых мы давно выросли. Заботы Киры волнуют нас не так сильно, как свои собственные. Это как-то успокаивает, и происходящее воспринимается не слишком серьезно. И мы замечаем, что многие из описанных проблем мы сами уже успешно решили.

Ну, а если попытаться извлечь из этого урок для себя? Если посмотреть на свою жизнь, как на рассказываемую кому-то историю? Если мы представим себе, что уже очень богаты и оглядываемся назад, на свое «финансовое детство»? Тогда наша сегодняшняя ситуация будет восприниматься с некоторого расстояния, как история. История с типичными проблемами, из которых мы давно выросли. Может, тогда нам захочется посмеяться над собой. И мы перестанем смотреть на себя и свои проблемы так невыносимо серьезно. И увидим, что не бывает безвыходных ситуаций. А помочь в этом может художественная книжка.

Ориентация сегодня важнее, чем когда бы то ни было

Но история Киры больше, чем просто история одной девочки. Речь в книге идет главным образом о закономерностях успеха и богатства, которые описаны и в «Пути к финансовой независимости». Эти закономерности — вечные и универсальные аксиомы успеха.

Под универсальностью я подразумеваю то, что они действуют в любом обществе, в любой культуре, в любой ситуации. Говоря о вечности, я имею в виду, что они всегда неизменны. Это тем более важно, что мы живем в эпоху, когда перемены становятся все более значительными и происходят в постоянно растущем темпе. Все вокруг нас усложняется и ускоряется, новые продукты изгоняют с рынка старые. В такое время как никогда важным становится не потерять ориентацию, которую и дают нам вечные закономерности. Под аксиомой я понимаю то, что эти закономерности практически бесспорны.

Принципы всегда древние

Если это заявление покажется Вам слишком дерзким, позвольте сделать два замечания. Во-первых, эти закономерности изобретены не мной. Как и законы природы, они существовали всегда. Они управляют

нашей жизнью, хотим мы того или нет, и не перестают действовать, даже если мы их не признаем. Закономерности успеха и богатства я лишь перевел на свой язык и систематизировал их

Во-вторых, я считаю, что все по-настоящему преуспевающие люди руководствуются в своей жизни именно этими закономерностями. Журналисты и телеведущие часто просят меня привести доказательства их действенности. В ответ я обычно называю тех людей, которые прочитали мои книги или посетили мои семинары. Но самые лучшие примеры и доказательства Вы найдете, последовав такому совету; припомните преуспевающего человека, группу людей, организацию или фирму. Постарайтесь сблизиться с ними, проанализируйте пройденный ими путь, и Вы непременно найдете примеры и доказательства.

Не так уж важно, могут ли эти люди назвать законы богатства. Некоторым из них не понравились бы и слова, какие я употребляю, и вообще моя манера речи. Это их право, и это совершенно нормально. Критика просто необходима тому, кто занимается литературной деятельностью, и он сам подставляет себя под ее стрелы. Кто-то, возможно, останется равнодушным к рассказанной в этой книге истории или даже найдет к тем же закономерностям совершенно другие

примеры. Или расставит другие смысловые акценты. Все это доказывает лишь одно: что все мы — разные личности и развиваемся по-разному. И тем не менее жизнь преуспевающего человека всегда доказывает универсальность и вечность закономерностей.

Полезное и необходимое знание

Эта книга будет сопровождать Вас на пути к благосостоянию и успеху. Но она не похожа на многочисленные книги о деньгах, которые начинаются с разнообразной информации, например, об истории денег. Такие знания могут оказаться полезными, но они не продвигают нас вперед по пути к богатству и счастью. Я предпочел ограничиться лишь необходимыми сведениями и описать те шаги на этом пути, о которых хорошо знаю и которые сделал сам.

В простоте кроется опасность

Как слишком усложненное изложение чревато тем, что отвлечет внимание читателя от самого существенного, так и описание фундаментальных истин тоже скрывает в себе опасность. Часто мы склонны слишком быстро заявлять: «Да я это уже знаю». Для этого достаточно, чтобы знакомыми оказались отдельные ключевые слова. Но это ловушка. В тот самый момент, когда мы выносим заключение «Я это уже знаю», мы прекращаем учиться. Мы больше не видим истинного послания, потому что считаем, что уже знаем его. *Кроме того, речь идет не только о том, чтобы, научиться новому, но и о том, как применить это в жизни.*

Закономерности богатства

Кира, которая учится в нашей истории обращению с деньгами, последовательно знакомится с закономерностями богатства. Ниже перечислены самые важные из них. Красной нитью проходят они через всю книгу. Когда Вы вновь встретите их в повести, Ваши восприимчивость и желание действовать усилятся.

1. Мы должны начать с выяснения того, что значат деньги для Вас на самом деле.
2. Определение важнейших целей. Почему некоторые цели следовало бы изъять из «большого каталога» наших желаний.
3. Почему так важны копилки мечты и альбом мечты. Как наше подсознание помогает нам — и какие для этого нужны предпосылки.
4. Почему более высокий доход сам по себе не может помочь решению денежных проблем.
5. Как добиться, чтобы ничто не могло заставить нас отказаться от своих намерений. Искусство визуализации.
6. Не всегда Вам будет легко. Найдутся люди, даже среди друзей и родственников, желающие помешать нам в достижении целей. Но есть простые способы, чтобы не дать сбить себя с пути.
7. Почему журнал успеха помогает нам все больше и больше зарабатывать. И почему такое большое значение имеет наша уверенность в себе.
8. Как свое самое любимое хобби сделать профессией и в результате существенно повысить свои заработки.
9. Разница между важным и срочным. Что мешает осуществлению добрых намерений — в хорошие и плохие времена.
10. Важнейшее правило: действовать в течение 72 часов.

11. Как можно много зарабатывать — играючи.
12. Четыре главных правила, чтобы избавиться от долгов.
13. Сказка о курице, несущей золотые яйца, или как жить на свои деньги.
14. Как превратить отношения с банком в удовольствие.
15. Истинная природа везения. Как стать удачливее.
16. Хорошо ли любить деньги? Наличные в сейфе.
17. Что означает «нейтральность» денег? Связь между деньгами и счастьем.
18. Почему важно отдавать другим то, что получил сам.
19. Как бороться со своими страхами и как в этом может помочь журнал успеха.
20. Один из эффективных способов приумножить деньги — инвестиционный клуб. Пять правил, гарантирующих его успех.
21. Волшебная формула, помогающая получать деньги из ничего.
22. Три основных правила вложения денег.
23. Что такое акции и как они функционируют? Откуда берутся прибыли (курсовая прибыль и дивиденды)? Является ли вложение средств в акции подходящим для Вас? Вы сможете быстро принять правильное решение.
24. Почему следует время от времени покидать зону комфорта и браться за дело, которого боишься.
25. Как получать прибыль более 12% годовых. Оптимальная форма вложения средств и оптимальная стратегия вложений.
26. Почему акционерные фонды приносят высокие прибыли при высокой надежности. Три критерия, по которым можно выбрать надежный акционерный фонд.
27. Вкладывать деньги в инвестиционный фонд очень легко.
28. Как в таком фонде растут Ваши деньги. Сила сложных процентов.
29. Колебания биржевых курсов: как уравновесить прибыли и потери.
30. Как просто в уме рассчитать проценты и сложные проценты.
31. Что делать, если биржевой курс падает? Как извлечь из этой ситуации дополнительную прибыль.
32. Что нужно знать для уверенного получения высоких прибылей в акционерном фонде.
33. Что такое инфляция и как в уме подсчитать обесценивание Ваших денег. Как сделать инфляцию своим лучшим другом, выбрав правильный вид вложения денег.
34. Как воздействуют деньги на прочие сферы жизни. Чего можно добиться, если уделять теме финансов больше внимания.

Вероятность неожиданностей

Одной-единственной идеи может оказаться достаточно, чтобы мы отправились по пути достижения благосостояния. Но я хочу привлечь Ваше внимание к одной удивительной закономерности, некоторым образом «предостеречь» Вас: когда к Вам начинают приходить действительно «большие деньги», то нередко они текут с такой скоростью и в таких количествах, что невольно задаешься вопросом, где же все эти деньги были до сих пор.

Этот феномен тем более удивителен, что он полностью опровергает широко распространенное заблуждение: благосостояния можно достичь только долгими годами тяжелого труда. Наоборот, богатство и благосостояние являются результатом скорее определенного умонстроения, определенных, ориентированных на благосостояние догматов веры. Но если эти предпосылки наличествуют, то дело идет куда легче, чем думают многие. Потому и получила эта книга подзаголовок: «Успеха и благосостояния можно достигнуть играючи».

Невежество — это капитуляция

Большинство людей уделяет недостаточно внимания своим финансовым делам. В этом отношении они похожи на трехлетнего ребенка, который зажмуривается и думает, что его теперь не видно. Финансовые вопросы остаются — и если мы не уделяем им внимания, они превращаются во враждебную силу, которая снижает качество нашей жизни. Кто поворачивается к своим деньгам спиной, поворачивается спиной и к той личности, какой он хотел бы быть. Конечно, чтобы бороться за такую жизнь, о какой мечтаешь, нужно мужество. Но финансовая независимость сегодня стала доступной каждому. Се-нека говорил по этому поводу: «Мы не начинаем не потому, что это тяжело. Наоборот: это тяжело, потому что мы не начинаем».

Ничто не может Вас остановить

Кто однажды усвоит эти закономерности, азбуку денег, тот обнаружит, что его финансовая ситуация начала улучшаться. Ничто не может остановить идею, время которой пришло. Это справедливо и для жизни

каждого отдельного человека. Ничто не может помешать Вам добиваться своего врожденного права на благосостояние. Наше природное назначение — жить достойно и обеспеченно. И если Вы сами не позволите, то ничто не сможет остановить Вас. Почему? Потому, что для этого пришло время. Сейчас.

Наша жизнь — дорога. Если мы справимся с темой денег, то эта дорога откроет перед нами возможности и направления, о которых мы и не подозревали.

Кира — лучший тому пример. Поначалу она и сама не очень знала, чего ей хочется, потому что не верила в возможность осуществления мечты. Конечно, были и трудности. Но когда она намного быстрее, чем сама считала возможным, достигла своих целей, у нее появилось

чувство, что иначе и быть не могло. Это было неизбежно. И более того, действительность далеко превзошла ее мечты.

Этого я и Вам желаю: чтобы Вы осознали и осуществили свои желания. И чтобы на дороге своей жизни Вы встретили открытия, о которых даже не мечтали.

Ну, вот и пришло время приступить к нашей истории. К истории Киры и пса по кличке Мани, к азбуке денег и...

Сердечно Ваш Бодо Шефер

Белый Лабрадор

Уже целую вечность хотелось мне держать собаку. Но хозяин дома, где мы снимали квартиру, держать собак не разрешал. Папа пытался с ним поговорить, но ничего не добился. Всегда ведь находятся люди, с которыми невозможно договориться, и как раз таким человеком был наш хозяин. Он утверждал, что другие жильцы дома будут недовольны. Конечно, это был вздор. Я знала одну семью на втором этаже и другую семью на третьем, которые охотно завели бы собаку. Просто хозяин сам не любил собак. Папа однажды сказал:

«Он и себя-то самого не любит, а потому не желает счастья другим.»

Папины слова заставили меня внимательнее присмотреться к хозяину. Он и на самом деле казался всем на свете недовольным. А после того, как еще и мама заговорила с ним о собаке, он даже прислал нам заказное письмо, в котором угрожал выселением.

Я до сих пор убеждена, что никто не имеет права запрещать другому человеку завести собаку. И что лучше купить собственный дом — хотя бы потому, что там можно держать животных.

Через некоторое время мы действительно купили дом с садом. У меня появилась своя собственная комната, и я чувствовала себя на седьмом небе.

Но родители не выглядели особенно счастливыми. Покупка и переезд обошлись куда дороже, чем было запланировано. И я знала из родительских разговоров, что денег нам не хватает. Поэтому я решила несколько недель помалкивать о своих желаниях, самым заветным из которых было завести собаку.

Однажды утром мама взволнованно разбудила меня:

— Кира, вставай скорее, там перед домом спит раненая собака.

Я вскочила с кровати и бросилась на улицу. И правда, в уголке между домом и гаражом лежал белый пес. Он крепко, но беспокойно спал.

На спине, под лопаткой, у него была кровоточащая рана сантиметров в шесть длиной. Похоже, он получил ее в схватке с другой собакой, притащился сюда и, совсем обессилив, заснул. Сердце у меня дрогнуло. «Какой же гад искусал такую красивую собаку?» — подумала я. Тут пес проснулся, посмотрел на меня, широко раскрыв глаза, и сделал несколько шагов в мою сторону. Но он чересчур дрожал и был слишком слаб. Его лапы разъехались на скользких камнях, и он неловко плюхнулся на живот. Я полюбила его с первой минуты.

Мы осторожно уложили собаку в машину и отвезли ее к ветеринару. Ей зашили рану и сделали нужные уколы. Пес снова заснул.

Врач объяснил нам, что его действительно покусали, но рана быстро заживет. И еще он рассказал, что эта собака — Лабрадор, что собаки этой породы необычайно добры и умны и очень любят детей. Благодаря своему характеру лабрадоры становятся лучшими поводырями для слепых. Слушая врача, я не переставала гладить пса. Какая же у него мягкая шерсть! И какой он милый!

По дороге домой он так и не проснулся. Мы постелили в кухне одеяльце и бережно уложили пса. Я не отрываясь смотрела на него и думала о том, поправится ли он.

Мои тревоги оказались напрасными. Белый пес выздоравливал очень быстро. Но тут появилась другая серьезная проблема: мы не знали, откуда он пришел и кому принадлежит. Могли ли мы просто оставить его у себя? Внезапно меня охватил страх. Что, если родители не захотят оставить собаку? Ведь нам и без того не хватало денег.

Конечно, мы должны искать хозяина собаки. Однако втайне я надеялась, что найти его не удастся. Папа дал объявление о находке и обзвонил приюты для животных. Но там никто не слышал о белом Лабрадоре. С каждым днем, что он проводил у нас, мои родители все больше любили его. Он стал членом нашей семьи.

Тем временем Лабрадор совершенно выздоровел. Однажды я играла с ним все утро, пока не устала, а затем отправилась завтракать. Речь за столом снова шла о деньгах, поэтому слушать мне совсем не хотелось. Во-первых, я ничего в этом не понимала, во-вторых, разговаривая об этом, никто не выглядел счастливым. Улучив момент, я вмешалась в беседу с гораздо более важным вопросом. Я сказала:

— А как, собственно, зовут нашу собаку?

Тут и остальные спохватились, что клички пса мы не знаем. По-моему, это было очень плохо. Кличка собаке необходима. Я пристально смотрела на белый клубок, который крепко спал на своем одеяле в трех метрах от меня. Однако никакой подходящей клички мне в голову не приходило. Я размышляла:

Тем временем родители вернулись к разговору о деньгах. Вдруг папа громко вздохнул:

— Мани, мани, мани: все крутится вокруг денег! Лабрадор мгновенно проснулся и подошел к папе.

— Мани! — крикнула я. — Он отзывается на кличку Мани! Собака сразу подбежала ко мне.

— Он должен зваться Мани, он сам выбрал себе эту кличку, — продолжала я. Маме это не очень понравилось:

— «Money» по-английски значит деньги. Нельзя же всерьез так назвать собаку.

А папа, наоборот, нашел это очень забавным:

— Это вовсе не плохо. Мы кричим: «Деньги!» — и Деньги подбегают к нам. На этом кончатся все наши проблемы.

Конечно, тогда папа и представить себе не мог, как это было близко к правде... Вот так и получилось, что Лабрадор получил кличку Мани.

Прошло полтора месяца, а мы все еще не знали, откуда Мани пришел. Да я и не хотела этого знать. Ведь если мы найдем хозяина, то, возможно, Мани придется вернуть. А мне так хотелось, чтобы Мани навсегда остался с нами. И папа с мамой тоже успели привыкнуть к нему.

Итак, Мани жил с нами. Но в моей душе поселился страх: я боялась, что его прежний владелец однажды появится у наших дверей и отнимет у меня Мани. Само собой разумеется, я и Мани стали лучшими друзьями.

Мани уже полгода жил у нас, когда это произошло. Он был невероятно милым, терпеливым и сообразительным псом. У него были самые умные глаза из всех, что я видела. Иногда мне даже казалось, что он понимает человеческую речь.

Все лабрадоры любят плавать. Но мне кажется, никто из них не проводил столько времени в воде, как Мани. Он не пропускал ни одного ручья, ни одного озера. Мне хотелось посмотреть, как ему понравится настоящее море, с волнами и широким песчаным пляжем. Но мои родители говорили, что сейчас об этом и думать нечего, потому что дела у папы идут плохо.

По воскресеньям мы нередко гуляли по берегу большой реки, протекавшей через наш город. Река хоть немножко походила на море. Под мостом она выглядела особенно бурной и опасной.

Я не знаю, что случилось с Мани в то воскресенье. Все утро он бегал один. А когда мы отправились на прогулку, он внезапно умчался прочь. Мы в отчаянии звали и искали его и вдруг увидели, что пса уносит течением. До сих пор я не знаю, как он оказался в воде — ведь знал же, что в этом месте нельзя заходить в реку. Течение было слишком сильным, и Мани несло прямо к мосту. Там между двумя опорами была натянута сеть, и в нее-то угодил наш Мани. Волны перекачивались через его голову. Псу не хватало воздуха. Все дольше и дольше его голова оставалась под водой.

Нужно было спасать Мани. Я просто не могла смотреть, как он тонет. Забыв обо всех предосторожностях, я прыгнула в воду. Времени на раздумья у меня не было. Нужно было спешить на помощь собаке. Все произошло очень быстро. Я с головой оказалась под водой, наглоталась ее и здорово испугалась. Вокруг была грязная холодная вода, и я уже не знала, где верх и где низ. А потом вокруг стало совсем темно. Что было дальше, я не помню.

Родители потом рассказывали, что меня несло течением в ту же сеть, где застрял Мани. К счастью, поблизости оказалась лодка водной полиции. Я, наверное, успела обхватить Мани руками перед тем, как потеряла сознание. Во всяком случае, экипаж лодки почти одновременно вытащил нас обоих из воды.

Меня привели в чувство, и в больнице мне пришлось провести лишь несколько часов. Правда, еще несколько дней я оставалась очень слабой и должна была лежать в постели.

Мани пришел в себя намного быстрее и не отходил от моей постели. Он часами сидел перед кроватью и смотрел на меня. И по его глазам было видно, что он все понял.

Многие люди и не знают, каким благодарным может быть собачий взгляд. И Мани часами с любовью и благодарностью смотрел на меня. Конечно, тогда я еще не имела никакого представления, что ждет нас впереди...

Мне исполнилось двенадцать лет. В нашей жизни ничего не изменилось. К морю мы все еще не ездили. Мои родители по-прежнему страдали от «спада производства», как они это называли. Под этим они подразумевали, что в наших денежных проблемах виновата хозяйственная ситуация в целом.

Без ответа был оставлен мой вопрос, почему это у родителей моей подруги Моника дела всегда шли лучше, чем у нас, хотя общая экономическая ситуация нашей страны, конечно, касалась и их. У папы частенько бывали месяцы, когда дела почти не шли. Настроение у нас дома нередко бывало подавленным. Мама время от времени говорила, что лучше нам было бы не покупать дом. Я считала такие разговоры напрасной тратой времени, ведь изменить прошлое все равно нельзя. Кроме того, если бы не дом, Мани не смог бы остаться у нас, а значит, хорошо, что мы его все-таки купили.

Однажды произошло событие, испугавшее меня. Я намеревалась заказать по телефону новейший компакт-диск моей любимой группы. Только что по телевизору показали рекламу с номером телефона.

Я уселась у аппарата и начала уже набирать номер. Вдруг я услышала голос:

— Кира. ты должна сперва подумать, можешь ли ты позволить себе купить этот диск!

Я испуганно осмотрела комнату. Двери были закрыты, и в помещении я была одна. То есть. людей, кроме меня, в комнате не было. Только Мани, как обычно, был здесь. Может, этот голос мне просто послышался... Через некоторое время, успокоившись, я вновь сняла трубку и стала набирать номер. Внезапно тот же голос произнес:

— Кира. если ты купишь этот диск. то израсходуешь почти все свои карманные деньги за этот месяц.

Мани стоял передо мной, слегка наклонив голову. Голос, кажется, исходил от него. Но этого же не могло быть! Меня одновременно бросило в жар и в холод. «Собаки ведь не могут разговаривать. Даже такие умные собаки, как Мани», — думала я.

— Когда-то, очень давно, все собаки умели немного разговаривать — правда, совсем не так, как вы. люди. Но постепенно они потеряли эту способность. — Мани смотрел мне прямо в глаза. — Однако я все еще могу говорить.

Я как-то видела по телевизору верблюда, умевшего разговаривать. «Но это было всего лишь кино, — размышляла я. — А сейчас мы не в кино. Все по-настоящему». Тут меня осенило: «Наверное, я сплю». Я быстро ущипнула себя за руку. Ой, как больно! Значит, это не сон.

Все это время Мани смотрел на меня. Потом снова зазвучал его голос:

— Ну, можем мы теперь поговорить спокойно, или ты собираешься и дальше щипать себя и удивляться?

Я не могу этого объяснить, но мне вдруг показалось, что слушать разговаривающего Мани — это нормально и совершенно правильно. Это было так, как будто мы уже долгие годы могли говорить друг с другом. Только одно казалось мне странным: его морда при разговоре оставалась неподвижной.

— Мы, собаки, умели общаться гораздо совершеннее, чем люди. Если мы хотели что-то сообщить, то посылали свою мысль прямо в мозг другой собаки, — заметил Мани. — Поэтому я знаю, о чем ты думаешь.

Теперь я по-настоящему испугалась.

— Ты хочешь сказать, что прочитал все мои мысли? — спросила я, поспешно вспоминая, о чем думала. Но Мани прервал мои мысли:

— Конечно, я знаю, о чем ты думаешь. Если два живых существа по-настоящему близки, то они могут читать почти все мысли друг друга. И поэтому я знаю, что ты очень расстраиваешься из-за того, что у твоих родителей трудности с деньгами. И еще я вижу, что ты начинаешь повторять их ошибки. Еще в детстве определяется, сможет ли человек правильно обращаться со своими деньгами. Вообще-то я не должен с тобой разговаривать. Если об этой моей особенности узнают ученые, то они запрут меня в клетку и начнут ставить на мне разные опыты. Поэтому я до сих пор никому не рассказывал о моей способности. Но ты спасла мою жизнь, рискуя своей, и для тебя я делаю исключение. Однако это должно оставаться нашей тайной. Никто ничего не должен знать.

Мне хотелось задать Мани множество вопросов: откуда он пришел, как выглядел его прежний владелец, кто его ранил... Но он прервал меня:

— То, что мы можем говорить друг с другом, это большая удача. Потом ты лучше поймешь это. А теперь мы не должны терять времени на вопросы. Я не хочу сильно рисковать и потому предлагаю поговорить только на одну тему: о деньгах.

«Но ведь есть некоторые темы, которые интересуют меня куда больше», — думала я. Да и мама часто говорила, что деньги — не самое важное в жизни.

— Я тоже думаю, что деньги не самое важное в жизни. Но деньги становятся невероятно важными, если их все время не хватает. Вспомни, как мы оба тонули в реке. Мы должны были выбраться из воды. Все остальное было неважно. И точно так же обстоит теперь дело с твоими родителями. Их финансовая ситуация так плоха, что они постоянно говорят об этом. Они сейчас как будто тонут в реке. Я хочу помочь тебе, чтобы ты поступала иначе и никогда не попадала в такое положение. Если хочешь, я покажу тебе, как деньги могут стать в твоей жизни силой, приносящей радость.

Я еще никогда всерьез не думала об этом. Конечно, мне хотелось, чтобы у моих родителей было больше денег. Но я слегка сомневалась, что собака может быть хорошим советчиком в таком вопросе.

— Ты сама увидишь, — прервал меня Мани и улыбнулся, кажется, чуть-чуть надменно. — Но гораздо важнее другое: я смогу помочь; только если ты этого по-настоящему хочешь. Поэтому я прошу тебя хорошенько об этом подумать. И еще одно. Вы, люди, легко заблуждаетесь. Поэтому я предлагаю, чтобы ты время от времени кое-что записывала. Пожалуйста, запиши до завтра десять причин, по которым ты хочешь стать богатой. А завтра в четыре часа мы пойдем гулять в лес.

Мне казалось, что я еще слишком маленькая, чтобы заниматься таким серьезным вопросом, как деньги. Кроме того, я видела по своим родителям, что деньги — штука действительно неприятная.

Мани, конечно, прочитал мою мысль и тут же на нее ответил:

— Дела у твоих родителей так плохи, потому что они не научились обращаться с деньгами еще тогда, когда были в твоём возрасте. Один китайский мудрец сказал: «Делай великое, пока оно еще мало, потому что все великое начинается с малого». У денег есть свои секреты и законы, которые я хочу тебе объяснить. Но это получится, только если ты сама захочешь. Поэтому ты должна найти десять причин. А до тех пор мы больше не будем разговаривать.

Остаток дня я провела в размышлениях. Конечно, мне было о чем подумать. В конце концов я решила никому не рассказывать о своем открытии.

Я вовсе не хотела, чтобы Мани стал жертвой бесчисленных экспериментов ученых. Я уже видела, как его запирают в клетке и подсоединяют к нему множество шлангов. Нет, этого не должно случиться. Значит, я никому не имею права рассказывать о том, что Мани умеет «разговаривать». И еще я решила поменьше раздумывать о Мани и о его чуде. Я чувствовала, что эти мысли ни к чему не приведут.

Я вовсе не была убеждена, что должна уже теперь задумываться о деньгах. Но тут я вспомнила изречение мудрого китайца- «Делай великое, пока оно еще мало. потому что все великое начинается с малого». Что бы это значило?

Вдруг мне пришла в голову одна мысль: наверное, так было с Генри. соседским терьером. Генри попал к своим нынешним хозяевам, когда ему было уже пять лет. И он совсем их не слушался. Соседи всегда говорили, что теперь очень трудно что-нибудь изменить. И что собаку намного легче воспитывать, пока она еще молода.

Наверное, мои родители были как Генри во всем, что касается денег. Похоже, Мани знал, о чем говорил. Значит, я должна найти десять причин; почему хочу стать богатой. Это оказалось нелегким делом. Ведь для большинства моих желаний нужно не так уж много денег. Через три часа мой список был готов:

1. Дорожный велосипед с переключателем на 18 скоростей.
2. Я могла бы покупать столько компакт-дисков, сколько хочу.
3. Я смогла бы купить те красивые кроссовки, которые мне уже давно хочется приобрести.
4. Можно было бы дольше разговаривать по телефону с моей лучшей подругой, которая живет в двухстах километрах от нас.
5. Я смогла бы принять летом участие в школьной программе обмена и поехать в США. Кстати, это помогло бы мне лучше овладеть английским.
6. Я могла бы дарить деньги моим родителям, чтобы они не были всегда такими грустными. И можно было бы помочь им расплатиться с долгами.
7. Пригласить мою семью на праздничный обед в итальянский ресторан.
8. Я могла бы помогать бедным детям, которым живется хуже, чем мне.
9. Черные фирменные джинсы.

10. Компьютер, лучше всего ноутбук.

Когда список был готов, я почувствовала, что быть богатой очень неплохо. Богатые, конечно, могут запросто купить себе все эти вещи и заниматься многими интересными делами. Кроме того, заканчивая список я подумала о моей подруге Дженни и решила спросить у

Мани, можно ли будет рассказать ей то, что я узнаю о деньгах. Я с нетерпением ждала четырех часов. Ведь тогда я узнаю, как стать богатой...

Копилки мечты и альбом, мечты

Мне с трудом удалось сосредоточиться на приготовлении домашних заданий. Когда пробило четыре, я побежала в сад. Белый лабрадор уже ждал.

Я поскорее надела на него ошейник с поводком, и мы отправились в лес. Пока мы не добрались до нашего укрытия, я не решалась заговорить. Укрытие это представляло собой небольшую полянку среди зарослей ежевики. Чтобы попасть на нее, нужно было проползти по узкому длинному проходу между кустами. Там я устроила наше убежище — очень уютное. Никто, кроме меня и Мани, не знал этого места. Здесь мы были в безопасности.

Я была очень взволнована. Не потерял ли Мани еще свою способность разговаривать? Ведь ничего нельзя знать заранее. Мне хотелось так много у него спросить, но я помнила, что Мани решил говорить только о деньгах. И так, я ждала.

Мани посмотрел на меня:

— Ну, как, ты уже поняла, что быть богатой хорошо?

— Разумеется, — поторопилась ответить я и вытащила из кармана мой список.

— Прочитай вслух, — попросил Мани, и я назвала ему мои десять причин.

— И какие же из них ты считаешь самыми важными? — спросил он.

— Они все важные, — возразила я.

— Да, конечно, — согласился Мани. — И все-таки посмотри еще раз на свой список и отметь крестиком три самых важных причины.

Я внимательно перечитала список еще раз. Очень не просто было решить, какие причины для меня важнее других. Но в конце концов я справилась с этим и отметила следующие:

1. Будущим летом поехать в США по программе обмена.
2. Купить компьютер — лучше всего портативный.
3. Помочь родителям расплатиться с долгами.

— Очень разумные причины. Очень разумный выбор, — Мани был в восторге. — Я хочу поздравить тебя.

Я почувствовала гордость. Но смысл этого упражнения все еще был мне не до конца понятен. Мани, как всегда, прочитал мою мысль и немедленно ответил:

— Большинство людей не знают точно, чего они хотят. Они знают лишь, что хотят большего. Представь себе жизнь в виде большой фирмы, торгующей по каталогу. Если ты напишешь в такую фирму, что хочешь большего, она не пришлет тебе ничего. И если ты попросишь, чтобы тебе выслали что-нибудь «симпатичное», ты тоже ничего не получишь. Вот так и с нашими желаниями. Мы должны точно знать, чего хотим. Я засомневалась:

— Получается, если я знаю, чего хочу, то могу все это получить? Мани серьезно посмотрел на меня:

— Да. И первый, самый важный шаг ты уже сделала.

— Записав свои желания? — спросила я.

— Точно, — ответил Мани. — Теперь ты должна каждый день заглядывать в свой список. Ты будешь все снова и снова вспоминать о своих желаниях. И ты начнешь находить способы для их осуществления.

— Да неужели это может помочь!? — воскликнула я.

— Ну, если так на это смотреть, то и не поможет, — серьезно сказал Мани. — Но ты можешь сделать три вещи, которые помогут тебе изменить свою точку зрения. Во-первых, возьми пустой альбом для фотографий и преврати его в альбом желаний. Найди фотографии или картинки тех вещей, которые тебе хочется приобрести, и наклей их в альбом. Ведь мы и думаем картинками.

— Думаем картинками?

— Это значит, что мы думаем не буквами. Когда ты думаешь о Калифорнии, ты ведь видишь при этом не слово КАЛИФОРНИЯ, а определенные картины.

Да, тут Мани был прав. Конечно, перед моим внутренним взором тут же появились картины Диснейленда, Голливуда, Сан-Франциско...

— Где же я найду такие картинки?

Мани странно посмотрел на меня и забавно наморщил лоб, как будто хотел надо мной посмеяться.

— Ну ладно, — заторопилась я с объяснениями. — Фотографию компьютера я найду в журнале, а снимки Америки — в организации, которая занимается обменом школьников. И все равно это непонятно.

— Иногда мы и не должны так уж точно понимать, как и почему что-то получается. Важно, что это получается. Можешь ты мне, например, объяснить, как функционирует электричество? — спросил Лабрадор.

Такого вопроса я не ожидала. Почему Мани спросил именно об электричестве? О силе тяжести я могла бы кое-что сказать. Это мы в школе уже изучали. Но электричество?

— Вот видишь, — продолжил Лабрадор. — Но ты можешь нажать на выключатель, и свет включается, хотя ты и не в состоянии объяснить, как это получается. Мы, собаки, не очень-то любим разговаривать на научные темы. Нам достаточно знать, что это действует. Так что заведи себе фотоальбом и начинай наклеивать в него картинки.

— Мне же было просто любопытно, — проворчала я. Мани ответил мгновенно:

— Ну и хорошо. Но это не должно помешать тебе делать то, что надо. Очень многие люди все медлят и медлят — только потому, что они не все до конца понимают. Куда разумнее просто приступить к делу.

— Согласна. Я попытаюсь. Мани остановил меня:

— Надо делать, а не пытаться. Кто хочет попытаться, тот готов к неудаче. Я в конце концов ничего у него не получается. Пытаться — это просто заранее оправдывать свои неудачи, заранее извинять их. Не существует никаких попыток. Или ты делаешь что-то, или не делаешь.

Я на минуту задумалась. Кое-кто, хорошо мне знакомый, всегда говорит: «Я попытаюсь сделать то-то и то-то.» Да-да, эти слова часто использует папа. Он всегда говорит, что сегодня попробует найти нового заказчика. И чаще всего у него ничего не получается. Похоже, Мани прав. Может быть, это и в самом деле связано со словом «пытаться». Поэтому я решила попробовать не использовать слова «пытаться».

Вдруг Мани тихонько зарычал. Проклятье, конечно, я же снова использовала это слово. Нет, я не буду пробовать, я просто не буду больше так говорить. Мани все время наблюдал за мной:

— Это нелегко, правда?

Я вспомнила, что Лабрадор говорил о трех вещах, которые я могла бы сделать для того, чтобы больше верить в исполнение моих желаний. Первая из них — альбом мечты. А две других?

Объяснение последовало тут же:

— Второе, что ты можешь сделать, это каждый день по несколько раз рассматривать фотографии в альбоме мечты, представлять себе, что ты уже в США, что у тебя уже есть свой компьютер, и как гордится твой папа тем, что рассчитался с долгами.

— Но это же значит мечтать, — удивилась я. — А мама всегда говорит, что я не должна мечтать днем. Мани был терпелив:

— Это называется визуализацией. Все люди, которые чего-то достигли в жизни, сначала мечтали об этом. Они снова и снова представляли себе, как все будет, когда они достигнут своей цели. Конечно, только мечтать мало. Наверное, это и хочет сказать твоя мама.

Все это казалось мне очень странным. И все было совсем не так, как я себе представляла.

— Это и называется учиться, — тут же последовал ответ, — знакомиться с новыми мыслями и новыми идеями. Если продолжать думать так же, как думал раньше, то и результаты будут такими

же, как раньше. Но поскольку многое из того, что я тебе расскажу, для тебя ново, я хочу кое-что предложить: пока ты чего-то не сделала, не принимай решения, хорошо это или плохо. А без визуализации еще никто не достиг своей цели. Развивается то, на чем мы сосредоточиваемся. Большинство людей сосредоточивается на том, чего они не хотят, вместо того, чтобы представить себе, чего они хотят.

Я вспомнила о моей тетушке Христель. Ей всегда казалось, что на нее сваливается слишком много всего и что ее нервы этого не выдержат. Каждая мелочь становилась для нее проблемой. И еще я подумала о папе. Он сосредоточивался на тяжелой ситуации, в которой мы находились, — и казалось, ситуация от этого только ухудшалась.

— Третье, что ты могла бы сделать, это завести копилки мечты, — продолжал Мани.

— Копилки мечты? — я была разочарована. Мани засмеялся:

— Ну да! Ведь без денег ты не сможешь отправиться в Калифорнию. А одна из лучших возможностей собрать деньги — просто взять баночку и превратить ее в копилку. На баночке ты записываешь свою мечту. Но для каждой мечты нужна отдельная копилка. Как только ты ее приготовила, начинай класть в нее деньги, которые сумела сэкономить.

Мне тут же пришло в голову множество недостатков такого способа:

— Но тогда мне придется завести множество копилочек, и даже если бы я смогла класть в каждую по евро 1, достаточную сумму я смогу собрать не раньше, чем мне исполнится двадцать лет. Кроме того, так у меня не останется денег для исполнения других желаний:

Мани спокойно смотрел на меня:

— Ты заметила, что всегда сначала думаешь о том, почему ничего не получится?

— Может быть, иногда, — проворчала я. — Но мне кажется, что было бы лучше, если бы мы вместе подумали, как мне получать побольше карманных денег. Если бы у меня, например, было вдвое больше, чем сейчас, я была бы очень довольна.

Голос Мани стал очень серьезным:

— Ты мне сейчас не поверишь, Кира, но если бы у тебя было в десять раз больше карманных денег, чем сейчас, твои проблемы бы только увеличились. Ведь наши затраты растут вместе с ростом наших доходов.

Это, однако, показалось мне сильно преувеличенным. Если бы у меня было в десять раз больше денег, я жила бы как в раю.

Но Мани не отступал:

— Посмотри на своих родителей. У них не в десять, а в сто с лишним раз больше денег, чем у тебя. И все-таки им не хватает. Важно не количество денег, а то, что мы с ними делаем. Сначала научись обходиться деньгами, которые у тебя есть сейчас. Только тогда ты будешь готова к тому, чтобы получать больше. Но подробнее я объясню тебе это через несколько дней. А теперь давай вернемся к копилкам. Что, если просто начать?

— Но при таком количестве копилки я запутаюсь, — возразила я.

— Именно поэтому я просил тебя выбрать из списка самые важные цели, — пояснил Мани.

Я еще раз посмотрела на мой список. Правильно: самыми важными были поездка в США, компьютер и помощь родителям. Для первых двух желаний можно завести копилки мечты. Третье — помочь родителям избавиться от долгов — казалось почти безнадежным.

— Именно так, — сказал Мани, прочитав мои мысли. — О долгах твоих родителей мы поговорим через несколько дней. Это куда легче, чем ты, вероятно, думаешь. Значит, тебе нужны только две копилки мечты. С этим ты должна справиться.

— Ладно, я попыта... нет, я хочу сказать, я сделаю это, — пообещала я.

— Тогда начинай немедленно, — потребовал Мани. Я была поражена:

— Ты хочешь сказать, прямо сейчас?

Мани только кивнул в ответ. Поэтому я закрыла глаза и представила для начала, как я смогу делать на компьютере домашние задания. Они будут выглядеть намного красивее, и мне будет куда легче исправлять ошибки. В результате я буду получать и более высокие отметки. Кроме того, у меня появятся замечательные компьютерные игры... Потом я представила, как бы я провела три недели в Сан-Франциско. Я бы жила в очень симпатичной семье, подружилась бы со славной девочкой, и мы замечательно проводили бы время. С ней мы понимали бы друг друга, как ни с кем до сих пор. И я могла бы столько узнать, ведь очень многое там иначе...

Попутно мне представилось, как папа отвозил бы меня в аэропорт — очень довольный, потому что у него нет больше долгов. О, как он этим гордится! И прекрасно, потому что теперь настроение у него заметно улучшилось. Он даже насвистывает песенку. Впрочем, лучше бы папа этого не делал, потому что он ужасно фальшивит. Но мне даже это нравится, раз у него хорошее настроение.

Через некоторое время я снова открыла глаза.

— Ну как? — тут же поинтересовался Мани.

— Здорово! — сообщила я. — Мне очень понравилось. Но я так и не понимаю, чем это может помочь.

— Вспомни об электричестве, — сказал Мани. — Ты и не должна этого понимать. Ты должна только знать, что это действует. И, честно говоря, я тоже не могу этого объяснить. Одна мудрая чайка однажды сказала: «Перед тем, как улететь, ты должен себе представить, что уже достиг цели путешествия». Ты должна вообразить, что у тебя уже есть то, чего хочешь. Тогда несильное желание превратится в потребность. И со временем желание поехать в Сан-Франциско будет становиться все сильнее. Чем чаще ты станешь визуализировать, тем сильнее будет твое желание. Тогда ты начнешь искать способы его исполнения. И

знаешь, Кира, возможностей для этого достаточно. Но ты увидишь их только тогда, когда у тебя появится настоящая потребность. А потребность появится, если ты будешь визуализировать.

— Вероятно, ты прав, — задумчиво ответила я. — Я никогда всерьез не занималась тем, чтобы поехать в Сан-Франциско. Лишь однажды я осторожно заговорила об этом с мамой. И она сразу же ответила, что об *этом* и думать нечего. И с тех пор я не думала об этом всерьез. А теперь мне вдруг захотелось большего.

Мани удовлетворенно проворчал:

— Это вообще-то стоит парочки хороших галет.

Я спохватилась, что с тех пор, как Мани взялся меня учить, я перестала обращаться с ним как с собакой. Это следует немедленно исправить. Я поспешно протянула ему галеты, которые он с удовольствием проглотил.

Неожиданно появилось столько таинственного, и мне хотелось его так о многом спросить. Но Мани ведь предупреждал, что будет говорить только о деньгах, поэтому свои вопросы я оставила при себе. Но один из них мучил меня так, что ответ был мне просто необходим. И я решилась:

— Мани, а откуда ты все это знаешь? Мани развеселился:

— Да просто собаки очень умны.

— Ах, да, — ответила я. — А как же насчет боксеров и пуделей?

— Я одно время жил у очень богатого человека, — засмеялся Мани. — Но сейчас я не хочу об этом говорить. Когда-нибудь ты все узнаешь. Все мое время. А теперь пора возвращаться домой, уже довольно поздно.

Мани был прав, подошло время ужина. Мы побежали домой. Но голода я почти не чувствовала, да и мысли мои были далеко. Мама озабоченно смотрела на меня:

— Кира, что-то случилось?

Я только вздохнула в ответ. Ведь я не имела права ни о чем рассказывать. И при этом мне надо было о многом подумать.

Наконец ужин закончился, я смогла отправиться в свою комнату и тут же взялась за дело. Нужен был альбом для фотографий. Я нашла старый поэтический альбом — он вполне сгодится. Теперь нужно было наклеить в него фотографии компьютера и виды Калифорнии. Удивительно, я не могла найти ни одной фотографии, ни одного рекламного проспекта, ничего. Ну конечно, ведь даже я сама не принимала свои мечты всерьез. Что ж, проспекты я раздобуду завтра же. А сейчас можно заняться копилками.

Я разыскала коробку из-под конфет, проделала в ее крышке продолговатое отверстие, какие бывают в свинье-копилке, и вывела фломастером большими буквами «КОМПЬЮТЕР». Потом я плотно заклеила коробку скотчем. А как только найдется особенно красивая фотография компьютера, я приклею на коробку и ее. Если снимок будет достаточно большим, им можно заклеить всю крышку. И тогда коробка будет выглядеть совсем как портативный компьютер — с прорезью для монеток. Идея мне понравилась. Затем я взяла старый ящичек из-под папиных сигар и написала на нем «САН-ФРАНЦИСКО».

Ну вот, копилки у меня есть. Но что я могу в них положить? Мне дают всего десять евро в месяц. На них можно купить разве что один компакт-диск. Я задумалась. Если положить в каждую копилку, например, по два с половиной евро, денег на компакт у меня не останется. Решение далось нелегко. Но в конце концов я рассудила так: или я через некоторое время смогу купить сразу несколько дисков, или же я достигну своих более значительных целей. Пожалуй, лучше, если я буду покупать диски только раз в два или три месяца. Тогда я смогу экономить половину моих карманных денег. Эта мысль нравилась мне все больше. В итоге я положила в каждую копилку по два с половиной евро.

Я гордо смотрела на копилки. Внезапно они показались мне огромными. Нет-нет, все непременно получится. Я чувствовала себя просто замечательно.

Я легла в постель, но была слишком взволнована, чтобы уснуть. Я сегодня многому научилась. И какой увлекательной стала вдруг моя жизнь! И уж точно, ни у кого нет такой замечательной собаки. В ту ночь мне приснились Мани, Америка и компьютер.

Дэрил — мальчик, который много зарабатывает

— Кира, вставать пора! — раздался мамин голос.

Я бы проспала, если бы мама меня не разбудила. Мне кажется, иногда людям хочется поспать подольше специально для того, чтобы досмотреть свои сны.

Я потянулась в кровати. Мама раздвинула занавески и впустила в комнату утро. Она осуждающе смотрела на беспорядок в моей комнате. Ее взгляд упал на мои копилки мечты. Одну за другой мама взяла их в руки и нахмурилась, прочитав надписи «КОМПЬЮТЕР» и «САН-ФРАНЦИСКО».

— Что это за бредовая идея? — спросила она. Меня бросило в жар.

— Ты же знаешь, что я бы хотела поехать в США по программе обмена. Кроме того, я подумала, что на компьютере смогу лучше делать домашние задания. Но для всего этого мне нужно экономить.

Мама ошеломленно смотрела на меня. Она все еще держала по копилке в каждой руке. Теперь она потрясла копилки. Монеты, лежавшие в них, загремели.

— Внутри и в самом деле деньги, — удивилась мама. — Сколько же там?

Разговор мне совсем не нравился.

— По два с половиной евро, — пробормотала я.

— Так-так, два с половиной евро на компьютер и два с половиной евро на поездку в Америку. В таком случае это продлится недолго, — мама усмехнулась. — Если на поездку нужно две с половиной тысячи евро, то... — она начала считать в уме, что получалось у нее не очень быстро, — то ты сможешь полететь туда через пятьдесят лет! — справившись со счетом, захохотала она.

Ненавижу, когда мама смеется надо мной. Я показалась себе такой глупой, что даже подступили слезы. Но чтобы мама увидела меня плачущей? Я сдерживалась изо всех сил, но все равно заплакала, отчего только еще сильнее рассердилась.

Мама вышла из комнаты и позвала отца:

— Георг, наша дочь, оказывается, финансовый гений, и она скоро полетит в Сан-Франциско! Ха-ха-ха! Я потеряла самообладание, высунулась в коридор и крикнула:

— И полечу, вот увидите. Причем, точно на будущий год, в летние каникулы. И даже открытки вам не напишу! А вы можете оставаться со своими долгами. Я, во всяком случае, помогать вам не стану!

Я захлопнула свою дверь, бросилась на кровать и горько заплакала. Я злилась на себя саму. Лучше было промолчать. Охотнее всего я бы растоптала свои копилки. Смешно! Конечно, из этого ничего не получится. После школы я собиралась первым делом сказать Мани, как глупа вся эта затея. В Америку, когда я стану уже бабушкой. Замечательно!

В школе тоже выдался не лучший день. Я никак не могла сосредоточиться. Хорошо еще, что в тот день не было контрольной. Мне бы ни за что не справиться. Я даже не разговаривала с Моникой, хотя мы дружим и сидим за одной партой. Я сидела неподвижно, уставившись в одну точку, и никак не могла дождаться конца занятий. Наконец, Моника не выдержала моего молчания и настроила мне записку. Я, не читая, сунула ее в карман джинсов.

На перемене я быстрыми шагами вышла во двор. Мне хотелось остаться одной. Но Моника побежала следом и догнала меня. Она казалась обиженной.

— Что с тобой случилось? Ты больна или что-то потеряла, или проблемы с родителями? Не волнуйся, все уладится. Или объявился хозяин Мани?

— Ничего подобного, — прервала я Монику, иначе она бы целую вечность продолжала задавать вопросы.

Она вообще очень много разговаривает. Слишком много. И она не умеет хранить секреты. Поэтому Ясон, наш староста, всегда говорит, что тот, кто что-то сообщает Монике, мог бы с таким же успехом напечатать это в газете.

Но Моника продолжала расспрашивать. Как и все болтуны, она была любопытна. Я поняла, что она не оставит меня в покое, и принялась размышлять, что бы можно было ей сказать, не подвергая опасности Мани. И решила в конце концов рассказать ей про мои копилки мечты и про то, что мама меня высмеяла. Свой рассказ я закончила следующими словами:

— Теперь мне обязательно нужно много денег, причем поскорее. Моника непонимающе смотрела на меня:

— Ну, так попроси у бабушки с дедушкой, они обязательно дадут тебе денег. Я бы так и сделала.

— Моника, моим бабушке с дедушкой самим-то едва хватает на жизнь, — ответила я.

Родители Моника были богаты, а о моей семье этого никак нельзя было сказать.

— Тогда обратись к своим тетушкам и дядюшкам, — предложила она.

— Ты действуешь мне на нервы, — заявила я. — Наша семья совсем не богата. У меня почти нет шансов получить деньги.

— Я допускаю, что тебе не у кого попросить денег. Но одно я знаю точно: ты слишком быстро готова сдать. Ты и не пытаешься ничего сделать. И вообще ты всегда сначала думаешь о том, почему ничего не получится. Ничего поэтому и не получается.

Нечто похожее говорил мне и Мани. Наверное, в этом есть частица правды.

Да, Монику во многом можно было обвинить, но она и на самом деле никогда не сдавалась. Она не была особенно талантливой ученицей, но всегда ей удавалось как-то справляться с контрольными. А ведь она, действительно, была не самой умной.

Перемена закончилась, и мы вернулись в класс. Я про себя решила не быть такой враждебной.

Наконец уроки остались позади. Я побежала домой, торопливо проглотила обед, взяла Мани на поводок и помчалась с ним в лес. Я едва дождалась, чтобы мы добрались до нашего укрытия. И тут из меня полилось:

— С твоими идеями у меня только одни неприятности. Мама нашла копилки и посмеялась надо мной. Она подсчитала, что мне понадобится пятьдесят лет, чтобы собрать деньги на поездку в Америку. Но тогда я буду уже бабушкой.

Мани слушал молча, опустив голову. Он казался грустным. Наконец, он тихо спросил:

— Ты действительно хочешь в Америку? И компьютер ты тоже хочешь?

— Конечно, — решительно ответила я. Удивляясь самой себе, я поняла, что благодаря визуализации, копилкам и наполовину готовому альбому мечты я теперь хочу этого по-настоящему.

— Хорошо, — внимательно посмотрел на меня Мани. — Это и есть самое главное. Речь не о том, знаешь ли ты уже, как это получить. Куда важнее, что ты этого действительно хочешь. Иначе ты сдашься при первых же трудностях.

Да, это так. Случай с мамой только придал мне настойчивости. Я хотела добиться своего.

— Я никогда и не говорил, что это будет легко, — продолжал Мани.

— Конечно. Но уж от мамы-то я этого никак не ожидала, — простонала я.

— То, что причиняет нам боль, всегда приходит с самой неожиданной стороны, — объяснил пес. — А теперь нам следует подумать, как собрать нужную сумму прежде, чем ты станешь бабушкой.

— Это безнадежно, — возразила я. — Я уже говорила об этом с Моникой. У меня нет богатых родственников, у которых я могла бы попросить денег. Я просто в отчаянии.

Мани сердито поскреб лапой по земле:

— Не думай о том, чего сделать нельзя. Ты можешь работать, чтобы зарабатывать деньги.

Я ужасно злилась на себя. Я ведь хотела отучиться видеть во всем в первую очередь негативную сторону. Но как я, двенадцатилетняя девчонка, смогу зарабатывать? Впрочем, одна идея у меня была.

— Я бы могла, наверное, регулярно стричь нашу лужайку. За это я бы получала несколько евро. Мани был не в восторге:

— Но ведь ты тоже живешь в этом доме и тоже пользуешься садом. Само собой разумеется, что ты должна помогать. И требовать за это у родителей денег ты не можешь. Кстати, твои родители очень много делают для тебя — и не требуют за это платы.

— Ну, и как же мне в таком случае зарабатывать? — поинтересовалась я.

— Нет ничего легче, — ответил Мани. — Позже я расскажу тебе увлекательную историю об одном мальчике — его зовут Дэрил. К семнадцати годам он успел уже заработать не один миллион, хотя вообще-то он совершенно обыкновенный мальчик. Но сначала я хочу сказать тебе что-то очень важное. Зарабатываешь ты деньги или нет, зависит в первую очередь не от того, есть ли у тебя хорошие идеи. И не от того, насколько ты хороша. Это зависит от того, насколько ты уверена в себе.

— Насколько я уверена в себе? — передразнила я Мани. — Но какая тут связь с умением зарабатывать?

Мани с достоинством поднялся, подчеркнув этим, что речь идет об очень важных вещах:

— От твоей уверенности в себе зависит, считаешь ли ты себя на что-то способной. Веришь ли ты в себя. Если ты в себя не веришь, то ничего и не начнешь. А если не начинать, то ничего и не произойдет.

Я не была уверена, что правильно его поняла. Но тут мне пришло в голову одно воспоминание. Недавно я забыла подготовиться к контрольной работе. Наутро в школе одноклассники рассказывали мне о предстоящей работе. Я знала, что умею быстро усваивать новое. Поэтому я сбежала с двух первых уроков по искусству, устроилась на скамеечке во дворе школы и занялась подготовкой к контрольной. В результате я написала ее на «удовлетворительно». Если бы я не была уверена в себе, то даже и не пыталась бы в тот день что-то выучить.

— Прекрасно, — обрадовался Мани. — Именно это и есть уверенность в себе. Я опять успела забыть, что он умеет читать мои мысли.

— Не думаю, — задумчиво произнесла я, — что я так уж сильно уверена в себе.

— Верно, — подтвердил Мани. — Но это легко поправимо. Хочешь узнать, как?

— Конечно!

— Я объясню. Возьми чистую тетрадь или дневник и назови ее «журналом успеха». И записывай в эту тетрадь все, что тебе хорошо удалось. Лучше всего, если ты будешь каждый день делать в твоём журнале успеха не менее пяти записей. Кстати, это могут быть и совсем маленькие дела. Поначалу тебе будет нелегко. Ты будешь спрашивать себя, можно ли то или это считать действительно успехом. В таком случае

нужно всегда принимать решение «за». Лучше, чтобы у тебя был излишек уверенности в себе, чем страдать от ее недостатка.

Мани на мгновение задумался, а потом продолжил:

— И лучше всего начать немедленно. А мы встретимся позже, после ужина. И тогда я расскажу тебе историю про Дэрила.

Я предпочла бы услышать историю про Дэрила сейчас же. Но я все больше доверяла Мани. Похоже, он хорошо знал, что делает. Поэтому я согласилась, и мы отправились обратно.

Дома я сразу же пошла в свою комнату, взяла старую школьную тетрадку по химии и вырвала из нее немногие исписанные страницы. Потом я наклеила на обложку аккуратную надпись: «Журнал успеха».

Раскрыв тетрадь, я поставила на первой странице сегодняшнее число и собралась было уже писать. Но что же мне вчера удалось хорошо сделать? Я уставилась в пустую страницу. Очень долго мне ничего не приходило в голову. Кроме того, быть может, что я подготовила свои копилки мечты. Но, с другой стороны, я вовсе не была уверена, что из этих копилочек будет какой-то толк. Стоит ли в таком случае писать об этом?

Потом я вспомнила, что говорил Мани: «Сначала ты часто будешь сомневаться, записывать что-то или нет. В таком случае всегда принимай решение «за».

Поэтому я просто начала писать:

1. Смастерила две копилки мечты. Я сделала это, хотя и не совсем уверена, поможет ли это. Но если бы я этого не сделала, то уж точно бы не помогло.
2. В каждую копилку положила по два с половиной евро.
3. Начала альбом мечты.
4. Сегодня начала делать записи в журнале успеха.
5. Решила зарабатывать много денег.
6. Решила не сдаваться.
7. Больше узнать о деньгах и о том, как их зарабатывать.

Просмотрев еще раз свои записи, я вдруг почувствовала ужасную гордость. Немного есть детей, которые делают что-нибудь подобное, это точно. Я даже показала себя самой себе чуть-чуть жутковатой. Впрочем, наверное, все необычные люди кажутся немного сумасшедшими.

Тем временем пора было браться за уроки, потом мы ужинали, а после этого мы с Мани отправились, наконец, в лес. Стояло лето, и до темноты было еще далеко. Маме не понравилось, что я вечером уйду в лес, но ведь мне нужно было без помех поговорить с Мани.

Первым делом я гордо сообщила ему, что и в самом деле нашла для журнала успеха целых пять дел, которые мне удалось. Мани был доволен.

Я же не могла дождаться, когда Мани начнет свой рассказ про Дэрила.

Он не стал долго держать меня в напряжении и приступил к повествованию:

— Дэрил однажды сам рассказал свою историю, а я при этом присутствовал. Началось с того, что однажды, когда ему было восемь лет, он захотел пойти в кино. Поскольку денег у него не было, перед ним встал вопрос: попросить денег у родителей или заработать их самому? И он решил заработать. Он приготовил лимонад и встал на перекрестке, чтобы продавать его прохожим. К сожалению, стоял холодный зимний день, и лимонад никто не покупал — за исключением двух человек: его матери и его отца.

Вскоре у мальчика появилась возможность поговорить с неким весьма преуспевающим бизнесменом. Когда Дэрил рассказал о своей неудаче, бизнесмен дал ему два очень важных совета:

— В первую очередь думай о том, как решить проблемы других людей. Тогда ты сможешь зарабатывать много денег. И, во-вторых, всегда сосредоточивайся на том, что ты знаешь, можешь и что у тебя есть.

Это были очень важные советы. Ведь есть столько вещей, которые маленький восьмилетний мальчик еще не может делать. И вот он шел по улице и размышлял о том, какие проблемы могут быть у людей и что он мог бы сделать, чтобы решить эти проблемы.

Это было совсем не просто. Ничего подходящего не приходило ему в голову. Но однажды его отец невольно натолкнул Дэрила на правильную мысль. За завтраком он попросил сына принести ему газету. А надо сказать, что в Америке почтальоны кладут газеты в ящик, укрепленный на заборе перед домом. И если кто-то хочет завтракать в уютном купальном халате и при этом читать газету, он должен сначала выйти из теплого дома на холод и достать свою газету из ящика.

Иногда надо пройти всего двадцать-тридцать метров, но под дождем или на ветру и это достаточно неприятно.

Пока Дэрил нес отцу газету, у него появилась идея. В тот же день он предложил своим соседям, что всего за один доллар в месяц будет каждое утро вынимать газеты из ящика и подсовывать их под дверь дома. Очень многие согласились. Вскоре у Дэрила было уже более семидесяти клиентов. Когда прошел месяц и он собрал свой первый заработок, мальчик ощутил себя на седьмом небе.

Он был счастлив, но не вполне удовлетворен, и принялся искать другие возможности заработка. Теперь он вошел во вкус, и долго искать ему не пришлось. Он предложил своим клиентам ставить мешки с мусором перед дверями. Дэрил каждое утро относил их к мусорным бакам — еще по доллару в месяц. Он заботился о домашних животных, поливал комнатные растения, присматривал за домом, если хозяева уезжали. Но никогда он не договаривался, чтобы ему платили за проработанное время, а только за проделанную работу. Так ему удавалось заработать гораздо больше.

В девять лет он научился обращаться с отцовским компьютером, писать «рекламу». И еще он начал записывать все приходившие ему в голову мысли о том, как дети могут зарабатывать деньги. А поскольку у него появлялись все новые и новые идеи, вскоре у Дэрила собралась солидная коллекция. Мама помогала ему вести учет, чтобы он знал, когда, с кого и сколько денег следует получить.

Дэрил привлек к делу и других детей в качестве помощников. За это они получали половину того, что платили самому Дэрилу. Вскоре у него в кармане было достаточно денег.

На мальчика обратил внимание один издатель и уговорил его написать книгу под названием «250 советов, как дети могут зарабатывать». Книга получила большой успех. Так Дэрил в двенадцать лет стал автором бестселлера.

Его заметили на телевидении и стали приглашать на многочисленные детские шоу. Оказалось, что на экране мальчик выглядит очень естественно и нравится зрителям. В пятнадцать лет он стал ведущим собственного шоу. Теперь он и в самом деле невероятно много зарабатывал благодаря телевизионным гонорарам и рекламе.

К семнадцати годам у Дэрила было уже несколько миллионов долларов.

Свой рассказ Мани закончил вопросом:

— Как ты думаешь, Кира, что и какой момент имели решающее значение в его истории?

Я еще находилась под впечатлением рассказанного и хотела ответить, что решающим был успех Дэрила на телевидении. Но без своей книги он не попал бы на телевидение. А без своего умения зарабатывать деньги он не написал бы книги...

Мани прервал мои мысли:

— Правильно, все началось с того, что Дэрил сконцентрировался на том, что он может, знает и что у него есть. И этого оказалось вполне достаточно, чтобы он, ребенок, начал зарабатывать значительно больше, чем

многие взрослые. Взрослые нередко всю жизнь концентрируются главным образом на том, чего они не могут, не знают и чего у них нет.

— Значит, это снова вопрос веры в себя, — догадалась я. — Но получится ли так здесь? В Америке детям, конечно, все дается намного легче.

Мани громко залаял. Я испугалась, ведь он почти никогда не лает. Может, нам угрожает опасность? Но ничего необычного видно не было. И тут я вспомнила, что я только что сказала. Я чуть не откусила себе язык. Ведь я опять сделала как раз то, чего не должна была делать: сосредоточилась на том, чего не могла и чего у меня не было. Я-то ведь живу не в Америке. Но и здесь наверняка найдутся возможности.

Мани довольно проворчал:

— Отлично! Теперь мы оба заработали по галете. Я живо полезла в карман и дала псу галету, которую он с аппетитом съел.

А я внезапно приободрилась. Обязательно найдется способ, которым можно заработать. Я потрепала Мани по шее. Он казался очень довольным и даже замурлыкал по-кошачьи. Через несколько минут мы отправились домой.

Как моему кузену удается много зарабатывать

Этот разговор с Мани поверг меня в задумчивость. Я лежала в кровати и размышляла. Обязательно нужно найти способ зарабатывать деньги. Но как это устроить и с чего начинать? То, чего сумел добиться Дэрил, было чудесно. Но он, наверное, был исключением. Кроме того, в Америке все это куда проще, чем у нас. И он из тех мальчиков, которым родители очень многое позволяют. И наверное, я все-таки еще слишком маленькая...

Но тут мне снова вспомнилось, что говорил Мани об уверенности в себе. Если бы я больше верила в свои силы, мне было бы легче. Я чуть не попала в ту же западню, что и вчера. Поэтому я решила побыстрее снова взяться за журнал успеха. Две записи, которые можно сделать, пришли мне в голову сразу:

1. Я умею хорошо хранить секреты.
2. Я не сдалась после того, как мама меня высмеяла.

Я подумала Несколько минут и вскоре вспомнила еще о некоторых своих успехах.

Записывая их, я продолжала думать о Дэриле и о том, знаю ли я кого-либо, похожего на него. Замечательно было бы поговорить с таким человеком.

Тут я вспомнила о моем двоюродном брате Марселе. Он старше меня на десять месяцев. Мы видимся всего один-два раза в год, но, насколько я знаю, у него всегда есть деньги. Правда, он очень противный, и с ним невозможно нормально играть. Но, надеюсь, он сможет мне сейчас помочь. Я тут же позвонила ему, хотя было уже довольно поздно. Мне повезло, он еще не спал.

Как только Марсель взял трубку, я выложила ему мою просьбу:

— Алло, Марсель, это Кира. Мне нужно поговорить с тобой, это очень важно. Я хочу на будущий год поехать в Сан-Франциско по программе обмена, а для этого нужно много денег. Мама с папой помочь мне не могут. Значит, нужно заработать самой.

— Нет ничего легче, — засмеялся Марсель. — Ну, ты меня и удивила. Я-то всегда думал, что ты дурочка, которая интересуется только куклами, и поэтому никогда не разговаривал с тобой всерьез. А ты задаешь такой здравый вопрос.

Больше всего мне хотелось положить трубку. Какая наглость! И это его заносчивое лягушачье лицо! С трудом мне удалось овладеть собой:

— Ты не очень-то вежлив. Но, может; ты все-таки поделишься со мной, как тебе удается зарабатывать деньги?

— Я думал, ты сразу положишь трубку и начнешь реветь, — провоцирующе ответил он. — Но ты, видимо, не такая нюня, как я думал. Знаешь, зарабатывать деньги и в самом деле несложно.

Если бы он знал, как я старалась не заплакать! Но я не подала виду и спросила:

— Несложно?

Марсель задорно прыснул:

— Заработать можно повсюду. Нужно лишь хорошенько посмотреть вокруг себя. — Он говорил точно так, как должен был, по-моему, говорить и Дэрил. Но я все еще сомневалась:

— Ну, Марсель, как ты думаешь, сколько из моих друзей хотело бы заработать? Но они ничего не могут найти.

— Значит, они плохо ищут. Или слишком много играют в куклы, — возразил Марсель. Я начала сердиться. Если он еще раз напомнит мне о куклах... Но Марсель продолжал:

— Кира, ты когда-нибудь пробовала по-настоящему искать работу? Я имею в виду, пробовала ли ты весь день не думать ни о чем другом, кроме того, как можно было бы заработать?

Должна признаться, что я и одного часа не посвятила этим раздумьям. Честно говоря, я всегда очень быстро решала, что не смогу найти возможностей заработка. Пришлось ответить на его вопрос отрицательно.

— Вот видишь, — продолжал Марсель. — Потому ты ничего и не нашла. Кто не ищет, тот может найти только по счастливой случайности. И я скажу тебе, чем я зарабатываю: у меня своя собственная фирма.

— Но ведь тебе, как и мне, только двенадцать лет, — удивленно воскликнула я.

— И все-таки у меня своя фирма. Я разношу булочки, и у меня уже четырнадцать клиентов.

— Тоже мне фирма, — мне стало смешно. — Ты вроде мальчишки — разносчика газет. Только вместо газет ты разносишь булочки.

— Кукольные мозги, — проворчал Марсель. — Это совсем не так, как ты думаешь. Я разношу булочки только по воскресеньям. Тогда они стоят больше, чем в рабочие дни, и у большинства людей нет никакого желания отправляться с утра в булочную. Поэтому я предложил доставлять их заказы на дом. Наш пекарь очень симпатичный человек, и он подал мне хорошую идею. Он продает мне булочки по той же цене, что они стоят в рабочие дни. Поэтому на каждой булочке я зарабатываю примерно десять центов. Кроме того, за каждый заказ клиенты платят мне примерно семьдесят пять центов дорожных расходов. Я работаю в воскресенье не дольше, чем два-три часа, и зарабатываю в месяц более семидесяти евро.

— Семьдесят евро! Невероятно! — в восторге воскликнула я.

— И это еще не все, — горячился Марсель. — Три раза в неделю после обеда я работаю в доме престарелых.

— Где-где? — я была совсем озадачена.

— В доме престарелых, Я хожу для стариков за покупками или гуляю с ними. Иногда мы просто беседуем или играем. За это я получаю от руководства пять евро в час. Получается еще от тридцати пяти до сорока пяти евро в неделю, то есть примерно сто пятьдесят евро в месяц.

— Это же получается больше двухсот евро в месяц. Здорово! — восхитилась я. Потом добавила, подумав:

<http://dolgarnet.net/>

— Но у нас поблизости нет дома престарелых:

— И тебя не зовут Марсель, и ты всего лишь девчонка, — поддразнил он меня. — Ты должна поменьше думать о том, чего сделать все равно не можешь, и искать те возможности, которые есть.

Ну вот, опять. Нельзя забывать об истории Дэрила. Он концентрировался на том, что он знает, что может и что у него есть. А я сосредоточилась на доме престарелых, которого поблизости нет. Это было неразумно. И Мани все время говорил мне то же самое.

Марсель прервал мои мысли:

— Тебе следует подумать, что бы ты хотела делать. И о том, как этим можно заработать. Именно так я и придумал дело с булочками. Я очень люблю ездить на велосипеде. А теперь я этим и зарабатываю. Это удивительное чувство, просто замечательное. Кстати, я каждый день обзваниваю несколько человек и спрашиваю, не хотят ли они, чтобы и им привозили булочки на дом. Моя цель — чтобы у меня было пятьдесят клиентов. Тогда я стану зарабатывать более двухсот пятидесяти евро в месяц.

Да, это впечатляло. А какие возможности были у меня?

— Боюсь, я не смогу придумать ничего, что могла бы делать, — вздохнула я.

— А чем ты любишь заниматься? — спросил Марсель.

— Я люблю плавать и играть в кук...то есть, с кудлатыми собаками, — поспешно сказала я.

— Вот и прекрасно, — горячо воскликнул Марсель. — И как же можно этим зарабатывать?

— Зарабатывать на собаках? — наверное, это прозвучало довольно глупо.

— Кукольные мозги! — крикнул Марсель. — Ты ведь должна каждый день водить гулять твою собаку.

— Я не должна, я просто делаю это с удовольствием, — возразила я. — И не называй меня кукольными мозгами.

— По заслугам, — заявил Марсель. — Ведь ты могла бы одновременно водить гулять и другую собаку. И получать за это плату. Мне это очень понравилось:

— Гениально. Ты умница, хотя у тебя и лягушачье лицо, — я поблагодарила его и повесила трубку. Теперь надо все хорошенько спланировать.

Я знала почти всех собак по соседству, и собаки меня тоже знали. И большинство из них мне очень нравилось. А зарабатывать деньги, гуляя с ними...

Множество мыслей пронеслось в моей голове. Еще совсем недавно я считала, что все мои родственники бедны. Но с тех пор, как я сконцентрировалась на деньгах, мое мнение переменялось. Поэтому я и вспомнила о Марселе. Да этот трюк с концентрацией производит сильное впечатление. И кто знает, куда это меня приведет. Я снова и снова думала о Дэриле. Заснула я очень поздно.

На следующий день в школе я продолжала обдумывать свои планы. По соседству с нами жил Наполеон, помесь овчарки, ротвейлера и еще чего-то. Его хозяин смахивал на волка. Но в последнее время с Наполеоном гуляла жена хозяина и, по всей видимости, это не доставляло ей никакого удовольствия. Собака ее не очень слушалась, и стоило на минутку отвлечься, как пес убежал прочь. Может, дело в том, что женщина просто не умела правильно обращаться с собаками. А ее муж, хозяин Наполеона, перенес недавно инсульт и теперь не мог много ходить.

Я решила поговорить с «волком» и его женой, хотя не знала даже, как их зовут.

Поэтому по дороге домой я сделала крюк и подошла к дому, где жил Наполеон. Но у ворот решимость покинула меня. Что я скажу? Какую плату могу я потребовать? Да и смогу ли я вообще заговорить о

деньгах? Наверное, я бы просто убежала, если бы не Наполеон, дремавший в саду. Он узнал меня, подбежал к воротам и, по своей привычке, громко завыл.

Хозяин подошел к окну посмотреть, кто пришел, и спросил, что мне нужно. Это был удобный случай. Теперь или никогда. Я собрала все свое мужество и выпалила:

— Я бы очень хотела поехать в США по программе обмена и нуждаюсь для этого в деньгах. Я хочу их заработать. Я видела вашу жену. Мне кажется, она не очень охотно гуляет с Наполеоном. И я подумала, что могла бы каждый день выводить его. Как вы к этому относитесь?

Я никак не могла поднять глаза. Лицо мое горело.

Он приветливо пригласил меня войти в дом:

— Я нахожу твою идею замечательной. Заходи, и мы обо всем спокойно поговорим.

Его жена впустила меня, и мы устроились на кухне. Сначала я не решалась даже посмотреть на «волка», так свирепо он выглядел. Поэтому меня обрадовало, что разговор начала его жена:

— Ты знаешь, для меня действительно слишком сложно каждый день по три раза гулять с Наполеоном. А если поблизости оказывается другая собака, то я просто не могу его удерживать. А ты сможешь?

— Наполеон не уйдет от Мани, — ответила я. — А Мани будет с нами. Мы могли бы вместе проверить это.

— Я видел, как ты умеешь обращаться с собаками, — вмешался в разговор старый хозяин. — Думаю, никто не сможет делать это лучше тебя. — Он повернулся к жене. — Элла, мы можем быть абсолютно спокойны. У девочки природный талант в обращении с собаками. Думаю, она с ними чуть ли не разговаривает.

Я постаралась спрятать улыбку. Если бы он знал... Пока старик говорил с женой, я украдкой наблюдала за ним. Вблизи он оказался вовсе не страшным. Может, немножко таинственным. Как будто у него была полная приключений жизнь. Но при этом он выглядел очень добродушным. И очень мудрым.

Он повернулся ко мне:

— Мы хотим сначала представиться. Нас зовут Элла и Вальдемар Ханенкамп.

— А меня зовут Кира, Кира Клаусмюллер, — представилась я в ответ.

— Очень приятно, барышня, — господин Ханенкамп с достоинством кивнул. — Я хочу сделать тебе предложение: каждый день после обеда ты будешь гулять с Наполеоном и чистить его щеткой. Кроме того, ты научишь его быть послушнее, — он помолчал. — Сколько ты хочешь за свои услуги?

Я опять покраснела. Об этом я еще не думала. Старики выжидательно смотрели на меня. Что им ответить?

— Я, право, не знаю, — тихонько сказала я.

— Тогда предложение сделаю я, — сказал старик. — Как ты отнесешься к одному евро в день?

Я принялась считать в уме. Вышло тридцать евро в месяц — в три раза больше, чем мои карманные деньги. Да это же целое состояние! Но хозяйева неверно поняли мое молчание. Они решили, что я разочарована. Поэтому они сделали новое предложение:

— И еще ты будешь получать по десять евро за каждый трюк, которому научишь Наполеона. На этот раз я поторопилась с ответом:

— Я считаю ваше предложение замечательным и очень рада ему. Вы оба очень милые. Старики довольно переглянулись:

— Ну что ж, тогда ты можешь начинать прямо сегодня, — с надеждой сказала хозяйка.

— Разумеется, — ответила я и попрощалась. Ведь мама, наверное, давно уже ждала меня к обеду.

Как в тумане, бежала я домой. Как легко, оказывается, найти заработок, ликующе повторяла я про себя. Я сияла, как новенькая монетка, и радостно напевала вслух.

Оказавшись дома, я первым делом ласково обняла Мани и прошептала ему на ухо, что теперь начну зарабатывать деньги. Он торжественно протянул мне лапу. Видно было, что он очень рад.

Сразу после обеда я позвонила Марселю и рассказала ему о своей первой работе.

— Вот видишь, Кира, все-таки получилось, — только и сказал он. Я была немножко разочарована, потому что ожидала похвалы. Но потом я обратила внимание, что он впервые назвал меня не «кукольным мозгами», а по имени. Это был добрый знак.

— Но я хочу напомнить тебе два важных правила. Во-первых, ты не должна ограничиваться только одной-единственной работой. Она может закончиться куда скорее, чем ты думаешь. Поэтому займись поисками дополнительной работы.

Это показалось мне преувеличенным, но я решила все-таки последовать совету кузена.

— Во-вторых, — продолжал Марсель, — у тебя обязательно появятся проблемы. Проблемы, на которые ты сейчас не рассчитываешь. Тогда и выяснится, нюня ты с кукольными мозгами или человек, достойный того, чтобы зарабатывать деньги. Ведь если все идет хорошо, зарабатывать может каждый. Но когда появляются трудности, тогда все становится ясно.

Я не представляла пока, что делать со вторым советом, но тем не менее вежливо поблагодарила и отправилась вместе с Мани за Наполеоном. Как я и думала, Наполеон оказался очень симпатичным псом. Он ужасно обрадовался, что может поиграть с Мани. Обе собаки азартно, до изнеможения гоняли мячик, который я принесла с собой.

Правда, когда поблизости оказывались другие собаки, я не могла удержать Наполеона. Поэтому я решила в ближайшие дни научить его садиться и ложиться по команде. А потом я научу его послушно ложиться, если рядом оказываются чужие собаки.

Вернувшись наконец домой, я обнаружила, что у нас гостя — моя тетя Эрна. Хотя она и жила всего в тридцати пяти километрах от нас, мы давно ее не видели. Она не приезжала с тех пор, как у нас появился Мани.

Когда мы здоровались, тетин взгляд упал на белого Лабрадора. Мама объяснила, что собака сама пришла к нам и что мы так и не смогли найти ее владельца. Тетя Эрна, наморщив лоб, очень внимательно осмотрела Мани. Похоже, что-то было не так.

— Сколько времени собака живет у вас? — спросила она, не сводя глаз с Мани.

— Около девяти месяцев, — ответила мама.

— Думаю, у меня есть для вас важная новость, — очень серьезно сказала тетя Эрна. — Я почти уверена, что знаю, чья это собака.

— Это моя собака, — поспешила заявить я.

— Нет, она принадлежит человеку, который живет недалеко от нас, — настаивала тетя. Я почувствовала страх.

— Но теперь он наш, раз он так долго живет у нас, — упрямо крикнула я.

— Не кричи на тетю Эрну, — мама строго посмотрела на меня. — Что это за манеры?

У меня зашумело в голове, а в животе появилось какое-то неприятное чувство — паническое чувство собственного бессилия. Как будто издали услышала я папин голос:

— Ну что ж, завтра мы поедem с Мани к этому человеку и все решим.

Я не хотела больше ничего знать и выбежала из комнаты. Мани последовал за мной. Оказавшись у себя, я заперла дверь и бросилась на кровать. Я плохо соображала, но одно знала совершенно точно: ни за что не соглашусь я отдать Мани. После всего, что с нами случилось, мы принадлежали друг другу. Уж лучше я убегу с ним из дому.

Мани положил голову мне на колени и смотрел мне в глаза. Ему не нужно было ничего говорить. Я все читала в его глазах. Он от меня не уйдет.

Прежний хозяин Мани

На следующий день мне не хотелось идти в школу. Я боялась, что, вернувшись домой, больше не застану Мани. Но папа пообещал, что возьмет меня с собой, когда поедет к соседу тети Эрны.

Моника уже успела привыкнуть, что я стала неразговорчивой. Но на третьем уроке я не смогла больше молчать о своих проблемах. Я сообщила ей, какую плохую новость привезла моя тетушка. Моника мне сочувствовала.

— Если тебе придется прятать Мани, то он может побыть у нас, — предложила она.

Я почувствовала огромное облегчение. И уверенность, что все кончится хорошо.

Но по дороге к тете Эрне мне было не по себе. Вместе с ней мы отправились к ее соседям и вскоре увидели большую виллу, стоящую посреди великолепного парка. Швейцар открыл ворота, и мы медленно подъехали к дому.

— Кто бы здесь ни жил, денег у него куры не клюют, — удивился папа. А тетя Эрна пояснила:

— Господин Гольдштерн заработал огромное состояние на биржевой игре. Правда, я слышала, что он не так давно попал в аварию. Не знаю, вышел ли он уже из больницы.

Я сидела, обняв Мани, и желала только одного: чтобы господин Гольдштерн со всей своей виллой растворился в воздухе.

Дверь нам открыла предупрежденная швейцаром горничная в форменном платье. Выйдя из машины, тетя Эрна объяснила причину нашего приезда. И вскоре мы уже стояли перед господином Гольдштерном. Он был маленького роста, с очень симпатичным лицом. Я была готова заранее возненавидеть его. Но, к моему собственному удивлению, почувствовала к нему расположение. И он оказался очень умным. Он тут же понял, что я привязана к Мани больше других.

— Как же ты назвала нашего любимца? — приветливо спросил он меня.

Я была не в силах ответить, осознав вдруг, что раньше у Мани была другая кличка.

— Мани, — ответил за меня папа.

— Хорошая кличка. Даже очень хорошая, — обрадовался господин Гольдштерн. — Она мне нравится больше, чем его старая. Давайте так его и будем называть.

Я с восхищением смотрела на этого человека. Его слова пришлись мне по душе. Я тоже считала, что кличку Мани следует оставить.

Господин Гольдштерн привел нас в гостиную. Он рассказал, что ехал куда-то вместе с Мани и в нескольких километрах от дома попал в аварию, был тяжело ранен и потерял сознание. В себя он пришел уже в больнице. С тех пор он своей собаки не видел. Он пролежал в больнице несколько месяцев, а поиски, которые проводились по его поручению, не дали никаких результатов.

— Мани, наверное, попытался вернуться домой. При этом на него напала другая собака, и он, раненый, пришел к нам в сад, — я рассказала все, что знала о Мани. И о том, как он чуть не утонул. Промолчала я только об одном — о том, что Мани умеет разговаривать. Хотя у меня и было чувство, что господину Гольдштерну можно доверять, но осторожность никогда не повредит...

Господин Гольдштерн встал с кресла и подошел ко мне. Только теперь я заметила, что ходить ему было очень трудно. Наверное, это было следствием той аварии. Он взял меня за руки и благодарно посмотрел на меня:

— Я так рад, что ты нашла нашего любимца. И я знаю, что ему с тобой хорошо. У меня будто камень свалился с души. Я покраснела:

— Я очень, очень люблю Мани, — смущенно пробормотала я.

— Я это почувствовал и очень этому обрадовался, — сказал он. — Мне предстоит еще долгое лечение. Скоро я должен вновь на месяц лечь в больницу. И я был бы очень рад, если бы ты и дальше заботилась о Б... то есть, я хочу сказать, о Мани. Само собой разумеется, я оплачу все расходы.

Мое сердце забилося от радости. Мани может остаться со мной! Потом мне стало жаль этого человека.

— Вам, конечно, ужасно не хватало Мани, правда? — спросила я.

— Разумеется, — вздохнул господин Гольдштерн. — Поэтому я хочу попросить тебя об одолжении. Не сможешь ли ты раз в неделю приходить вместе с Мани ко мне в больницу? Мой шофер будет привозить вас и отвозить обратно домой.

— С удовольствием, — быстро ответила я. Мне действительно хотелось сделать ему одолжение. Кроме того, он мне все больше нравился.

— Согласны ли вы, — повернулся господин Гольдштерн к папе, — чтобы собака осталась у вас и чтобы Кира вместе с Мани раз в неделю навещала меня? Конечно, я возмещу вам все расходы. Я имею в виду и те затраты, которые вы уже понесли, и те, что еще предстоят.

Папа пытался возразить, что в этом нет необходимости, но господин Гольдштерн энергично настоял на своем. Я отметила про себя, как быстро он завоевал авторитет. Приятно было думать о том, что раз в неделю я смогу его навещать. Он был так не похож на всех, кого я знала. Внезапно мы заметили, что господин Гольдштерн выглядит очень усталым. Наверное, разговор потребовал от него большего напряжения, чем нам вначале казалось.

Тетя Эрна предложила нам отправляться домой. Господин Гольдштерн выслушал эти слова с благодарностью. Мани ненадолго осторожно положил голову ему на колени. Пес чувствовал, что господин Гольдштерн был очень слаб. Хозяин позвонил. Горничная появилась мгновенно. Мы распрощались, и она проводила нас до дверей.

Мы высадили тетю Эрну у дверей ее квартиры и отправились домой. Пока папа рассказывал маме обо всем, что произошло, мы с Мани отправились в лес. Мне нужно было о многом его спросить.

Наконец мы добрались до нашего убежища. Я раздвинула ветви перед входом, и мы проползли по узкому проходу под кустами на полянку.

Когда мы оказались там, я услышала голос Мани:

— Я рад, что вы с господином Гольдштерном понравились друг другу. Он замечательный человек, и я от него многому научился.

Я удивилась, так как никогда не думала, что Мани тоже когда-то приходилось учиться. Ну, ясно. Он же не родился сразу таким умным.

— А почему ты никогда не рассказывал мне о господине Гольдштерне? — спросила я.

— Мы же решили говорить только о деньгах, — возразил Мани.

— Но ты же, наверное, скучал по нему? — ревниво спросила я.

— Во время аварии я подумал, что мой хозяин умер, — объяснил Мани. — Все было в крови, и он лежал абсолютно неподвижно. Да и я был совершенно оглушен. Я забрался в кусты и потерял сознание. Должно быть, я долго спал. А когда проснулся, ни машины, ни хозяина уже не было. Я не надеялся его еще когда-нибудь увидеть.

Теперь мне кое-что стало понятно. А Мани продолжал:

— Ну, а теперь мы опять будем говорить о деньгах и ни о чем другом. Если ты хочешь узнать еще что-нибудь, спросишь у моего хозяина, когда мы в следующий раз навестим его.

Мне было на сей раз вовсе не до денег. Ведь произошло столько интересного. И мне хотелось воспользоваться удобным случаем и спросить Мани, как получилось, что он, в отличие от других собак, сохранил дар речи.

Но Мани очень решительно заявил:

— Мы хотим позаботиться о том, чтобы у твоих родителей было не так много финансовых проблем. Но сначала давай повторим то, о чем мы уже говорили раньше. Как идут дела с твоим альбомом мечты?

Я покраснела:

— Я начала готовить его. Но не хватает подходящих фотографий компьютера и Сан-Франциско. И для копилки мечты тоже. Я собиралась найти эти фотографии, но совсем забыла об этом.

Мани критически посмотрел на меня и неумолимо продолжал:

— А ты визуализировала? И что с твоим журналом успеха? Ты вчера что-нибудь записала?

— Вчера у меня были совсем другие заботы, — пробормотала я. — Я так боялась тебя потерять. И не могла думать ни о чем другом.

— Это понятно, — ответил Мани. — Но именно эту ошибку делают многие люди, которым не хватает денег. У них всегда оказывается такое множество срочных дел, что никак не находится времени заняться делами важными.

— Я этого не понимаю. Что может быть важнее, чем вопрос, останешься ли ты со мной?

— Я же сказал, что понимаю тебя, — ответил Мани. — Но что ты делала до того, как приехала твоя тетя? Какую отговорку найдешь ты теперь?

— Я была так счастлива, что могу заработать столько денег, гуляя с Наполеоном, — сказала я. Мани серьезно смотрел на меня:

— По этому поводу я хочу сказать тебе три важные вещи. Во-первых, ты должна делать то, что намеревалась, даже тогда, когда у тебя проблемы. Ведь когда все в порядке, делать это может каждый. Но когда появляются настоящие проблемы, все становится ясно. Лишь немногим хватает последовательности, чтобы осуществить задуманное. А люди, заработавшие особенно большие деньги, оказывались способными работать лучше всего тогда, когда у них было больше всего проблем.

Я задумалась. Это я уже однажды слышала. Кто же это говорил? Ах да, Марсель. С его загадочным вторым советом; «Если все идет хорошо, зарабатывать может каждый. Но когда становится трудно, тогда все становится ясно». Я поняла, что еще очень многому должна научиться.

Мани кивнул:

— Проблемы будут всегда. Но, несмотря на это, ты должна каждый день делать то, что важно для твоего будущего. Тебе потребуется всего десять минут. Но эти десять минут могут очень многое изменить. Большинство людей остается такими, как есть, потому что они не находят этих десяти минут. Они хотят, чтобы изменились обстоятельства. Но при этом не замечают, что сначала они сами должны измениться, — Мани помолчал. — Эти десять минут и нужны для того, чтобы изменить самого себя. Лучше всего, если ты торжественно и свято пообещаешь самой себе с сегодняшнего дня регулярно писать в журнале успеха и визуализировать. Причем, независимо от того, что происходит. Каждый день.

Я подняла в клятве правую руку. С этой минуты я буду каждый день писать в журнале успеха и визуализировать. Обязуюсь.

— Во-вторых, — продолжал Мани, — эти важные вещи ты должна делать и тогда, когда все идет прекрасно.

Я удивленно смотрела на него. Что он хотел этим сказать? _ Когда ты получила работу с Наполеоном, ты была так празднично настроена, что и не вспомнила ни о журнале, ни о копилке, ни об альбоме. Видишь ли, есть тысячи вещей, которые могут отвлечь человека. Поэтому ты должна назначить себе точное время дня, когда будешь заниматься этим.

Я задумалась. Это было не так-то просто. По вечерам я, пожалуй, уже слишком усталая. Днем всегда находится что-нибудь другое. Значит, остается только утро. Но тогда мне придется раньше вставать...

— Не забывай, это всего десять минут, — Мани опять прочитал мои мысли.

Я согласилась, хотя знала, что это будет непросто. Я решила с завтрашнего дня вставать на десять минут раньше, быстро умываться, чтобы проснуться по-настоящему, и садиться за журнал успеха.

— И еще кое-что, — немилосердно продолжал Мани. — Знаешь, почему ты так и не нашла фотографий? — и сам же ответил; — Потому что ты не придерживалась правила трех суток.

— Правило трех суток? — переспросила я.

— Это просто. Если ты решила что-то сделать, то делать это нужно в течение семидесяти двух часов. Иначе ты, скорее всего, никогда этого не сделаешь.

Я раздумывала. Правда ли это? Я за свою жизнь много раз хотела что-то сделать, да так и не сделала. С другой стороны, я многое сделала. Возможно, Мани и прав. А поскольку он, собственно говоря, всегда прав, я решила последовать его совету. Все, что решила, я буду делать в течение трех суток.

Долги: что мои родители делают неправильно

Я вдруг подумала о Наполеоне. Проклятье, я совсем забыла о нем.

Я предложила Мани отправиться поскорее к дому супругов Ханенкамп и вывести Наполеона гулять. А о папиных долгах мы решили поговорить после ужина. Это, без сомнений, будет очень увлекательно. Все-таки одним из трех самых сильных моих желаний было помочь родителям избавиться от долгов. А Мани говорил, что это совсем не сложно. «Да, здорово было бы, если бы я смогла помочь маме и папе», — думала я, довольно усмехаясь. Мани шел рядом.

Господин Ханенкамп уже ждал у окна. Наполеон, едва увидев меня, начал радостно повизгивать. поприветствовав хозяев, я с обеими собаками отправилась в лес. Едва мы успели войти в него, как Наполеон, будто ужаленный, бросился прочь. Он увидел кролика и погнался за ним.

Я посвистела, призывая его обратно. Но Наполеон в пылу охоты не слышал никого и ничего. Он видел только кролика. Мне не оставалось ничего другого, как ждать. Я пообещала себе первым делом научить Наполеона слушаться команды.

Минут через десять он наконец вернулся. Половину дня мы посвятили занятиям. Я хвалила Наполеона за каждый успех и награждала его лакомствами. Мани выполнял каждую мою команду вместе с Наполеоном, подавая ему пример. Это очень помогало. Через несколько часов Наполеон уже хорошо усвоил команду «сидеть».

Я отвела его домой и гордо рассказала господам Ханенкамп, чему успела научиться их собака. Госпожа Ханенкамп никак не могла этому поверить. Радостно взволнованная, она всплескивала руками:

— Я уж думала, он вообще неисправим. Но он действительно выполняет команду «сидеть». Фантастика!

Господин Ханенкамп тоже довольно улыбался. Он был рад, что оказался прав в своих оценках. Ведь это он предложил, чтобы я занялась обучением Наполеона. Он торжественно вынул из кармана кошелек, достал из него десятиевровую купюру и передал ее мне.

Когда деньги оказались в моих руках, я почувствовала неловкость:

«Так много денег за такую небольшую работу. Да еще за работу, которая доставляет мне столько удовольствия», — думала я.

Господин Ханенкамп смотрел на меня разочарованно:

— Я-то думал, ты обрадуешься деньгам. А ты совсем не выглядишь довольной.

— Все получилось как-то слишком легко, — смущенно ответила я.

Господин Ханенкамп громко расхохотался. В этот момент он выглядел по-настоящему устрашающе. Его лицо исказила гримаса. Но скоро он успокоился, начал улыбаться и тут же стал опять симпатичным старичком.

— Большинство людей думает, что работа непременно должна быть чем-то тяжелым и неприятным, — объяснил он. — Но добиться успеха человек может лишь тогда, когда делает то, что любит по-настоящему.

По моему выражению лица он заключил, что я его не совсем понимаю, и остановился выжидающе.

— Мама всегда говорит: «Сначала работа, а потом игра». А вы сейчас сказали совсем другое.

— Неужели ты никого не знаешь, кто зарабатывал бы деньги именно тем, что он делает с наибольшим удовольствием?

Я тут же вспомнила Марсея. Он любит кататься на велосипеде и развозит на нем свои булочки. Я рассказала о нем господину Ханенкампу. Старик согласно кивнул:

— Это хороший пример. Мне кажется, мальчик далеко пойдет. Я расскажу тебе как-нибудь о своей жизни. Я всегда делал то, что мне нравилось. И именно этим я всегда зарабатывал деньги.

Я с любопытством смотрела на старика. Его лицо чем-то неуловимым напоминало книгу приключений. Наверное, он на самом деле много повидал и вел увлекательную жизнь.

Однако настало время прощаться. Мама уже ждала меня к столу. На ужин было одно из моих любимых блюд — запеканка из лапши, а на сладкое — шоколадный пудинг. Но, несмотря на это, в мыслях я была далеко. И не удивительно, если вспомнить, сколько всего произошло за последнее время. Во всяком случае, в одном я была уверена: кто интересуется деньгами, тот ведет интересную жизнь и знакомится с интересными людьми.

Я быстро справилась с домашними заданиями, и мы с Мани отправились в лес, в наше убежище. Я сгорала от нетерпения, так мне хотелось поскорее узнать, как можно помочь моим родителям.

Правда, тут была одна трудность. Я почти ничего не знала о финансовом положении нашей семьи. Во всяком случае, ничего определенного. Я знала лишь, что денег нам не хватает. И родители часто говорят о том, что выплаты по кредиту слишком велики, что платить в срок почти невозможно. Все, что знала, я рассказала Мани.

— Мой прежний хозяин, господин Гольдштерн, — владелец фирмы, которая консультирует людей, как им лучше обращаться со своими деньгами, — многозначительно начал Мани. — Правда, господин Гольдштерн лично консультирует только очень богатых клиентов, но многие сотрудники его фирмы работают и с теми, у кого трудности с деньгами. Мне разрешалось заходить в любой кабинет на фирме, и я многое слышал. Люди, у которых есть долги, должны, в сущности, выполнять лишь четыре важных правила. И понять их очень просто. — Он перевел дыхание и продолжал: — Вот эти четыре правила.

Первое: тот, у кого есть долги, должен порвать свою кредитную карточку.

— Почему? — удивленно спросила я.

— Потому что большинство людей, расплачивающихся с помощью кредитной карточки, тратит куда больше денег, чем тратили бы, если бы платили наличными.

Я решила про себя, что запишу эти правила, чтобы ничего не забыть.

А Мани продолжал:

— Второе правило звучит немножко странно для взрослых: они должны как можно меньше платить по кредитам. Такие платежи называются выплатами, или взносами. Чем выше взносы, тем меньше денег остается им на жизнь.

— Но почему мои родители должны платить такие высокие взносы? — удивленно спросила я.

Да, Мани опять попал прямо в точку. Мама с папой всегда жаловались, что должны так много платить по кредиту.

— Это потому, что они надеялись сэкономить на процентах, — объяснил Мани. — Предположим, ты получила кредит в десять тысяч евро. Значит, ты должна уплатить в год шестьсот евро процентов. Кроме того, ты должна каждый год возвращать определенную часть от десяти тысяч. Это и есть взносы, или выплаты по кредиту. Взносы в один процент означают, что ты возвращаешь в год один процент от десяти тысяч евро, то есть, сто евро. Значит, ты должна уплатить шестьсот евро процентов плюс сто евро взносов. Всего семьсот евро. Как только ты вернула весь кредит, ты не должна больше выплачивать и проценты.

«Тогда понятно, что каждому хочется поскорее вернуть кредит, — подумала я. — Иначе может получиться, что процентов придется уплатить больше, чем составляет сам кредит».

— На первый взгляд так и есть, — согласился Мани. — Кто договаривается, что будет возвращать в год один процент от суммы кредита, тому придется за все время заплатить в три раза больше денег по процентам, чем он взял в долг. Но чтобы быстрее вернуть кредит, нужно платить более высокие взносы. И многие люди договариваются с банком о таких высоких взносах, какие они только в состоянии заплатить. В результате они начинают испытывать недостаток денег в повседневной жизни. А многие недооценивают дороговизну жизни. И если потом приходится купить новый автомобиль или что-то в хозяйстве ломается и требует замены, им приходится брать новый кредит, чтобы заплатить за это.

— Ты хочешь сказать, что они выплачивают старый кредит за счет нового? — изумилась я.

— Именно так, — ответил Мани, и я увидела, как он рад тому, что я быстро все поняла.

— И что же теперь делать моим родителям? — спросила я. — Меня они вряд ли послушают.

— Может, тебе удастся уговорить их побеседовать с господином Гольдштерном. Он мог бы им помочь.

— А может, я смогу им помочь больше зарабатывать, — задорно заявила я.

— Конечно, ты можешь это сделать. Но сначала они должны научиться обходиться теми деньгами, что у них есть теперь. Иначе большие деньги приведут лишь к большим проблемам. Ведь расходы обычно растут вместе с ростом доходов, если не научиться экономно тратить деньги. Но об этом мы еще поговорим.

Мани объяснил все очень понятно. И я записала в моем блокнотике:

1. Порвать кредитную карточку.

2. Договориться о самых низких взносах по кредиту, какие только возможны. Спросить господина Гольдштерна, поможет ли он моим родителям.

Мани терпеливо подождал, когда я закончу писать, и перешел к следующему пункту:

— Третье правило касается потребительских долгов. Это долги, которые не связаны с покупкой дома. Если деньги нужны на то, чтобы купить новый автомобиль, телевизор, мебель или просто на жизнь, — это потребительские долги. В этом случае должнику следует соблюдать правило «пятьдесят на пятьдесят». Половину тех денег, что не нужны на повседневные расходы, нужно откладывать. Другую половину отдавать на выплату долгов.

— А бабушка всегда говорит, что долги нужно возвращать как можно скорее, — вспомнила я. — Значит, на это должны направляться все деньги, которые не нужны на жизнь.

— И чего ты достигнешь, вернув все долги? — спросил Мани.

— Мама с папой всегда говорят, что тогда у них камень с плеч упадет, — попробовала я объяснить.

— Они думают именно так, — согласился Мани. — Но на самом деле, выплатив долги, они останутся на нуле. А нуль — это ничто. А ничто не может быть целью стремлений.

— А что же может быть целью? — удивилась я.

— Поездка в Америку или компьютер — это цель, — терпеливо объяснил Мани. — Или, например, сэкономить определенную сумму денег, которые не будут потрачены, — это тоже цель.

— Но зачем же экономить деньги, если их потом не тратить? — я была совсем озадачена.

— Я объясню тебе это через несколько дней, — утешил меня ла-брадор. — А сейчас вернемся к долгам. Итак, твои родители должны

начать экономить. Незачем ждать того момента, когда они рассчитаются с долгами. Начинать можно немедленно. Только тогда они смогут осуществлять свои желания, не прибегая для этого к новым кредитам. И получают от этого куда больше удовольствия, потому что их совесть будет спокойна.

— Ты хочешь сказать, что им тоже следует завести копилку мечты?

— Это неплохая мысль, — кивнул Мани. — Кстати, все потребительские долги — глупые долги. Гораздо разумнее тратить только те деньги, которые удалось отложить.

Мани очень хорошо все объяснил, и я записала:

3. Пятьдесят процентов денег экономить, а другие пятьдесят процентов использовать для погашения потребительских долгов. Лучше всего вообще не делать потребительских долгов.

— И последнее правило, — глаза Мани весело блестели. — Тому, у кого есть долги, следовало бы приклеить на свой кошелек бумажку с надписью: «ЭТО И В САМОМ ДЕЛЕ НУЖНО КУПИТЬ?» Тогда человек хотя бы возле кассы вспомнит, что не должен много тратить.

— Это касается всех, у кого нет такой собаки, как ты, — рассмеялась я.

Мани завилал хвостом и лизнул меня в лицо. Я в ответ звонко шлепнула его. Потом я записала последний пункт:

4. ЭТО И В САМОМ ДЕЛЕ НУЖНО КУПИТЬ? Ну что *ж*, я многое узнала о долгах. Но это было легко по сравнению с задачей научить всему и моих родителей. Хорошо, что Мани подал мне идею попросить господина Гольдштерна, чтобы он побеседовал с моими мамой и папой. Однако я еще недостаточно хорошо с ним знакома, чтобы обращаться с такой просьбой. Придется немного подождать.

Но одно я решила твердо: сама я никогда не буду делать таких долгов. Я буду сначала откладывать деньги, чтобы потом что-либо на них купить. Мне вовсе не хочется попадать в такое положение, в каком оказались мои родители.

У господина Гольдштерна

В следующие дни все шло как по маслу. Я вновь смогла как следует сконцентрироваться на школьных делах и продолжала тренировки с Наполеоном. К концу первой недели я получила от господина Ханенкампа семь евро — семь дней по одному евро в день. Кроме того, я получила тридцать евро за три команды, которым обучила Наполеона. Он умел теперь по приказу садиться, ложиться и давать лапу.

Я с гордостью пересчитала свои деньги — тридцать семь евро. Это была большая сумма. Но я больше не испытывала угрызений совести или досады. Ведь для господ Ханенкамп жизнь с Наполеоном стала намного легче.

Они были так мною довольны, что даже спросили, не соглашусь ли я гулять с их собакой и по утрам. За это мне предложили еще по одному евро в день. Я спросила родителей, и они разрешили.

Мани сказал, что у него есть замечательная идея, как мне использовать эти деньги. Поэтому, пока он не рассказал о своей идее, я бережно спрятала деньги между школьных тетрадок.

Но кое-что было еще увлекательнее, чем большие заработки. Сегодня шофер господина Гольдштерна должен приехать за мной и Мани. Я с нетерпением ждала возможности ближе познакомиться с богатым человеком.

Звонок прозвучал ровно в четверть четвертого, как и договаривались. Меня удивило, что шофером оказалась пожилая дама, приветливо мне улыбающаяся. Мы сели в ожидавший нас «Роллс-Ройс». Я сказала, что всегда думала, будто шоферами могут быть только мужчины. Она засмеялась:

— Господин Гольдштерн необыкновенный человек, и он делает необыкновенные вещи. Ему все равно, как поступают все. Он делает то, что считает правильным.

Мне стало любопытно. Женщина-шофер как будто почувствовала это и продолжила:

— Он случайно услышал, как я говорила своей подруге, что у меня нет работы. И хотя он видел меня впервые, он все же спросил, могу ли я водить машину. Я, конечно, могла. Тогда он сказал: «Хорошо. Если хотите, то можете начать работать моим шофером. Я как раз ищу человека на эту должность». И это все, что он сказал. Мне даже не пришлось делать пробную поездку. Он умеет оценить человека с первого взгляда. При этом он слушается только своей интуиции.

На меня рассказанное произвело большое впечатление.

— И вы не боитесь водить такую большую машину? — спросила я.

— Видишь ли, — ответила женщина-шофер, — господин Гольд-Штерн научил меня, как укрепить уверенность в себе. Все, кто с ним работает, ведут журнал успеха.

— Я тоже, — задорно сказала я. Теперь пришла очередь шофера удивляться. Я гордо поглаживала Мани. А он быстро лизнул меня в лицо. От этого его следует отучить, решила я.

Наконец мы подъехали к санаторию. Вообще-то мне не нравятся больницы. Но эта больше походила на курортную гостиницу. Вот что значит, когда у тебя есть много денег! Женщина-шофер отвела нас в палату господина Гольдштерна, Он сидел в кресле и находился, похоже, в прекрасном настроении. Мани, виляя хвостом, тут же прыгнул к нему и первым делом лизнул своего бывшего хозяина в лицо.

— Со мной он тоже так делает, — сказала я. — Я уже решила, что надо его от этого отучить.

— Я рад, что ты пришла, — приветствовал меня господин Гольд-Штерн.

— И я тоже очень рада, — искренне сказала я. Хотя и не могла бы сказать, чему именно радуюсь. Впрочем, я, конечно, надеялась узнать, каким же образом сохранился у Мани дар речи.

Господин Гольдштерн осторожно поиграл некоторое время с Лабрадором. Заметно было, что при резких движениях он испытывает боль. Но общение с Мани, похоже, все-таки шло ему на пользу.

Через некоторое время он вновь обратился ко мне. Его интересовало все, что было как-то связано с Мани. Я рассказала, чем мы его кормим и как часто я вывожу его гулять. И о том, что мы гуляем вместе с Наполеоном, и что Мани помогает дрессировать его.

Господин Гольдштерн удовлетворенно кивнул:

— Я еще при первой встрече подумал, что ты, наверное, хорошо умеешь обращаться с животными. Ты можешь этим гордиться.

— Я даже собираюсь записать это завтра в мой журнал успеха, — вырвалось у меня. Господин Гольдштерн очень удивился.

— Ты ведешь журнал успеха? Как же ты пришла к такой идее? — спросил он.

Я покраснела. Ну, что мне ему отвечать? Я ведь не могу рассказать, что Мани обладает даром речи и что это он многому меня научил.

Господин Гольдштерн почувствовал, что мне не по себе, и вопросительное выражение сразу исчезло с его лица.

— Мы вовсе не обязаны об этом говорить, — заверил он меня.

— Нет-нет, поговорить об этом мне бы очень хотелось, — заторопилась я. При этом я решила быть честной: — Только я не могу вам сказать, кто подал мне эту идею.

К моему удивлению, господин Гольдштерн ни о чем не стал спрашивать: у меня тоже есть свои секреты. Поэтому я хорошо понимаю, что они могут быть и у других.

Такой ответ мне очень понравился. Значит, этот взрослый и богатый человек принимал меня всерьез.

Господин Гольдштерн задумчиво смотрел на меня:

— Я все спрашиваю себя, чем ты отличаешься от большинства детей. Может, ты сама сумеешь определить?

Я задумалась на мгновение. До того, как у нас появился Мани, я мало что смогла бы сказать на эту тему. Я была совершенно «нормальным» ребенком, как все. Но теперь многое изменилось. Поэтому ответила я так:

— Я думаю не о том, о чем думают другие дети. Я хочу много зарабатывать, потому что мечтаю поехать в Калифорнию и купить себе компьютер, — и я рассказала господину Гольдштерну о моем списке из десяти желаний, о копилках мечты и альбоме мечты, о том, сколько я заработала за первую неделю с Наполеоном. Рассказала я и о денежных проблемах в нашей семье, и о Марселе.

Господин Гольдштерн слушал очень внимательно. Он вообще умел слушать. Когда я закончила, он поздравил меня:

— Кира, меня очень обрадовало все, что ты рассказала. И я уверен, что ты достигнешь своих целей. Только никому не позволяй сбить себя с дороги.

— Моя мама меня уже высмеяла, — перебила я его и рассказала о том, как мама нашла мои копилки мечты и что из этого получилось.

— Над тобой многие будут смеяться. Но куда больше людей станут уважать тебя, — успокоил меня господин Гольдштерн. — Кроме того, я не верю, чтобы твоя мама всерьез хотела тебя обидеть. Ей, наверное, все это показалось просто сумасшедшей и невыполнимой затеей. Но часто именно сумасшедших целей достигнуть оказывается легче, чем нормальных, маленьких целей. Если ты ставишь перед собой большие цели, понятно, что приходится приложить много усилий.

Мани во время нашего разговора убежал в парк и носился там по кустам.

— Мы совсем еще не говорили об одном важном вопросе, — продолжал господин Гольдштерн. — Ты уже довольно давно заботишься о Мани. Я охотно верну тебе все деньги, которые пришлось на него потратить.

— За его еду платила не я, а мои родители. Кроме того, я люблю Мани, — возразила я.

— Я предлагаю вот что, — не смутившись, продолжал господин Гольдштерн. — Я выпишу чек для твоих родителей. Кроме того, ты однажды должна приехать ко мне вместе с ними. Может, я смогу поговорить с ними об их финансовой ситуации.

Я почувствовала огромное облегчение. Ведь я уже и сама прикидывала и так, и этак, как бы устроить консультацию у него для моих родителей, но до сих пор ничего путного придумать не смогла. А господин Гольдштерн продолжал говорить:

— Конечно, ты тоже должна кое-что получить... Сейчас я подсчитаю. Ты очень долго, почти целый год, заботилась о Мани. Как ты отнесешься к тому, что я заплачу тебе по пять евро за каждый день?

Я почувствовала себя неловко.

— Я делала это, потому что сразу же полюбила Мани, а вовсе не для того, чтобы заработать на нем, — рассерженно возразила я.

Господин Гольдштерн рассмеялся. Но в его смехе не было ничего обидного для меня. Потом он объяснил:

— Знаешь, Кира, так думают очень многие люди, и я тоже когда-то так думал. Но назови мне причину, почему ты не можешь зарабатывать деньги, делая то, что доставляет тебе удовольствие?

Нечто похожее я слышала уже много раз. Об этом говорили и Марсель, и господин Ханенкамп. И все-таки я не могла избавиться от чувства вины.

— Я хочу тебе что-то сказать, — вновь заговорил господин Гольд-Штерн. — Именно потому, что ты любишь нашего Мани, я хочу заплатить тебе по пять евро в день. Я знаю, что ему было хорошо у тебя и дальше будет не хуже. Ведь как раз настоящее чувство делает твою «работу» такой ценной.

Я еще не была полностью убеждена, но не смогла противостоять соблазну прикинуть, сколько же это получится — целый год по пять евро в день...

У меня дурацкая привычка качать головой и жмурить глаза, когда я считаю. Господин Гольдштерн рассмеялся, и я почувствовала себя застигнутой врасплох. Но потом он снова заговорил серьезно:

— Да, это большие деньги. Но у меня одно условие: половину этих денег ты должна не тратить, а отложить.

— Я отложу все деньги, — пообещала я. — Ведь я хочу в Сан-Франциско. Причем уже следующим летом.

— Нет, я имею в виду не это, — возразил он. — Деньги, предназначенные на поездку, ты ведь потратишь. Это хорошо, для того ты их и собираешь. Но кроме того, тебе следует откладывать деньги, чтобы стать состоятельной. Ты должна откладывать часть денег, чтобы никогда больше их не тратить.

— Для чего же тогда нужны деньги, если их нельзя тратить?

— Чтобы ты могла жить за их счет, — объяснил господин Гольд-Штерн. — Я хочу рассказать тебе об этом сказку.

Я устроилась поудобнее. Кто же не любит слушать сказки? Тем временем вернулся Мани и тоже устроился рядом с нами. Он выглядел очень довольным. Видимо, ему нравилась тема нашей беседы.

— Жил-был когда-то крестьянин. Каждое утро он ходил в курятник, чтобы взять на завтрак яйцо, которое снесла его курица. Но однажды он нашел в гнезде не обычное яйцо. а золотое. Сначала он не мог в это поверить. Возможно, кто-то решил над ним зло подшутить. Но ювелир, которому он принес показать яйцо, подтвердил, что оно из чистого золота. Крестьянин выгодно продал яйцо и устроил большой праздник.

На следующее утро он пошел в курятник раньше, чем обычно. В гнезде опять лежало золотое яйцо. Так продолжалось несколько дней. Но крестьянин был жадным и хотел побыстрее разбогатеть. Он злился на свою курицу, потому что «глупая птица» не могла объяснить ему, как она умудряется нести золотые яйца. Ему казалось, что тогда он мог бы и сам нести золотые яйца. Тогда у него было бы каждый день по два яйца. И однажды крестьянин так сильно разозлился, что вбежал в курятник и зарезал свою курицу. Некому стало нести золотые яйца. Мораль этой сказки такова: нельзя резать курицу, несущую золотые яйца.

Господин Гольдштерн замолк и откинулся на спинку кресла. Мне очень понравилась его сказка.

— Какой глупый крестьянин! — воскликнула я. — Теперь он больше не получит золотых яиц.

Господину Гольдштерну явно понравилась моя реакция. Мани тоже завилял хвостом.

— Значит, ты не стала бы себя так вести? — спросил меня господин Гольдштерн.

— Конечно, нет. Я же не дура.

— Тогда я объясню тебе, что значит эта история. Курица — это твои деньги. Если ты их правильно поместишь, то будешь получать проценты. Проценты — это золотые яйца.

Я сомневалась, что все поняла правильно. А господин Гольдштерн продолжал:

— Большинство людей вовсе не владеют такой «курицей» от рождения. То есть, у них не так много денег, чтобы можно было жить на проценты от них...

— Значит, чтобы жить на проценты, нужно очень, очень много денег, — заметила я.

— Вообще-то для этого нужно куда меньше, чем ты, наверное, думаешь, — сказал господин Гольдштерн. — Если бы у тебя было всего двадцать пять тысяч евро и ты получала бы от них двенадцать процентов годовых, это составило бы три тысячи евро в год.

— Ух ты! — крикнула я. — Да ведь это двести пятьдесят евро в месяц! И мои двадцать пять тысяч евро вовсе и не нужно было бы трогать.

— Вот именно. Двадцать пять тысяч — это твоя «курица», а ты ведь не хотела бы ее зарезать.

Мне все это очень понравилось. Мешало только одно: если я сейчас начну откладывать деньги, чтобы завести свою «курицу», я еще очень долго не смогу поехать в Калифорнию.

— Такое решение ты должна принять сама, — кивнул господин Гольдштерн. — Ты можешь в любой момент потерять терпение и потратить свои деньги. Можно полететь в Калифорнию, как только наберется полторы тысячи евро. Но это значит, что ты зарезала свою «курицу» еще цыпленком. А можно решить иначе: часть денег экономить. Тогда через некоторое время соберется достаточная сумма, чтобы на проценты от нее каждый год летать в Америку.

Это меня убедило. Но все равно мне очень хотелось будущим летом поехать в Калифорнию. И чтобы у меня была такая «курица» тоже хотелось. Я вздохнула:

— Так трудно выбрать между «курицей» и остальными моими желаниями!

— Но ты не должна отказываться ни от «курицы», ни от желаний. Можно добиться и того, и другого, — засмеялся господин Гольд-Штерн. — Предположим, ты зарабатываешь десять евро. Эти деньги можно разделить. Самую большую часть ты кладешь в банк. Еще часть отправляется в твои копилки мечты. Остальное можно тратить.

Да, это был выход. Я сразу начала придумывать, как лучше разделить эти десять евро. Задача оказалась непростой.

— А как разделить эти деньги лучше всего? — спросила я господина Гольдштерна.

— Это зависит от того, каковы твои цели, — сразу ответил он. — Если ты будешь кормить свою «курицу» только десятью процентами, это уже избавит тебя от бедности. Но если ты хочешь, чтобы у тебя когда-нибудь было действительно много денег, откладывать следует больше. Я, например, откладываю для своей «курицы» пятьдесят процентов от всех моих доходов.

Я решила взять пример с господина Гольдштерна. Мне нравилось, как он жил. И у него, кажется, всегда хорошее настроение — несмотря даже на то, что временами его мучают сильные боли. Итак, я решила половиной всех моих денег кормить «курицу», сорок процентов откладывать в копилки мечты, а десять процентов тратить.

Господин Гольдштерн с гордостью смотрел на меня. Да мне и самой понравилось такое решение. Но один вопрос не давал мне покоя:

— Если всего десяти процентов достаточно, чтобы стать состоятельным, почему у такого количества людей есть денежные проблемы?

— Потому что они никогда не думали о том, что следует экономить, — ответил он. — И начинать нужно, пока человек еще совсем молод. Тогда это становится чем-то само собой разумеющимся. И тебе лучше всего сразу же начать делать все правильно. На следующей неделе зайди в банк и открой счет. А в следующий приезд я расскажу тебе, что делать дальше. И дам чек, по которому ты сможешь получить деньги. Ну, а теперь вам пора отправляться домой. Пора ужинать, да и я немного устал.

Он и на самом деле выглядел усталым. Наверное, у него снова были боли. Я удивлялась тому, что он, несмотря на это, был в хорошем настроении и так терпеливо все мне объяснял. Не удержавшись, я спросила его об этом.

Чем больше я думаю о своей боли, тем сильнее она становится, — ответил он. — Говорить о своих неприятностях — это все равно что сыпать соль на рану. Я уже давным-давно отвык жаловаться.

Я искренне поблагодарила его за советы. Мани подошел к хозяину, чтобы тот погладил его. Мы попрощались, и симпатичная женщина-шофер отвезла нас домой.

Госпожа Трумпф

<http://dolgarnet.net/>

Дома я первым делом поспешила в свою комнату. Мне не терпелось сделать запись в журнале успеха. Усевшись за стол, я написала:

1. Я быстро поняла то, что мне объяснял господин Гольдштерн.
2. Я приняла хорошее решение: откладывать половину от всех заработанных мной денег.
3. У меня появится курица, несущая золотые яйца. Теперь я поняла, что значит быть богатым.
4. Впервые в жизни я ехала в «Роллс-Ройсе».
5. За последнюю неделю я заработала 37 евро. (Из этой суммы 18,5 евро я отложу для «курицы»; 14 евро 80 центов положу в копилки мечты — это получается по 7 евро 40 центов в каждую из них; 3 евро 70 центов остается на расходы.)
6. Господин Гольдштерн похвалил меня.
7. На следующей неделе я получу деньги за то, что заботилась о Мани. 413 дней по 5 евро в день — получается 2065 евро. С ума сойти!

Можно ли все это считать настоящими успехами? Я не была уверена. Но чувствовала я себя прекрасно. И гордилась собой. И я все больше верила в себя. Перед тем, как выйти из комнаты, я решила за ужином осторожно заговорить с родителями об их долгах и положила в карман джинсов записку с четырьмя правилами обращения с долгами.

Едва мы уселись за стол, я торжественно показала всем чек, который господин Гольдштерн передал моим родителям. Взяв его в руки и прочитав сумму, папа удивленно воскликнул:

— Здесь тысяча евро! За что это?

— Это еда для Мани за все время, что он живет у нас, — объяснила я.

— Не знаю, можем ли мы это принять, — сказала мама. — Ведь Мани стал уже практически нашим.

— С другой стороны, эти деньги нам сейчас очень кстати, — проворчал папа. — Мы опаздываем с платежами по одному из кредитов. И тысяча евро могли бы помочь.

— А я бы только пятьсот евро уплатила по кредиту, — вмешалась я, — а другие пятьсот евро я бы отложила.

Папа и мама даже есть перестали и уставились на меня. Лица у них стали такие, будто я уронила на пол полную тарелку супа.

Поглядите-ка на нее. — иронически проговорил папа. — Наша дочь один раз проехала в «Роллс-Ройсе» и уже стала финансовым гением. Сюзанна, я что-то засомневался, подходящее ли окружение все это, — он повел глазами вокруг, — для нашей Киры.

Я рассердилась.

— Куда умнее платить по кредиту как можно меньшие взносы, — упрямо прошептала я.

— Ну да, чтобы до смерти не рассчитаться с процентами, — вскинулся папа.

Я прикусила язык. Я уже не помнила точно, как Мани объяснял это мне. Помнила только, что приходится брать все новые кредиты, чтобы выплачивать старые. Я подумала, что заговорю об этом снова после того, как побываю в Америке и стану обладательницей упитанной денежной «курочки».

— Что могут дети знать о деньгах, — пробормотал папа. И я не выдержала:

— У американского мальчика Дэрила уже в семнадцать лет было несколько миллионов, чего о тебе сказать никак нельзя, — выложила я свой козырь. — И я тоже когда-нибудь стану очень богатой.

— Он, наверное, получил наследство, — предположил папа.

— Он эти деньги заработал, как и я их заработаю! — возбужденно крикнула я. Мама смотрела на меня озабоченно:

— Кира, тебе такие слова не подобают. Мы не созданы для больших денег. Они приносят только несчастье. Гораздо важнее уметь довольствоваться малым. Помнишь старую поговорку: «Кто родился пфеннигом, не станет маркой».

У меня были свои сомнения. Господин Гольдштерн показался мне очень счастливым человеком. Мама с папой, конечно, не были так счастливы. Я подумала, что несчастье приносят не деньги, а их нехватка, но решила промолчать. Так, в молчании, и закончился ужин.

Вечером мне не хотелось сидеть дома. Я позвонила Монике и предложила встретиться. Она, однако, еще не ужинала. Поэтому мы назначили встречу через час. А пока я решила пойти погулять, заглянуть к Ханенкампам и поприветствовать Наполеона.

Господин Ханенкамп пригласил меня в дом:

— Не найдется ли у тебя времени, чтобы присматривать еще за одной собакой? — спросил он.

— Конечно, найдется.

— Я разговаривал сегодня утром с госпожой Трумпф, — многозначительно продолжал господин Ханенкамп. — Это хозяйка Бианки, большой немецкой овчарки. Она хочет уехать на две недели, но не знает, что делать с Бианкой. Услышав, что ты хорошо справляешься

с Наполеоном, она просила меня узнать, не возьмешься ли ты и за Бианку. Ты иди прямо к ней и поговори сама.

Я хорошо знала госпожу Трумпф. Она очень любила поговорить и всегда, когда я проходила мимо ее дома, пыталась завязать со мной беседу. Мы с Мани сразу направились к ней. Дом ее походил на ведьмину избушку.

Старушка вышла на крыльцо. Господин Ханенкамп позвонил ей и предупредил о нашем приходе. Мы вошли. В комнатах царил такой чудесный беспорядок, что я сразу почувствовала себя уютно. Повсюду были разбросаны книги и вырезки из газет, на стенах висели какие-то непонятные таблицы, работали сразу два телевизора.

Заметив, что я с любопытством оглядываю все это, госпожа Трумпф пояснила:

— Это мое хобби. Я люблю читать биржевые и финансовые журналы. После смерти мужа мне осталось довольно много денег. А я тогда не имела никакого представления, что с ними делать. И начала читать, чтобы узнать побольше о вложениях капитала.

Это оказалось невероятно интересно. Оказывается, таким способом можно в несколько раз приумножить те деньги, которые у тебя есть.

Мне хотелось, чтобы госпожа Трумпф продолжала рассказывать. Но она, наверное, думала, что меня такие вещи не интересуют, и перевела разговор на Бианку.

Старушке уже несколько лет хотелось съездить куда-нибудь отдохнуть. Но не находилось никого, кто взял бы на себя заботы о собаке. Бианка была вообще-то очень добрая и послушная, но для овчарки необычайно крупная и с очень пышной шерстью, из-за чего казалась еще больше. У многих она вызывала настоящий страх. Поэтому госпожа Трумпф была очень довольна, что я заинтересовалась собакой. Она сказала, что заранее купит еду на все время своего отсутствия и будет платить мне пять евро в день. Я охотно

согласилась. Конечно, следовало еще попросить разрешения у родителей. Ведь овчарка должна будет две недели прожить у нас.

Я попрощалась, пора уже было отправляться на встречу с Моникой. Сколько всего я должна ей рассказать! О деньгах, которые я зарабатываю. О господине Гольдштерне. И о том, как я распределяю свои деньги.

Моника смотрела на меня с уважением:

— Сколько же ты всего делаешь! Молодец! — она минутку подумала. — Если у тебя вдруг окажется слишком много заказов, я могу помочь. Тогда я буду работать на тебя.

Я невольно засмеялась. Родители Моника богаты, и она всегда так шикарно одета. И вдруг она хочет работать на меня. Это было даже странно.

Уже почти стемнело, пора было возвращаться домой. Кроме того, я хотела поскорее поговорить с родителями о Бианке. Папе моя затея поначалу не понравилась. Он боялся, что это будет отвлекать меня от учебы. Помогла мама.

В это время зазвонил телефон. Мама сняла трубку:

— Это Марсель. Тебя, — она была удивлена. Марсель еще никогда мне не звонил.

Оказалось, нам обоим было что порассказать. Я сообщила ему о своих доходах и о новой работе. И о том, что я распределяю свои деньги так, как советовал господин Гольдштерн.

— Я могу сказать только одно, — торжественно заявил Марсель. — Прошли времена, когда у тебя были кукольные мозги. И идея с распределением денег очень хороша. Я до такого не додумался. Все мои деньги лежат на банковском счете.

— Мне тоже нужно открыть счет в банке, — пробормотала я. — Господин Гольдштерн собирается дать мне чек. Но я еще не знаю, как это делается.

— Если хочешь, я завтра приеду и помогу тебе, — предложил он. Я не верила своим ушам. Марсель всегда держался так неприступно, а тут вдруг добровольно предлагает свою помощь. И он никогда не приезжал ко мне, хотя нас разделяло всего семь километров. Даже когда его родители приезжали к нам в гости, он чаще всего оставался дома.

— Ты хочешь приехать ко мне? — переспросила я. — Еще совсем недавно ты изо всех сил старался избегать меня.

— Я люблю иметь дело только с теми людьми, которых уважаю, — коротко ответил он. — А тебя я начинаю уважать. Я почувствовала настоящую гордость.

— Кстати, у меня появились уже свои служащие, — по-взрослому продолжал Марсель. — Теперь булочки развозят и несколько соседских мальчиков, потому что у меня уже больше пятидесяти клиентов. Одному мне больше не справиться.

Я вспомнила о Монике, предложившей мне свою помощь. Я должна теперь ухаживать за Мани, Наполеоном и Бианкой. И ее помощь может оказаться очень кстати.

Прощаясь с Марселем, я с радостью думала о завтрашней встрече с ним. Потом я хорошенько причесала Мани, что ему очень понравилось, и улеглась в кровать. Заснула я быстро.

Среди ночи я проснулась вся в холодном поту. Мне приснился кошмарный сон. За нами гнались преступники, чтобы убить Мани. Моника и Марсель тщетно пытались нам помочь: Я долго еще дрожала, не в силах успокоиться. Мани что-то почувствовал, вспрыгнул на кровать и лизнул меня в руку. Я обняла его. Этот сон не обещал ничего хорошего, и я решила в ближайшие дни быть особенно осторожной.

Приключение

День начался неудачно. Я проснулась усталой после ночного кошмара, да и погода оказалась отвратительной. Папа встал позже обычного, и все еще был в ванной. Я решила не терять времени и кинулась за журналом успеха. Но на месте его не оказалось. Я пристально взглянула на Мани. Он сделал вид, что ничего не замечает. «Ах ты, проказник, — подумала я. — Я знаю, что журнал у тебя. Верни немедленно!»

Но Мани был настроен игриво и не собирался так быстро сдаваться. Он побежал в прихожую и вернулся с журналом в зубах. Я попыталась поймать его и отнять журнал. Но Мани был проворнее. Я прыгнула за ним, но ему удалось увернуться. С громким треском приземлился он на почти готовую модель корабля, которую папа строил из спичек. На шум прибежали родители. Увидев, что случилось, папа закричал как одержимый:

— Четыре месяца работы! Ты разрушила четыре месяца работы!

И в самом деле, от модели не осталось и спички на спичке. Настроение у меня испортилось. Я ведь совсем этого не хотела. Вспомнился мой ночной сон. Что и говорить, хорошенькое начало.

Из-за всего этого я не успела на школьный автобус и опоздала к началу занятий.

После уроков я пообедала и пошла за Наполеоном. Ханенкампам я сказала, что приведу его поздно- Они согласились. В три часа должен был приехать Марсель. Я вызвала Моника, чтобы она последила за собаками, пока я говорю с Марселем.

Вместе с ним я отправилась к госпоже Трумпф за Бианкой. Она пригласила нас в комнату, чтобы подробно рассказать, как я должна ухаживать за ее любимицей. Пока мы беседовали, Марсель разглядывал комнату. Он рассмотрел все таблицы на стенах и уважительно присвистнул.

— Вы вкладываете деньги в акции, — со знанием дела определил он. Госпожа Трумпф ошеломленно смотрела на него:

— Ты что-нибудь понимаешь в этом?

— Я нет, но мой папа занимается акциями. Кое-чему я от него научился. Он всегда говорит, что нигде нельзя заработать столько, как на акциях. Но мне кажется, что это слишком сложно и требует слишком много работы, — ответил он.

— Ты прав. это не так-то просто, да и требует один-два часа в день. Чтобы заниматься таким делом, нужно его любить, — засмеялась старушка. — Но можно поручить другим работать на себя. Тогда никакие знания не нужны, а доходы все равно неплохие.

Марсель тут же заинтересовался:

— Звучит заманчиво. А как это делается?

— Я охотно объяснила бы тебе это, — сказала госпожа Трумпф. — Но для этого нам понадобится время. А у меня осталось всего несколько часов до отлета. Поэтому давай отложим разговор на эту тему до моего возвращения.

— Мне это тоже очень интересно, — вмешалась я. Но госпожа Трумпф уже думала о другом.

— Кира, — спросила она, — не могла бы ты два-три раза полить

цветы, пока меня не будет? Ну, конечно, я могла бы. Мы попрощались и повели Бианку к нам.

Потом мы с Марселем направились в сберкасса. Я очень волновалась. Ведь сейчас я впервые открою свой собственный счет. Правда, у меня уже была сберегательная книжка, куда бабушка и дедушка время от времени вкладывали небольшие суммы. Но настоящий счет — это совсем другое. Входя в банк, я

чувствовала себя совсем взрослой. Посетителей было много, у окошек стояли очереди, Я хотела было направиться к самой короткой из них, но Марсель удержал меня:

— Не спеши. Важно попасть к подходящему человеку.

— А откуда мне знать, кто подходящий?

Марсель засмеялся:

— Это тот человек, с которым тебе легче всего иметь дело. Осмотрись, может быть, ты увидишь кого-нибудь, кто покажется тебе симпатичным.

Я прошла вдоль очередей, рассматривая работников сберкасс. Большинство из них вовсе не выглядели довольными и счастливыми. Один из них, как мне показалось, особенно спешил — и заражал своей спешкой клиентов. Мне он внушал страх. Наконец я заметила женщину, ровесницу моей мамы, которая производила очень приятное впечатление. Она мне сразу понравилась.

— Но тогда нам придется долго ждать, — я хотела подготовить Марселя к моему решению.

— Самое глупое занятие в мире — ожидание, — ответил он. — Надо подумать, как провести время с толком.

Мы решили, что я подробно объясню ему, как распределяю свои деньги. Заодно я рассказала ему сказку про курицу, которая несла золотые яйца.

— Здорово! Даже лучше, чем я думал, — возбужденно воскликнул Марсель. — Ясно, если я буду тратить все, что у меня есть, то никогда не заведу такой «курицы». А без нее мне всегда придется зарабатывать деньги. Но если у меня появится такая «курица», то на меня будут работать мои деньги.

— Это ты хорошо сказал, ответила я. — На господина Гольдштерна уж точно работают его деньги. Вспомни, как долго после аварии он совсем не может работать, И все-таки ему хватает денег на оплату всех счетов. А вот мой папа всегда говорит, что если он хотя бы два месяца не будет зарабатывать, то все пропало. Он имеет в виду, что тогда придется продать наш дом.

— Понятно, у господина Гольдштерна все в порядке, потому что его «курица» большая и жирненькая. А у твоего папы нет даже воробышка, — засмеялся Марсель.

Мы так увлеклись разговором, что и не заметили, как подошла наша очередь. Симпатичная сотрудница сберкассы спросила, чего мы хотим.

— Я бы хотела открыть счет для моей курицы, — сказала я.

— Счет для чего? — ошеломленно спросила она. Марсель вдруг громко расхохотался, и мне очень захотелось его ударить. Но тут мне и самой стало смешно. Успокоившись, мы представились кассирше. Ее звали госпожа Хайнен. И я объяснила ей, почему хочу открыть счет для моей «курицы». Пришлось и ей рассказать сказку про курицу и про золотые яйца. Госпоже Хайнен сказка очень понравилась.

— Это самая лучшая история для детей о том, как надо обращаться с деньгами, — из всех, что я слышала, — сказала она. Потом минутку подумала и добавила: — Возможно, не только для детей, но и для взрослых. Я с удовольствием помогу тебе всем, чем смогу.

Она предложила мне бесплатное ведение счета. Это значит, что банк выполняет всю работу по ведению моего счета, и я за это ничего не плачу. Лучше не бывает.

Я не ожидала, что открыть счет окажется так просто. Нужно было только предъявить мой паспорт. Но паспорта у меня еще не было, поэтому госпожа Хайнен заполнила анкету, которую должен был подписать один из моих родителей. На этом вся процедура закончилась. Помощь Марселя оказалась совсем не нужна. Но все равно хорошо, что он был со мной. Вдвоем куда приятнее.

Я торжественно достала из кармана восемнадцать с половиной евро и положила на мой новый счет. В уме я все повторяла «волшебные» слова, которые сама придумала: «Проснись, курочка, проснись».

Я была очень довольна. Попрощавшись, мы с Марселем отправились домой. По дороге я думала: «Как хорошо, что я выбрала такую симпатичную кассиршу. Я всегда буду радоваться встрече с ней».

Мы с Марселем торопились. Как там Монике удастся справиться сразу с тремя собаками? У нее не такой уж большой опыт в этом деле. Правда, у Моники есть Вилли, маленький и нахальный карликовый пудель. Однако большие собаки — совсем другое дело. Мои тревоги оказались напрасными. Моника радостно пригласила нас в дом. Все было в полном порядке. Все вместе мы отправились поиграть в лес. Было так чудесно, что мы забыли о времени.

Уже темнело, когда мы собрались домой. Я попросила Марселя и Моника пройти вместе со мной мимо дома госпожи Трумпф. Мне нужно было взять там еду для Бианки, которую хозяйка оставила во дворе. Втроем тащить ее легче.

Мы подошли к «ведьминой избушке», которая находилась в нескольких сотнях метров от моего дома, ближе к лесу. Старушка уже много лет не подстригала кусты и деревья, и участок возле дома сильно зарос. Мы обошли вокруг дома, потому что госпожа Трумпф собиралась оставить еду у задней террасы. При этом кое-где приходилось даже ползти под кустами.

Тем временем совсем стемнело. Нам стало немного не по себе, хотя рядом были Мани, Наполеон и Бианка. Причиной тому было присутствие Вилли. Он всего боялся и прижимался к Бианке. Мы умолкли. Даже Моника не раскрывала рта. А это что-нибудь да значило. Вдруг я поняла, что нам мешало: мертвая тишина. Мы невольно затаили дыхание:

Тихонько пробирались мы дальше. Время от времени под ногами у нас потрескивали ветки. Наконец мы оказались за домом. Еда и в самом деле стояла на террасе. Но что-то мешало нам, что-то было не так. Мы испуганно осматривались вокруг. Вдруг собаки начали рычать. Бианка подбежала к двери, ведущей с террасы в дом, и мы все повернулись в ту сторону. И тут мы увидели, что дверь не заперта. Бианка носом толкнула дверь, залаяла и прыгнула внутрь. Лай ее стал удаляться и затихать. Потом вновь стало совсем тихо. Мы ждали, но Бианка не возвращалась. Позвали тихонько. Никакого ответа. Мы стояли, словно оцепенев. Я оглянулась. Моника была белая, как мел. Своего Вилли она держала на руках и испуганно прижимала к себе.

Марсель первый взял себя в руки. Он подал мне знак удерживать Мани и Наполеона. Я взяла обоих за ошейники. Вот когда пригодились мои тренировки с Наполеоном, подумала я мельком. Марсель прижался к стене и начал медленно приближаться к двери. Осторожно сделал он шаг внутрь и включил свет. Через мгновение, показавшееся нам вечностью, он вновь показался в дверном проеме и приглашающе кивнул нам.

— Похоже, путь свободен, — прошептал он.

Я с обеими собаками осторожно пошла за ним, а Моника сказала:

— Я ни за что не войду внутрь.

— Хорошо; жди здесь! — согласился Марсель.

Но от этого ей стало совсем не по себе. Оставаться одной на террасе было еще страшнее. И она последовала в дом за нами. Мы вошли в гостиную. На этот раз беспорядок вовсе не казался уютным. Наоборот, от него исходила какая-то угроза.

— Здесь побывали взломщики, — сказал Марсель.

— Нет, эта комната всегда так выглядит, — ответила я так же тихо.

— Посмотри, дверь взломана, — возразил Марсель. Он был прав. На дверной раме были ясно видны следы повреждений.

Я поняла, почему беспорядок не казался мне больше уютным. Все картины были сняты со стен, мебель сдвинута. Комната выглядела как в шпионском фильме, когда агенты обыскивают квартиру, чтобы найти микропленку. Я вспомнила о моем кошмарном сне. И о своем решении быть особенно осторожной. А теперь я стою в одиноком домике, где побывали взломщики. Здесь ли они еще? Сердце у меня стучало.

Вдруг мы услышали тихие шаги по старым половицам. Я застыла. Тихие, крадущиеся шаги приближались. Марсель торопливо огляделся и вооружился подзорной трубой, лежавшей на кресле. В это время дверь в комнату со скрипом приоткрылась на несколько сантиметров. Мы обернулись. Моника пронзительно закричала. А в приоткрытой двери появилась голова Бианки, о которой мы успели совсем забыть. Мы облегченно выдохнули. И даже Мани и Наполеон, казалось, обрадовались.

Марсель вновь первым из нас оценил ситуацию:

— Кто бы это ни был, он, наверное, убежал, когда мы появились. Иначе собаки не были бы так спокойны.

Я посмотрела на Мани. Он, похоже, не испытывал ни малейшего беспокойства. Я обняла его и тоже стала успокаиваться. И даже Вилли прыгнул на пол и принялся с любопытством обнюхивать углы.

В старом, подвале

К нам постепенно вернулось мужество. Мы решили осмотреть дом. Моника хотела сначала позвонить в полицию, но это можно было сделать и потом. Сейчас нами владела жажда приключений. Мы осторожно начали обход. Прошли по всем комнатам. Везде царил такое же разорение, но в остальном ничего необычного мы не обнаружили.

— Вы заметили, как издали доносился лай Бианки, когда она вошла в дом? — спросил Марсель. — Тут должен быть глубокий подвал.

— Может быть, и настоящее подземелье, — сказала Моника и сама задрожала от страха.

Я рассмеялась, хотя и мне было не по себе. Мы еще раз обошли дом, чтобы найти вход в подвал. Наконец мы обнаружили нужную дверь. Она находилась под лестницей и выглядела, как дверца обычного шкафа. Дверь была прикрыта, но не заперта. Мы осторожно заглянули внутрь. Вниз вела крутая лестница. Поискали выключатель, но ничего не нашли.

— В комнате я видела свечи, — вспомнила я. Марсель кивнул. Мы быстро принесли свечку. Моника зажгла ее, пытаясь в то же время удержать нас от дальнейших поисков:

— Вы же не собираетесь в самом деле туда спускаться? Я не пойду ни за что!

— Ладно, — решил Марсель, — тогда жди нас наверху с Вилли и Наполеоном. А мы с Киной берем Бианку и Мани и осмотрим подвал.

Я с удовольствием осталась бы с Моникой, но одновременно было очень любопытно, что же мы обнаружим внизу. И не хотелось давать Марселю повод посмеяться надо мной. Ведь он только-только начал принимать меня всерьез. Мы медленно спускались по ступенькам. Подвал, наверное, был очень старым. Стены из голого камня в колеблющемся свете свечей выглядели таинственно.

И вот мы внизу. Это было большое помещение, заваленное всякой рухлядью, со множеством стеллажей вдоль стен, на которых стояли консервы и маринады. Потолок низко нависал над головой. Марселю даже пришлось пригнуться. Мы осторожно оглянулись. Я не замечала ничего необычного.

— Ничего нет, — прошептала я.

Но Марсель указал на маленькую дверцу в стене за стеллажами. Молодец! Я бы ее ни за что не заметила. Мы сдвинули стеллаж, стараясь, чтобы с него не упала ни одна банка. Дверца оказалась запертой. На лице Марселя ясно читалось разочарование:

— Ничего не поделаешь, а жаль. Очень хочется узнать, какие секреты скрываются за этой дверью.

— Наверное, там спрятано сокровище, — на ходу придумала я.

— Ну да, там лежит столько же денег, как в форте Кнокс, — усмехнулся Марсель.

В этот момент Бианка ткнула носом мне в ногу. В зубах у нее что-то темнело. Я присмотрелась внимательнее. Это был ключ. Бианка вильнула хвостом и положила ключ на пол.

— Умная собачка, — похвалила я. — Ты, наверное, часто приносила ключ для своей хозяйки.

Марсель медленно открыл ключом дверь. Мы осветили туда свечой. Открывшееся нашим глазам помещение было гораздо меньше первого, и в нем ничего не было, кроме старого сундука, сколоченного из крепкого дерева и обитого железом. Сундук был заперт на замок. Марсель подошел и осмотрел его.

— Я открою его за секунду — засмеялся он. — Детская задача. Я слегка сомневалась, имеем ли мы право заглядывать в сундук. Но Марсель уже вытащил свой перочинный ножик и принялся ковырять замок.

— И ты занимаешься развозкой булочек, — засмеялась я. — Да ты же настоящий преступник.

— В этом деле я был бы не последним, — ответил он. Он откинул крышку, заглянул внутрь и присвистнул: — Ого, теперь мне понятно, что здесь хотели найти взломщики.

Я тоже заглянула в сундук. Там лежала целая гора бумаг, толстая пачка пятисотевровых купюр, аккуратные стопки золотых слитков. Слитки меня прямо ослепили. Не верилось, что они в самом деле золотые. Марсель был прав. Именно это, видимо, искали взломщики.

— Что нам делать? — озабоченно спросила я. — Оставить все здесь? А вдруг взломщики еще вернутся? Марсель ненадолго задумался:

— Да, ты права! Обязательно нужно вызвать полицию, и она возьмет сокровища под охрану. Но сначала мы точно запишем, что находится в сундуке. Предосторожность не повредит:

Мы взялись за работу. Все было тщательно пересчитано и записано. Когда все было готово, мы еще раз пробежали список: пятьдесят тысяч евро пятисотевровыми купюрами, двадцать пять золотых слитков, семьдесят восемь золотых монет, сто шестьдесят три сертификата, папка с письмами и выписками из счетов, мешочек с шестнадцатью драгоценными камнями, золотая цепочка и семь золотых колец.

Марсель спрятал список в карман и пообещал, что перепишет его для меня еще раз. Мы единодушно решили, что и сами бы не отказались владеть таким богатством.

— А госпожа Трумпф здорово богатая, — удивлялась я. Она, правда, и сама об этом упоминала. Но увидеть все эти сокровища своими глазами — совсем другое дело. — Только почему она хранит все это здесь, внизу?

— Все богатые люди поступают так же, — учительским тоном объяснил он. — Готов спорить, что у нее есть еще очень: очень много денег, которые она куда-либо вложила. А здесь она хранит, наверное, аварийный запас.

— Многовато что-то для аварийного запаса, — засомневалась я.

— Но достаточно, чтобы с этим играть. Вспомни Скруджа Мак-Дака. Его любимое занятие — купаться в деньгах.

Я вспомнила прочитанные мной комиксы. И то, что мама всегда посылая меня мыть руки после того, как в них побывали деньги.

— Наверное, богачи вовсе не считают деньги грязными, — подумала я вслух.

— Я тоже думаю, — согласился со мной Марсель, — что госпожа Трумпф испытывает удовольствие, когда время от времени заглядывает в свой сундук. Я бы, во всяком случае, испытывал.

Я улыбнулась, представив себе, как старушка спускается в подвал, отпирает сундук и играет с золотыми слитками и денежными купюрами. «Наверное, мне бы понравилось даже просто чистить монеты и слитки», — подумала я.

Вдруг Мани залаял. Бианка тут же присоединилась к нему. Обе собаки стояли спиной к нам, принюхивались к двери; и лаяли все громче. Марсель подошел к двери и крикнул:

— Моника! Это ты? Иди сюда, мы теперь знаем, что искали преступники!

Мани и Бианка перестали лаять и зарычали. Марсель заволновался.

— Что могло случиться? — спросил он. — Собаки; не стали бы рычать на Моника. Нас охватил ужас. В подвале раздались мужские голоса. На Мани шерсть встала дыбом.

— Спокойно, Мани, спокойно, — шептала я.

Но он не успокаивался и все продолжал рычать. Голоса приблизились и стали громче. Деваться нам было некуда. Мы увидели, что по большому подвальному помещению блуждает луч фонаря. А потом луч оказался направленным прямо мне в глаза. Я закричала.

— Гляди-ка, кто это здесь? — прозвучал низкий голос.

— Не ваше дело! — упрямо крикнул Марсель. Свет фонарика так слепил нас, что ничего не удавалось разглядеть. Потом раздался второй голос, еще ниже и грубее первого.

— Вы что-нибудь нашли? Это сэкономит нам много времени! Фонарь теперь освещал сундук. Один из мужчин изумленно вскрикнул:

— Бернд, ты только посмотри. Девочка права. Здесь целое состояние.

— Не трогайте ничего своими грязными руками! Это принадлежит не вам, а одной старой женщине! — я задыхалась от гнева.

— Вы что-то пугаете, барышня. Мы хорошие, — засмеялся первый голос.

Фонарь осветил обладателя второго голоса, и мы увидели, что это — полицейский.

Марсель, как всегда, первым пришел в себя. Я нервно смеялась. Только сейчас я поняла, в каком напряжении находилась. Теперь, когда опасность миновала, силы покинули меня. Я села на пол.

— Ваша подруга позвонила своему отцу, и он вызвал нас, — сказал первый полицейский. Это все объясняло.

— А где Моника? — спросил Марсель.

— Она наверху, со своим отцом и другими полицейскими. Один из полицейских вышел в большой подвал и крикнул своему коллеге, стоявшему на ступеньках:

— Все в порядке! Дети здесь, с ними ничего не случилось.

Мы все вместе поднялись наверх. В коридоре и гостиной было не меньше десятка полицейских. Здесь же был и отец Моника. А сама Моника испуганно прижималась к нему.

Она рассказала нам, что долго ждала, потом начала тихонько звать нас. Не получив ответа, она решила, что с нами, наверное, что-то случилось, и позвонила домой.

Моникин папа строго смотрел на нас:

— Нельзя же быть такими легкомысленными! Вы должны были сразу вызвать полицию.

Ответить было нечего. Конечно же, он был прав. Я смотрела на Монику, и мне было жаль ее. Ей, наверное, было очень страшно одной. Мы совсем забыли о времени, пересчитывая сокровища.

Вызвали слесаря, чтобы отремонтировать дверь. Сундук с ценностями увезли в полицию. Но у полицейских оставалось еще много работы. И нам пришлось ответить на множество вопросов. С нами полицейские были очень приветливы и даже хвалили. Они говорили, что это мы заставили взломщиков обратиться в бегство.

Мы с Марселем гордо смотрели друг на друга. Полицейский автомобиль отвез нас домой. Мама уже волновалась и стояла у окна, когда мы подъехали. Увидев, что мы выходим из полицейской машины, она приготовилась к худшему.

Впрочем, полицейские быстро все объяснили. Потом они отвезли по домам Марселя и Наполеона. Мама позвонила своей сестре, маме Марселя, и господам Ханенкамп. Она не хотела, чтобы они испугались так же, как она, увидев перед своим домом полицейский автомобиль.

Я подробно рассказала родителям обо всем, что случилось. От возбуждения я все равно не могла бы заснуть. И вновь пришлось выслушать, что нам следовало сразу вызвать полицию и ничего самим не предпринимать.

Мои родители не понимают...

На следующий день в школе было настоящее светопредставление. Моника уже успела рассказать о нашем приключении, и все горячо его обсуждали. Других тем для разговора в тот день не было. Меня тоже поздравляли. Некоторые мальчишки говорили:

— Тебе повезло, ты пережила такое приключение! Вот было бы здорово, если бы и со мной случилось что-нибудь похожее.

Не знаю, так ли уж мне повезло. Во всяком случае, мне казалось, что ничего бы не приключилось, если бы не затея с копилками мечты. Я не стала бы искать работу и не познакомилась бы с Ханенкампами. Ханенкампы не рассказали бы обо мне госпоже Трумпф, а госпожа Трумпф не поручила бы мне ухаживать за Бианкой. Похоже, прав наш мудрый учитель истории, когда говорит:

— Удача при ближайшем рассмотрении оказывается всего лишь результатом большой работы и тщательной подготовки.

Во всяком случае, мы с Моникой несколько дней были героями школы. К нам приходил даже фотограф из местной газеты, и на следующий день наши снимки были напечатаны, и было подробно описано, какими смелыми мы оказались. Жаль только, что на фотографиях не было с нами Марселя. Мама с папой, читая газету, очень гордились нами. И всем рассказывали о происшествии.

Однажды утром, работая над журналом успеха, я вновь вспомнила об этой истории. Конечно, это было замечательное приключение, и я им гордилась. Но у меня появилось стойкое ощущение, что вся моя предыдущая жизнь состояла из одного-единственного приключения. Это было очень забавно.

Я заметила, что многое изменилось с тех пор, как я стала интересоваться деньгами. Моя жизнь стала увлекательнее. Я познакомилась со многими новыми людьми. У меня были даже интересные разговоры со взрослыми. Я многому научилась — и это было совсем не так, как в школе. Все это было мне действительно интересно, потому что я знала, что это понадобится в жизни. Куда увлекательнее учиться тому, как зарабатывать деньги на поездку в Америку, чем на уроке истории заучивать сухие сведения о Карле Великом. На некоторых уроках я стала внимательнее, чем прежде. А занятия английским начали доставлять настоящее удовольствие, потому что я знала, что мне это скоро понадобится.

Я начала думать о вещах, которые раньше были мне безразличны. И самое важное — мне все это очень нравилось. У меня появилось ощущение, что речь идет не только и не столько о деньгах, сколько о том, что каждый день стал интересным; я поняла, как много возможностей вокруг. И стала задумываться об этом. Много стало понятным благодаря журналу успеха. Я давно уже записывала не только мои успехи, но зачастую и то, что к ним привело. Я обнаружила, например, что я смелая. Неважно, что я боялась. Ведь господин Ханенкамп объяснил мне однажды, что и смелые люди испытывают страх. Смел тот, кто боится, но; вопреки своему страху, идет вперед.

Я готова была много работать, но работа должна доставлять мне удовольствие. Родители всегда утверждали, что я ленива. Но это было правдой только отчасти, потому что теперь я стала усерднее. Я работала каждый день с тремя собаками, кормила и расчесывала их, водила гулять и дрессировала. Это было нелегко, но мне это нравилось.

И впервые у меня появилось ощущение, что я выкладываюсь на совесть. Наверное, в этом и было главное отличие. Раньше я говорила: «Если бы я достаточно много занималась, то стала бы очень хорошей ученицей», — и сама знала, что это только отговорка. Теперь, когда я старалась по-настоящему, отговорок больше не было. И стало видно, на что я способна в действительности.

Больше того, я стала делать вещи, которые, в сущности, делать еще совсем не умела. Например, зарабатывала деньги. Только начав это делать, я узнала, что способна и на это-

Следующие несколько дней пролетели незаметно. Я много занималась с собаками, несколько раз у меня были интересные беседы с Марселем, с Ханенкампами и господином Гольдштерном. Я задавала много вопросов и узнавала много нового.

От господина Гольдштерна я получила чек более чем на полторы тысячи евро. Мне все еще казалось странным получать деньги за заботу о Мани. Ведь я делала это с огромным удовольствием. Но господин Гольдштерн объяснил:

— Если бы ты потеряла свою собаку, ты бы тоже радовалась тому, что кто-то за ней ухаживает. И именно то, что ты заботилась о Мани, не рассчитывая на награду, делает твою работу такой ценной.

Я вынуждена была согласиться: нигде Мани не жилось бы лучше, чем со мной.

Одним словом, я отнесла чек в банк. И разделила деньги так, как и собиралась. Половину, семьсот пятьдесят евро, я положила на свой счет, чтобы росла моя «курица». Еще столько же я получила наличными и положила по триста евро в копилку мечты, а сто пятьдесят евро оставила себе на расходы. Это было замечательно — положить триста евро в американскую копилку и еще столько же в копилку для компьютера. Мне очень хотелось позвать маму, чтобы она посмотрела на это. Но потом я решила приготовить ей сюрприз.

Получив деньги от Ханенкампов, я разделила их по той же схеме.

Я получала от них по два евро в день плюс десять евро за каждый трюк, которому научу Наполеона. Иногда я позволяла себе роскошь нанять Моника и платила ей половину того, что получала сама.

Сначала мне это казалось не очень справедливым. Ведь мне ничего не приходилось делать. Всю работу выполняла Моника, но при этом я получала столько же, сколько и она. Но Марсель как-то сказал:

— Работа сама по себе стоит не больше половины того, что за нее платят. Остальное — это цена идеи и мужества, нужного для ее осуществления.

Я объяснила это Монике и предложила ей самой поискать работу с собакой вроде Наполеона. Но она ответила, что никогда не решится с кем-нибудь заговорить об этом. И потом, она получает семьдесят пять евро в месяц карманных денег. Так что она довольна.

А я решила, что своим детям ни за что не стану давать так много карманных денег. Но зато я научу их вести журнал успеха и самостоятельно зарабатывать. И чем раньше, тем лучше.

Одно только меня смущало. Беседы с Мани становились все реже. У меня было столько дел, и я так часто разговаривала с Марселем, с супругами Ханенкамп; да и встречи с господином Гольдштерном отнимали все больше времени. Из-за всего этого я и Мани почти не бывали больше в нашем убежище. Конечно, мы с ним ходили гулять и играли друг с другом. Но разговаривали мы все меньше. На многие вопросы, которые я собиралась задать Мани, мне уже ответили господин Гольдштерн и другие новые знакомые.

Мани, казалось, это совсем не огорчало. Наоборот, он находил, что все в порядке, и наслаждался покоем. Ему нравилось; когда с ним обращались, как с самой обыкновенной собакой, и он с удовольствием проводил время с Наполеоном и Бианкой. С ними он веселился от души. И когда они играли все вместе, Мани казался таким же, как остальные собаки, «нормальным» псом. Я утешалась тем, что так, наверное, и должно быть.

Мама, папа и я сидели за столом. Они не произносили ни слова и угрюмо смотрели в свои тарелки. Так они всегда выглядели, если ссорились. Я давно решила еще раз попытаться поговорить с ними о долгах и хорошенько проштудировала список советов, полученных от Мани. Но сейчас, похоже, был неподходящий момент.

Папа прервал молчание:

— Кира, я видел выписку из твоего счета. На нем лежит уже много денег, — он пытливо посмотрел на меня.
— Очень много денег, — добавил он со значением.

— Я получила их от господина Гольдштерна за то, что так хорошо ухаживала за Мани, — ответила я. Вот видишь, всему есть нормальное объяснение, — мама, кажется, испытывала облегчение.

— И семьсот пятьдесят евро ты взяла наличными, — продолжал папа. — Можешь ты сказать, что ты с ними сделала?

Мне стало неудобно. Не то, чтобы у меня была нечистая совесть, но я почувствовала, что мне не доверяют. Причем незаслуженно.

Я заставила себя сохранять спокойствие и объяснила, как заработала свои деньги. И рассказала, что распределяю все мои доходы. Половину для моей «курицы», сорок процентов на исполнение желаний и десять процентов — на мелкие расходы. Конечно, пришлось снова рассказать историю про курицу и золотые яйца, иначе родители ничего бы не поняли.

Папа с удивлением смотрел не меня. Но теперь, получив объяснение, он успокоился. А мамина улыбка выражала гордость: «Я понимаю свою дочь». Папа вздохнул:

— Я бы хотел, чтобы у меня тоже была возможность так распределять свой доход.

— А почему ты этого не делаешь? — спросила я.

— Потому что все наши деньги мы вынуждены тратить, — объяснил он. — Как ты думаешь, откуда берутся деньги, чтобы оплачивать дом, еду, электричество и все остальное?

— Но те деньги, что ты не тратишь на эти цели, ты мог бы делить так, как это делаю я. Даже если остается всего десять процентов, эти десять процентов тоже можно распределить. — Я была убеждена, что это возможно.

— У нас ничего не остается. Я не могу отложить ни цента, — проворчал папа. — Больше половины доходов у нас уходит на выплаты по кредитам.

— Но взносы по кредитам должны быть как можно меньше, — решила я на новую попытку.

— Да что ты понимаешь в кредитных договорах!? — не выдержал папа.

— Ну, во всяком случае, моя дочь разбирается в том, как зарабатывать, — поспешила мне на помощь мама.

— Ей просто-напросто повезло, — съехидничал папа.

— А наш учитель истории всегда говорит, — заметила я, — что при ближайшем рассмотрении везение оказывается ничем иным, как результатом тщательной подготовки и усердной работы.

Папа глядел на меня задумчиво. Похоже, я все-таки задела в нем какую-то струнку. Кстати, надо отметить, что мой папа, в сущности, очень хороший человек. Только у него, к сожалению, есть плохая привычка делать всех и вся ответственными за свое положение. Поэтому он чувствует себя жертвой и считает, что другим просто везет. Но сейчас его позиция чуть-чуть поколебалась.

— Один бизнесмен, которому я поставляю товар, тоже что-то говорил о везении. Как это... Ага, он говорил: «Один раз везет только дуракам. Умным везет всегда». Тогда я не понял, какое отношение имеет везение к уму. А теперь вижу в этом смысл. Если везение — результат подготовки и работы, то мне везет тем больше, чем больше я готовлюсь и работаю. Мама не успевала следить за его мыслью:

— И как же ты готовишься к тому, чтобы зарабатывать больше? — спросила она у меня.

Я рассказала про журнал успеха, в котором делаю записи каждое утро. И как будто мимоходом упомянула о том, что шофер и другие служащие господина Гольдштерна делают то же самое.

— Что это им дает? — не понял папа,

— Сколько мы зарабатываем, зависит от нашей уверенности в себе. А уверенность в себе зависит от того, на чем мы концентрируемся: на том, что можем сделать, или на том, чего сделать не можем. Без моего журнала успеха я бы не начала думать о том, где и как могу зарабатывать.

Папа тихонько кивал головой. Я бы не удивилась, узнав, что он уже начал втайне вести свой собственный журнал успеха. Но, конечно, он бы не решился так сразу в этом признаться.

Я почувствовала, что сейчас он готов понять мою идею, и спросила:

— Папа, а почему бы тебе не поговорить о своих финансах с господином Гольдштерном?

— Не думаю, чтобы ему это было интересно, — засомневался он.

— Я однажды уже говорила с ним об этом, — заторопилась я, — и он сказал, что был бы этому рад. — И, чтобы облегчить папину задачу, добавила: — Это позволит господину Гольдштерну сделать для тебя что-нибудь в благодарность за то, что мы приютили его собаку.

— Но о деньгах не говорят, — процитировала мама одну из тех банальных поговорок, которые помнила еще с той поры, когда сама была ребенком.

Я не сдавалась:

— Вы когда-нибудь задумывались, как часто за этим самым столом говорили о денежных проблемах? И всегда речь шла о том, чтобы найти выход лишь на короткое время. Было бы разумнее однажды поговорить о настоящем, долгосрочном решении этого вопроса.

Мама и папа многозначительно переглянулись. Если бы я совсем еще недавно сказала что-либо подобное, у нас уже бушевала бы настоящая гроза. Но теперь родители начали принимать меня всерьез. Они по-настоящему прислушивались к моим словам и задумывались над ними. А я поняла, как важно уметь зарабатывать деньги и правильно с ними обращаться, если хочешь, чтобы к тебе относились серьезно.

Мама первой согласилась на разговор с господином Гольдштерном. Думаю, это потому, что она до сих пор не была с ним знакома и ей было попросту любопытно. Итак, я позвонила ему и договорилась о встрече с моими родителями.

В душе я ликвала. Теперь можно быть уверенной, что господин Гольдштерн поможет им. То есть, мысленно поправила я, он покажет им, как они сами могут себе помочь.

Возвращение госпожи Трумпф

<http://dolgarnet.net/>

Наступил день, когда госпожа Трумпф должна была приехать домой. Я все устроила так, чтобы присутствовать при ее возвращении. Хотелось подготовить ее к сообщению о случившемся. Были там и двое полицейских. Они тоже выяснили дату ее приезда и поджидали старушку, чтобы выполнить некоторые формальности.

Она на удивление спокойно выслушала сообщение о случившемся. Вот первое, что она сказала, услышав о взломе:

— Глупые ребята! Лучше бы пошли на биржу. Денег там можно получить больше, чем у меня.

Она замечательная женщина!

Полицейские рассказали ей — и даже с преувеличениями — о проявленном Марселем, Моникой и мною мужестве, и показали ту газетную статью, где описывалось происшедшее. Потом они передали ей список сокровищ из подвального сундука, которые хранились в полицейском сейфе.

Госпожа Трумпф была тронута и сердечно благодарила меня. Когда полицейские ушли, мы смогли поговорить с ней без помех.

— Почему вы пошли на риск и держали так много денег и золота в доме? — не терпелось мне узнать.

— Тому есть много причин, — ответила старушка. — Во-первых, иногда мне хочется с ними поиграть. Мне нравятся золото и наличные деньги. — Она испытующе глянула на меня.

Я не была уверена, что хорошо так любить деньги. И что она так открыто в этом признается. Но потом я вспомнила, как много удовольствия доставил мне и Марселю момент, когда мы обнаружили, что лежит в сундуке, пересчитывали содержимое и трогали золотые слитки. Почему бы и госпоже Трумпф не испытывать такое же чувство, когда она открывает свой сундук? Я молча слушала дальше.

— Во-вторых, это своего рода запас на черный день. Что бы ни случилось, в моем сундуке лежит достаточно, чтобы прожить несколько лет.

— Это даже многовато для запаса на черный день, — рассмеялась я.

— Это зависит от того, сколько всего денег у человека, — объяснила госпожа Трумпф. — Глупостью было бы держать в доме больше, чем пять-десять процентов своих средств.

Я даже тихонько присвистнула. Это сколько же всего у нее денег!

— В-третьих, большая часть моих денег вложена в акции. В этом есть известный риск. Поэтому имеет смысл держать некоторую сумму наличными. Я когда-нибудь объясню тебе это подробнее.

Похоже, старушка вовсе не торопилась браться за уборку. Ей больше хотелось поговорить.

— Но теперь их чуть не украли, — напомнила я.

— Было бы очень жаль, если бы их в самом деле украли. Ведь вору недолго пришлось бы радоваться, — уверенно сказала она.

— Но у них оказалось бы ваше сокровище, — удивилась я. — Почему же им не пришлось бы радоваться?

— Трудно объяснить. Ну, скажем так: деньги остаются только у того, кто к этому готов. А тот, к кому они попали незаконно, будет с деньгами чувствовать себя даже хуже, чем без них.

— Этого я не понимаю, — в замешательстве сказала я. — Почему же тогда взломщики затеяли все это? Госпожа Трумпф задумалась на мгновение:

— Потому что они думают, что сумеют изменить свое положение, если у них будет больше денег.

— Мои родители тоже так думают, — заметила я. — Они убеждены, что жизнь станет прекрасной, если у них исчезнут денежные проблемы.

— Значит, твои родители делают ту же ошибку, что и многие другие. Тот, кто хочет, чтобы у него была более счастливая и наполненная жизнь, должен изменить самого себя. Деньги сами по себе этого не обеспечат. Они никого не делают счастливым или несчастным. Они не хороши и не плохи. Только когда деньги принадлежат кому-либо, они оказывают на владельца хорошее или плохое влияние. И он использует их в хороших или не очень хороших целях. Счастливый человек с деньгами станет еще счастливее. Пессимист, который из всего делает проблему, с деньгами получит еще больше проблем.

— А мама всегда говорит, что деньги портят характер, — возразила я.

— Деньги выявляют характер владельца, — объяснила госпожа Трумпф. — Они как увеличительное стекло. Деньги помогают нам сильнее проявить себя. Хороший человек с помощью своих денег сделает много добрых дел. А взломщик, скорее всего, потратит их на всякую ерунду.

Я задумалась над словами госпожи Трумпф. Мне деньги помогли. Я получила признание со стороны родителей и Марселя, кассирши в банке госпожи Хайнен, господина Гольдштерна и семьи Ханен-камп. И я сама начала уважать себя. У меня появилась возможность беседовать с интересными людьми. Моя жизнь стала гораздо увлекательнее. Я стала о многом задумываться. В общем, я стала счастливее и увереннее в себе.

Госпожа Трумпф, как будто прочитав мои мысли, сказала:

— Деньги могут очень во многом помочь и даже переменить всю жизнь, подняв ее на более высокий уровень. Они поддерживают все другие области жизни. С деньгами легче добиться исполнения мечты и достичь своих целей. Но это касается как хороших, так и плохих целей.

Я решила, что мне деньги помогли потому, что и цели мои были хороши. Только теперь я поняла по-настоящему, почему Мани с самого начала настаивал, чтобы я точно определила свои цели. Теперь я была убеждена, что деньги не испортят мой характер.

Я благодарно посмотрела на Мани, который удобно устроился у моих ног, чтобы поспать.

А старушка вернулась к прежней теме:

— Итак, часть моих наличных денег я держу в сундуке. Другая часть лежит в банковском сейфе. Так что кража не смогла бы вызвать у меня больших трудностей.

Внезапно она сказала:

— Я хочу всех вас поблагодарить. Но я хочу сделать это так, чтобы оказать влияние на всю вашу жизнь. Поэтому предлагаю, чтобы ты и твои друзья основали вместе со мной инвестиционный клуб.

— Основали что? — не поняла я.

— Это значит, что мы вместе будем вкладывать — это называется инвестировать — деньги. Каждый вносит в общий котел, например, по двадцать пять евро в месяц, и мы все вместе инвестируем эти деньги.

Я пришла в восторг:

— Вы покажете нам, как получать золотые яйца от наших курочек! — воскликнула я.

Теперь в замешательство пришла госпожа Трумпф. Поэтому я рассказала ей сказку о курице, несущей золотые яйца. Сказка произвела на старушку большое впечатление.

— Эта история очень точно описывает то, что делаю я, — обрадовалась она. — Правда, мне пришлось нелегко, пока я этому научилась. Ты даже не представляешь, как тебе повезло, что ты так рано учишься правильному обращению с деньгами.

Ее слова заставили меня вновь испытать гордость. Я посмотрела на Мани, который легонько вилял в полусне хвостом, и решила, что похвалу госпожи Трумпф завтра утром запишу в журнал успеха. Вообще я все чаще стала ловить себя на том, что уже в течение дня замечаю все свои успехи. Если раньше мне в первую очередь приходило в голову, почему что-либо не получится, то теперь я гораздо сильнее концентрировалась на том, что должно получиться. Я стала искать пути решения проблемы, а не извинения за неудачи.

Я с удовольствием послушала бы немедленно рассказ госпожи Трумпф об инвестиционных клубах, но она хотела объяснить это всем троим вместе. И я пообещала договориться с Марселем и Моникой о встрече, на которой мы вместе с госпожой Трумпф создадим наш инвестиционный клуб.

Перед тем, как попрощаться, она дала мне семьдесят евро. По пять евро за каждый день, что я заботилась о Бианке. Я сразу побежала с Мани в банк, чтобы половину этих денег положить на счет «золотой курицы».

Едва мы вошли в здание банка; мне навстречу вышла госпожа Хайнен. Она прочитала про нас в газете и хотела поздравить меня и сказать, как она мной гордится. У нее начинался обеденный перерыв, и госпожа Хайнен пригласила меня на стакан лимонада. Я охотно согласилась и пошла вместе с ней.

— Твой счет, однако, здорово вырос, — одобрила она меня. — Мне нравится, как разумно ты распоряжаешься деньгами. Ты, конечно, зарабатываешь меньше, чем взрослые. Но зато экономишь куда больше, чем многие. Я слегка покраснела от удовольствия. Приветливая кассирша на мгновение задумалась:

— А что ты делаешь с теми деньгами, которые не кладешь в банк?

— Я делю их на пять частей. Одна часть — на мелкие расходы, а по две части я кладу в каждую из моих копилочек мечты. Иначе я не смогу поехать в Сан-Франциско и купить себе компьютер.

Госпожа Хайнен была довольна:

— Твоя система еще разумнее, чем я думала. погоди минутку, мне нужно позвонить. Возвращаясь, она сияла и сообщила с таинственным видом:

— Кира, мне кажется, о твоей системе должны узнать все дети. Это может очень облегчить и украсить их жизнь. Я уже подумала о том, как можно посвятить в твою систему как можно больше детей. Я — член родительского совета в школе, где учатся мои дети. Через несколько дней там состоится большое мероприятие для всех учеников и их родителей. Это подходящий момент, чтобы рассказать о твоей системе. Я позвонила директору школы по этому поводу. Он согласен. Я непонимающе смотрела на госпожу Хайнен.

— Ты должна выступить перед ними, — объяснила она. От одной мысли, что я должна войти в полный людей зал и выступить перед ними с докладом, меня бросило в жар. Уши у меня горели, а в животе что-то сжималось.

— Ни за что! — решительно заявила я. — Я умру от страха. — Госпожа Хайнен засмеялась. — И потом, я понятия не имею, о чем говорить.

Но ее не так-то легко было сбить с толку. Она задумчиво посмотрела в окно.

— Видишь ли, — сказала она через некоторое время, — благодаря моей работе я знаю, как большинство людей обращается со своими деньгами. Многие и сами рассказывают мне об этом. Ты не поверишь, если я скажу, сколько забот и страданий вызвано тем, что люди не научены правильному обращению с деньгами. Конечно, деньги — не самое важное в жизни. Но если их постоянно не хватает, они становятся невероятно важными. Такими важными, что из-за их нехватки страдают все остальные области жизни. Люди буквально болевают, они чувствуют себя измученными и никому не нужными, разрушаются их связи с близкими. И нет никого, кто бы научил их, как легко можно превратить деньги в помощника. Уже в школе обращение с деньгами должно было бы преподаваться отдельным предметом, — госпожа Хайнен вздохнула, — но такого предмета не существует. Поэтому очень важно, чтобы твоя система помогала не только тебе.

После этих слов я почувствовала облегчение. Я ведь и сама уже увидела, насколько интереснее стала моя жизнь с тех пор, как я начала по-новому обращаться с деньгами. И все же я была уверена, что никогда не сумею произнести речь.

— Я не смогу произнести ни слова, — с отчаянием сказала я.

— А как тебе понравится такое предложение: мы с тобой вместе выйдем на сцену. Я буду задавать тебе вопросы, и ты ответишь на них. Тебе надо будет рассказывать только о том, что ты сама пережила. А если ты вдруг собьешься, я смогу вмешаться и помочь тебе.

Я все еще сомневалась:

— А почему бы вам не рассказать все это самой? Вы ведь хорошо разбираетесь в деньгах, если работаете в банке.

— Потому, что твой рассказ произведет намного большее впечатление, — ответила госпожа Хайнен. — Мой рассказ дети воспримут как нудную старомодную болтовню работницы банка. А на твое место они легко могут поставить самих себя. Ты делаешь то, что могут делать, в сущности, все дети.

— И все-таки я, наверное, не сумею, — возразила я. — Слишком уж я этого боюсь.

— Я была бы очень рада, если бы ты еще подумала об этом. Никто не может заставить тебя делать то, чего ты не хочешь. Только ты сама можешь себя заставить.

Я попрощалась и ушла из банка, раздумывая над словами госпожи Хайнен, и особенно над последней фразой. «Ты сама можешь себя заставить». Но почему я должна себя заставлять?

Подходя к дому Ханенкампов, я все еще была погружена в свои мысли. Я намеревалась забрать Наполеона на прогулку. Но оказалось, что у него воспалилась и требует лечения лапа. Господин Ханенкамп угостил меня пирогом, испеченным его женой. Пахло от пирога умопомрачительно. Я проглотила целых три куска, но говорила мало.

— Ты что-то сегодня молчалива, — заметил старик. — Что-то случилось?

Я рассказала о предложении госпожи Хайнен и о своем страхе.

— А я на твоём месте согласился бы, — решительно заявил господин Ханенкамп.

— Но вы же сами говорили, что всегда делали только то, что доставляло вам удовольствие.

— Вот именно, — ответил он. — У меня была страсть — фотографирование. Поэтому я бросил учебу и тринадцать лет бродил по миру. Это было чудесное время. Но зарабатывать я немного. Потом мне захотелось узнать, гожусь ли я на что-либо как бизнесмен, и я открыл собственную фотостудию. Через несколько лет я выгодно продал ее и купил маленький отель на Карибском море. Вернувшись в Европу, я занялся торговлей недвижимостью — и тоже успешно. Только одного я никогда не умел — хорошо вкладывать деньги. Но это любит и умеет делать моя жена.

Удивительно, сколько всего успел этот человек. Он, наверное, прожил очень интересную жизнь.

— Но ведь это только подтверждает ваши слова: вы всегда делали только то, что вам хотелось.

— Хотелось, да, — согласился он. — Но почти всегда это желание было смешано с изрядной порцией страха. Или ты думаешь, мне так легко было бросить учебу и уехать из дома? У меня даже живот болел от страха. А потом я боялся попробовать себя в мире бизнеса — с его жесткими правилами.

Он пронзительно посмотрел на меня:

— Самых больших успехов в жизни я добивался, делая именно то, чего боялся...

Я недоверчиво смотрела на него. Делать только то, что доставляет удовольствие, было намного приятнее и, самое главное, гораздо легче.

— Посмотри на мою жену, — продолжал старик. — В молодости она была очень красива. А я никогда не выглядел привлекательно. Я впервые увидел ее в поезде и сразу влюбился. Я понимал, что, если не заговорю с ней сейчас, то мы вряд ли еще когда-нибудь встретимся. Вагон был полон, и мы сидели друг напротив друга. Наверное, никогда в жизни я не испытывал большего страха, чем тогда, начиная разговор с ней на глазах у множества людей. На следующей станции мне нужно было выходить, и времени до остановки оставалось немного. Я чуть не умер: что, если она отвергнет меня! И вокруг столько свидетелей. Так опозориться! Но я решился. И посмотри, как я был за это вознагражден. Она — самое ценное в моей жизни.

Он ласково погладил руку жены. А госпожа Ханенкамп добавила:

— Самые дорогие подарки мы делаем себе сами. Мир открывает все двери перед тем, кто преодолеет в себе страх неудачи.

Они, вероятно, были правы, но отвратительное ощущение у меня в желудке возникало вновь и вновь, стоило только подумать о множестве слушателей.

Господин Ханенкамп сказала:

— Кира, представь себе, что ты совсем не боишься. И даже ни капельки не нервничаешь. Хотелось бы тебе в таком случае рассказать твою историю? Доставил бы твой рассказ удовольствие тебе самой?

Я вспомнила, как часто за последнее время я рассказывала сказку о курице, несущей золотые яйца. Мне это всегда приносило радость. Поэтому я ответила:

— Когда меня слушают один-два человека, мне действительно нравится рассказывать.

— Значит, ты должна сделать лишь то, что можешь сделать. Кто может общаться с двумя собеседниками, сможет общаться и с двумя сотнями. И только твой страх мешает тебе сделать то, что могло бы доставить тебе удовольствие, — торжествовал господин Ханенкамп. — Но ты будешь расти только в том случае, если преодолеешь этот страх.

Я вспомнила, как боялась спускаться в подвал госпожи Трумпф. И как гордилась потом, когда все было позади. Но даже это не помогло мне избавиться от страха сейчас.

— Жизнь бывает иногда такой сложной, — вздохнула я.

— И такой прекрасной! — госпожа Ханенкамп задумчиво гладила руку супруга.

И у меня снова появилось ощущение, что они очень счастливы друг с другом. На их примере легко было учиться.

Большой кризис

Вернувшись домой, я сразу заметила, что у нас не все в порядке. Пала взволнованно расхаживал по комнатам, а мама сидела, согнувшись над кухонным столом, и горько плакала. Мани на всякий случай спрятался в саду, в кустах. Когда я пришла, он тут же направился в дом следом за мной.

Я тихонько спросила о причине всего этого. Вместо ответа мама только всхлипнула еще громче. А папа сделал трагическое лицо и сказал:

— Ты ведь знаешь, что мы брали кредит на покупку нашего дома. И вот уже несколько месяцев мы не можем уплатить очередные взносы. Сегодня пришло очень сердитое письмо из банка. Если мы не заплатим до назначенного срока, договор о кредите будет расторгнут.

— И что тогда будет? — спросила я.

— Тогда у нас отберут дом. А мы, конечно, не можем достать так много денег.

У папы в глазах стояли слезы. Казалось, он в любой момент тоже готов разрыдаться.

— Тогда нам придется снова перебираться в маленькую квартирку. Какой позор! — жалобно всхлипнула мама.

— И больше уж никогда в жизни нам не избавиться от долгов, — папа видел будущее в мрачных красках.

— И мы вынуждены будем во всем себя ограничивать, — плача, добавила мама.

— Этого не случится, — попыталась я их успокоить. Но я чувствовала, что многого сейчас не добьюсь. Поэтому я взяла Мани и отправилась с ним в лес. Мне очень нужен был его совет.

Мы пробрались в наше убежище. Ах, как давно Мани преподавал мне на этом месте первые уроки обхождения с деньгами. Сколько же изменилось с тех пор.

— Ты очень многому научилась за это время, — услышала я голос Мани.

— Хорошо, что я вновь могу поговорить с тобой, — сказала я и ласково обняла его.

— Я должен говорить с тобой лишь до тех пор, пока ты во мне нуждаешься, — ответил Лабрадор.

— Но теперь я очень нуждаюсь в тебе, — решительно заявила я.

— На самом деле ты во мне вообще больше не нуждаешься. Большую часть знаний о деньгах ты получаешь из разговоров с состоятельными людьми. А это самые лучшие учителя. Тебе не хватает только одного урока: как можно вкладывать деньги. Но вокруг тебя достаточно людей, которые охотно взяли бы помочь тебе. Я должен лишь указать тебе направление, и ты справишься сама.

— Да-да, но сейчас важно не это, — возразила я. — Мне нужна твоя помощь, иначе мы потеряем дом.

— Какая чепуха! — Мани сморщил нос и верхнюю губу, как будто ему предстояло съесть нечто отвратительное. — Ты ведь сделала уже самое главное — договорилась на завтра о встрече твоих родителей с господином Гольдштерном. Он сумеет все привести в порядок.

Я совсем забыла об этом. Несомненно, этому человеку я могу доверять. Уж он, конечно, сумеет помочь моим родителям.

— Думаю, сейчас ты нашла еще один важный аргумент, чтобы стать богатой, — предположил Мани. Я недоуменно смотрела на него.

— Чтобы стать человеком, который может помочь другим и от которого люди охотно принимают помощь, потому что доверяют ему, — пояснил Мани свою мысль.

— Ты считаешь, что я могу стать такой же, как господин Гольдштерн? — ошеломленно спросила я.

— И да, и нет, — ответил он. — Да, потому что ты можешь достигнуть всего, чего захочешь. И нет, потому что ты будешь не совсем такой, как господин Гольдштерн. твоя личность будет развиваться самостоятельно. Но ты можешь стать не менее преуспевающей, чем он, если будешь продолжать начатое.

Я была ошарашена. Мне и во сне не могло такое присниться. Но Мани, наверное, знает лучше. Я решила, что завтра непременно запишу его слова в журнал успеха. Это ведь самая большая похвала, которую я слышала в своей жизни. Я могу стать такой же преуспевающей, как господин Гольдштерн. Какая мысль!

— Это зависит только от того, что ты решишь, чего ты захочешь.

— Принять решение несложно, — не раздумывая, сказала я.

— Конечно, большинство людей ответили бы так же. Но не все из них готовы делать все необходимое. Они не готовы платить за достижение своей цели.

— И что же я должна делать?

— То же самое, что ты уже делаешь. Важно, чтобы ты не перестала делать записи в журнале успеха, достигнув некоторых успехов в жизни.

Я заверила, что и не собираюсь останавливаться.

— Это не так легко, как ты сейчас думаешь, — проникновенно сказал Мани. — Успех часто делает человека заносчивым. Но если ты станешь заносчивой и надменной, то перестанешь учиться. А кто прекращает учиться, тот перестает и расти как личность.

Он остановился, давая мне время лучше понять его слова, затем продолжил:

— До тех пор, пока ты продолжаешь вести журнал успеха, ты больше размышляешь о себе самой, о мире и о закономерностях успеха. В результате ты все лучше понимаешь себя и свои желания. А это делает тебя способной понимать и других. До конца понять себя самого и тайны вселенной — это идеал, которого никогда нельзя достичь полностью. Но к нему можно понемногу приближаться.

— Но мне доставляет огромное удовольствие вести мой журнал успеха, — вслух подумала я.

— Хорошо! — голос Мани звучал очень серьезно. — Но, кроме того, ты не имеешь права уходить от трудностей. Страх перед трудностями, ошибками или неудачами испортил жизнь очень многим людям.

Я покраснела:

— Есть кое-что, чего я очень боюсь. Не помогло даже то, что госпожа Хайнен и супруги Ханенкамп очень уговаривали меня согласиться, — и я рассказала Мани о предложении кассирши из банка. — Я знаю, что нужно выступить на этом собрании. Просто я слишком боюсь. Я не смогу.

Мани ответил загадочно:

— Пойдем, принесем твой журнал успеха.

Сказав это, он скрылся в кустах. Я озадаченно поспешила вслед за ним. Хотя я бежала так быстро, как только могла, догнать его мне не удалось. Мани пришел домой намного раньше меня. Я торопливо схватила журнал, и мы снова побежали в лес. До укрытия я добралась, окончательно запыхавшись.

Когда я немного пришла в себя и отдышалась, Мани заговорил:

— Если ты думаешь, что не справишься с чем-то, нужно просто полистать журнал успеха и поискать в своем прошлом доказательства того, что ты и в будущем со всем сможешь справиться.

Я просмотрела записи в журнале. Чего я только ни боялась, а потом оказывалось, что это было совсем просто: когда я предложила господину Ханенкампу гулять с Наполеоном, когда познакомилась с господином Гольдштерном. И в подвал страшно было идти, и что мама вновь посмеется надо мной, как тогда, когда она нашла мои копилки мечты. А как я боялась потерять Мани...

— А тебе не кажется, что ты способна сделать куда больше, чем иногда думаешь? — допытывался Мани.

Необыкновенно! Я и в самом деле впервые почувствовала, что уже не так сильно боюсь выступать на собрании. Чем больше я вспоминала, чего уже достигла, тем увереннее становилась. Вдруг я заметила, что не испытываю больше парализующего страха, а просто волнуюсь и нервничаю, думая о своей речи. Но теперь я была уверена, что выступление мне по силам.

Мани внимательно наблюдал за мной.

— Это похоже на колдовство, — удивилась я. — Только что я была убеждена, что никогда не смогу выступить. А теперь мне этого даже хочется. Хотя я, конечно, буду очень нервничать.

Настроение у меня поднялось. Госпожа Хайнен и старички Ханенкампы определенно будут гордиться моим решением.

Мани радостно лизнул меня в лицо. Мне все еще не удалось отучить его от этой привычки и, наверное, никогда не удастся.

Я никак не могла понять, что же случилось. Это было похоже на самое настоящее волшебство.

— Как же это может быть? — воскликнула я.

— Страх появляется, когда мы представляем себе, что задуманное не удастся. Чем больше мы раздумываем, что может выйти плохо, тем больше боимся, — засмеялся он. — Но когда ты читаешь свой журнал успеха, ты сосредоточиваешься на своих достижениях. И тогда ты начинаешь представлять себе, как все хорошо получится.

Мне все еще казалось, что я чего-то не поняла. И Мани еще раз подвел итог своим объяснениям:

— Если ты думаешь о позитивных целях, страх просто не может появиться.

— Понять это как следует я не могу, — я пожала плечами. — Но это, наверное, как с электричеством. Достаточно знать, что оно существует и работает.

Мани согласно прищурил глаза.

Мы выбрались из укрытия, но на этот раз мы больше никуда не спешили.

Перед сном мне нужно было еще многое сделать. Следовало успокоить родителей. Когда я напомнила им о завтрашней поездке к господину Гольдштерну, мама перестала плакать. Потом я позвонила Марселю и Монике и рассказала им о предложении госпожи Трумпф основать вместе с нами инвестиционную группу.

Следующим утром симпатичная женщина-шофер захала за моими родителями. Господин Гольдштерн сказал, что будет лучше, если он поговорит с ними без меня. Я не знаю точно, о чем они разговаривали и что решили. Родителей не было очень долго. Но, вернувшись, они выглядели совершенно счастливыми.

Мне они сказали только, что господин Гольдштерн добился для них отсрочки платежей на несколько месяцев и снижения ежемесячных взносов на тридцать два процента. Поэтому у нас будет оставаться больше денег на жизнь. Родители решили половину из этих тридцати двух процентов откладывать на черный день, а вторую половину использовать на то, чтобы выкормить собственную золотую курицу.

Мы все трое радостно обнялись. Потом я приласкала Мани. Мама и папа не поняли, что это моя благодарность Мани. А я долго гладила его красивую белую шерсть, и он молча наслаждался этим. А потом снова лизнул меня прямо в лицо...

Идя в свою комнату, я была настроена празднично. Я вынула из журнала успеха список желаний. Там значилось: одна из самых главных целей — помочь родителям справиться с долгами. И я это сделала — правда, с помощью господина Гольдштерна, но ведь их встречу организовала все-таки я. Я торжественно достала красный карандаш и поставила большую галочку. Потом я сделала внеочередную запись в журнале успеха. Но и этого мне казалось недостаточно. Тогда на последней странице журнала я большими буквами вывела заголовок: «МОИ САМЫЕ КРУПНЫЕ УСПЕХИ». Под заголовком я написала:

«I. Помогла родителям, чтобы они не страдали больше из-за долгов и одновременно начали откладывать деньги».

Затем, полная гордости, я заглянула в мои копилки мечты. Да, осталось совсем недолго. Скоро я смогу их «разбить». С ума сойти!

Инвестиционный клуб

После обеда Моника, Марсель и я — и, конечно же, Мани — встретились у госпожи Трумпф. К нашему приходу старушка накрыла зеленой скатертью круглый стол и поставила на него старинный подсвечник с шестью зажженными свечами, что придало всему вокруг какой-то праздничный вид. Каждому из нас было приготовлено место, где лежали маленькая папка и конверт.

Госпожа Трумпф попросила нас пока ничего не трогать. Мы с огромным интересом ждали, что же произойдет дальше.

— Мы открываем наше первое инвестиционное заседание, — торжественно произнесла госпожа Трумпф. — И прежде всего нам необходимо придумать название для нашей группы.

Ее предложение упало на благодатную почву. Идей у нас было множество. От «Денежного амбара» и «Золотой курочки» до «Учеников волшебника» и «Дукатовых чертенят». Были и другие предложения: «Инвестиционная команда мечты», «Золотая четверка», «Денежная ракета» и «Кимамо Трумпф». Загадочное на первый взгляд слово «кимамо» состояло из первых двух букв наших имен. В конце концов мы решили, что лучшую идею подала Моника: «Денежные чародеи». Мы уже поняли, что деньги появляются как будто из ничего, если только знать нашу волшебную формулу:

- решить, что ты любишь деньги и хочешь, чтобы они у тебя были;
- верить в себя, обладать идеями и делать то, что любишь;
- распределять деньги на повседневные расходы, исполнение желаний и на счет «золотой курицы»;
- разумно вкладывать деньги;
- уметь всем этим наслаждаться.

Мы взяли приготовленные карандаши и написали на наших папках: «Денежные чародеи» и свои имена. Марсель рассмеялся. Его развеселили карандаши, которые писали золотом. Следом рассмеялись и остальные. Госпожа Трумпф подумала обо всем.

Теперь она разрешила нам открыть папки. На первой странице мы записали нашу волшебную формулу. После этого она очень серьезно сказала:

— Для того, чтобы быть уверенными в успехе нашей инвестиционной группы, нам нужны определенные правила. Я записала их на второй странице. Мы перевернули страницу и прочитали:

1. Встречи проводятся один раз в месяц.
2. Присутствие на них обязательно.
3. Каждый приносит с собой свою долю наличными.
4. Изымать свой вклад нельзя, так как мы хотим, чтобы наша «золотая курочка» росла.
5. Все решения принимаются коллективно.

Мы назначили день, когда будем проводить наши ежемесячные встречи и решили, что каждый будет вносить по пятьдесят евро в месяц. Эта сумма по силам нам всем. Марсель и я очень неплохо зарабатывали, а Моника получала много карманных денег. Мы должны все вместе открыть счет, которым только вместе и сможем распоряжаться.

Все решения мы записали. Но неожиданности на этом не кончились. Госпожа Трумпф сказала:

— Я долго думала, как мне отблагодарить вас за вашу смелость. В конце концов мне пришло в голову, что первый взнос за вас всех сделаю я. Это мой вам подарок. Теперь вы можете открыть конверты.

Повторять дважды не пришлось. Мы не верили своим глазам: в каждом конверте лежало по пять пятидесятиевровых купюр. Как бы мы ни представляли себе ее благодарность, на такую сумму никто из нас не рассчитывал. У меня даже голова слегка закружилась. Я никогда еще не видела такой кучи денег.

— Мы не можем принять такого подарка, — нерешительно сказал

Марсель.

— Ведь мы ничего особенного не сделали, — поддержала его Моника. Госпожа Трумпф смотрела на это иначе:

— Вы оказали мне огромную услугу. Если бы украли деньги, это меня бы не слишком расстроило. Но украшения, которые подарил мне мой муж, мне очень дороги. Когда я их надеваю, мне всегда вспоминаются самые прекрасные мгновения, которые я пережила вместе с моим мужем.

Мне было неловко, но я чувствовала, как важно для госпожи Трумпф подарить нам эти деньги. Поэтому я просто встала и обняла ее. Наверное, ее давно уже никто не обнимал, потому что она была очень тронута. Моника сразу же присоединилась ко мне. Я кивнула Марселю, и он, помедлив, тоже последовал нашему примеру.

Поблагодарив госпожу Трумпф, мы вновь уселись за стол. *Старушка*, выглядела очень довольной. Мы долго разглядывали пятисотевровые купюры. Целое состояние!

— Итак, мы можем вложить десять тысяч евро, — подвела итог госпожа Трумпф, которая тоже хотела внести свои две с половиной тысячи. — Плюс к этому по пятьдесят евро в месяц от каждого из нас, то есть всего двести евро. Это две тысячи четыреста евро в год. Через шесть лет у нас будет двадцать четыре тысячи евро. Но, поскольку мы хотим вложить эти деньги, на самом деле будет больше.

— Сколько же? — хотела знать Моника.

— Это я скажу позже, — ответила старушка. — А теперь нам нужно торопиться в банк, чтобы открыть совместный счет и положить на него наши деньги. Кто знает симпатичного банкира?

— Я знаю! — сразу же сказала я. Ну, кто же может быть лучше, чем госпожа Хайнен?

Мы взяли свои деньги и пошли в банк. Ну, и удивилась же госпожа Хайнен, когда каждый из нас положил на стол по две с половиной тысячи евро! Нашу затею она нашла замечательной. Она сделала так, чтобы счет назывался «Денежные чародеи». И на выписках из счета тоже будет стоять это название. Когда все уже собрались уходить, я еще на минутку задержалась, чтобы кое-что сообщить госпоже Хайнен. Я рассказала ей о моем решении выступить на школьном собрании.

Кассирша с гордостью посмотрела на меня. Мы договорились, что в один из вечеров она придет ко мне домой, чтобы прорепетировать со мной выступление.

Я побежала следом за остальными и вскоре догнала их. Как было чудесно всем вместе идти по улице. Мы — денежные чародеи. Моника предложила, чтобы мы так друг друга и называли. Марселю это показалось уже слишком, но Моника настояла на своем.

По возвращении в «ведьмину избушку» начался наш первый урок. Нужно было решать, как мы хотим вложить наши деньги. Когда мы сели за стол, госпожа Трумпф начала:

— Вкладывать деньги намного легче, чем думают многие. Ведь мы, в сущности, должны учитывать всего три обстоятельства. Я записала их на третьей странице.

Мы открыли папки на третьей странице и прочитали:

1. Мои деньги должны быть вложены с наименьшим риском.

— Ясно, — сказал Марсель, — иначе плакали наши денежки.

— Вот именно, — подтвердила госпожа Трумпф. Я прочитала следующий пункт:

2. Мои деньги должны принести много золотых яиц. Госпожа Трумпф объяснила:

— Мы хотим, конечно, получить как можно больше процентов. Значит, нужно поискать, кто платит самые высокие проценты. Причем нужно сказать, что максимальные прибыли приносят акции.

Не хватало лишь последнего пункта:

3. Наши вложения должны быть хорошо понятны.

— И их должно быть легко получить обратно, — дополнила я.

— Как с банковского счета, — добавила госпожа Трумпф. — Все должно получиться легко, словно играючи.

Моника нашла это особенно важным. Она втайне побаивалась, что не все сумеет понять.

— Значит, вложим деньги в акции, — заключил Марсель.

— А что такое, собственно говоря, акции? — осведомилась Моника. Марсель пренебрежительно посмотрел на нее:

— Это же известно каждому ребенку! Госпожа Трумпф поглядела на него:

— Ну что же, будь так любезен и объясни это Монике.

— Запросто, — начал Марсель. — Акции — это когда: э-э: ну, когда человек на бирже: э-э; ну, когда человек спекулирует:

Тут он густо покраснел и замолчал. Старушка весело сказала:

— Это проблема и для многих взрослых. Все что-нибудь слышали об акциях, но лишь немногие точно знают, что же это такое.

Должна признаться, что, кроме самого слова «акции», я вообще ничего об этом не знала.

— Представь себе, — продолжала старушка, — что Марсель для своего предприятия по доставке булочек хочет купить компьютер за две с половиной тысячи евро. Это бы очень облегчило ему работу и сберегло много времени. Но тратить свои собственные деньги на это он не хочет. В таком случае он берет деньги в долг. Это можно сделать в банке. Тогда это называется взять кредит. Кредит нужно возвратить, да еще и платить за него проценты. А если возвращать ничего не хочется, то есть и другая возможность: спросить у вас обеих. Он предлагает вам дать деньги для его фирмы. При этом Марсель ничего вам не вернет и не станет платить проценты. Предположим, каждая из вас даст ему по восемьсот евро.

— Почему это мы дадим ему денег? — озадаченно спросила Моника.

— Вот здесь кроется самое интересное, — ответила госпожа Трумпф. — Вы дадите ему деньги, потому что вам это выгодно. Если вы в результате станете компаньонами Марселя, это имеет смысл.

— А как это может выглядеть? — заинтересовалась я.

— Например, вы можете договориться, что каждому из вас будет принадлежать по десять процентов его фирмы. Фирма Марселя стоит, скажем, десять тысяч евро.

— А откуда мы узнаем ее стоимость? — спросила я.

— Цена целиком и полностью зависит от того, сколько люди готовы за что-то заплатить, — объяснила госпожа Трумпф. У Марселя тут же появилась идея:

— Может быть, мою фирму купит другой пекарь, чтобы получить новых клиентов. Ведь они станут покупать у него не только булочки. Значит, ему это окажется выгодным.

Госпожа Трумпф согласно кивнула.

— Ты размышляешь, как настоящий бизнесмен, — похвалила она его. Марсель просиял. А госпожа Трумпф продолжала:

— Если он захочет продать свою фирму и кто-то заплатит за нее десять тысяч евро, то Марсель получит свои восемьдесят процентов, то есть восемь тысяч. И каждая из вас получает свои десять процентов, то есть тысячу евро.

— Значит, я получу на двести евро больше, чем дала ему, — обрадовалась Моника.

— Какая ты сообразительная, — хихикнул Марсель, а Моника осуждающе посмотрела на него.

— Но получается, — рассуждала я, — что я заработаю на всей этой истории, только если фирма будет продана?

— Не совсем так, — возразила госпожа Трумпф. — Может быть, кто-то захочет купить твою долю. Тогда ты сама назначишь цену, за которую согласишься ее продать. Ведь покупают лишь тогда, когда верят, что в будущем это можно будет продать дороже. Именно это происходит каждый день на биржах. Биржи — это места, где встречаются люди, продающие и покупающие доли собственности различных фирм. И они всегда надеются, что смогут продать свою долю дороже, чем купили.

— Но ведь этого нельзя знать точно, — сказала я.

— Верно, — согласилась госпожа Трумпф. — Но можно догадываться, есть ли в фирме Марселя то, что позволит ей вырасти в цене.

— Но если цена моей фирмы растет, то и ваши 10-процентные доли тоже дорожают, — сообразил Марсель. — Надеюсь, что цена будет расти и дальше, покупатель может заплатить, в зависимости от обстоятельств, еще больше.

Я с уважением посмотрела на него:

— Как быстро ты понимаешь такие вещи!

— Он у нас молодец, — похвалила Марселя госпожа Трумпф. — Не каждому это дается так легко.

— Мне, например, это дается совсем не легко, — пожаловалась Моника.

— Это и есть самое лучшее в акциях, — ликовала госпожа Трумпф. — Не надо основывать собственную фирму; можно просто купить в какой-нибудь фирме долю собственности. А для этого достаточно купить акции.

— Получается, что я могу поручить другим работать для меня с моими деньгами. — обрадовалась Моника, Но мне еще не все было понятно:

— А что, если никто не захочет купить мои доли собственности в фирмах?

— Значит, ты должна до тех пор снижать цену, пока кто-нибудь не скажет, что готов купить. Покупатель находится всегда. Вопрос лишь в том, какую цену он готов платить, — объяснила старушка.

— Значит, я могу при этом и потерять деньги, — недовольно сказала я. Такой поворот мне совсем не понравился.

— Это так, — сказала госпожа Трумпф. — Но теряешь ты только в том случае, если продаешь. Если ты свою долю продавать не станешь, то, может, в будущем найдется покупатель, который готов заплатить за нее больше.

— А до тех пор я не получаю никакой выгоды?

— А ты тем временем участвуешь в прибылях, — возразила госпожа Трумпф. — Если есть прибыль, она всегда делится между теми, кто владеет долями собственности. Это называется дивидендами.

— Значит, и Марсель должен регулярно делиться с нами своими заработками? — обрадовалась Моника.

— Фирмы обычно раз в год рассчитывают, сколько они получили прибыли. Затем принимается решение, что делать с этими деньгами. Например, часть денег может быть потрачена на новое оборудование, чтобы фирма могла лучше работать. А другая часть делится между всеми, кто владеет долей собственности.

— И кто это решает? — заинтересовалась Моника.

— Да все те, кому и принадлежат доли собственности. Решение принимается большинством голосов. Это называется собранием акционеров, — объяснила госпожа Трумпф.

— Очень хорошо, что я не должна сама знать все то, что должен знать Марсель в своей фирме, — подвела Моника итог разговора. — И при этом я все же могу зарабатывать столько же, сколько и он. Это гениально.

— Но все-таки о самой фирме нужно знать довольно много, — добавила я и еще раз посмотрела на листок с тремя правилами вложения денег. — После всего, что вы нам рассказали, акции кажутся мне не особенно надежными. И понять что-нибудь в них не так-то легко, и обращаться с ними непросто. Похоже, соблюдается только правило второе: высокие прибыли.

— Если покупать акции самому, так и есть, — подтвердила госпожа Трумпф. — Но можно поручить другим выбирать, в каких фирмах нужно покупать долю собственности.

— Наверное, это подойдет мне больше, — сказала я. — Но кто может делать все это за нас?

— Это я объясню при следующей встрече, — решительно сказала госпожа Трумпф. — Мы сегодня многое узнали и даже успели положить деньги в банк. В следующий раз я расскажу, как любой ребенок может участвовать в прибылях от акций, не зная о них почти ничего.

Марсель бурно запротестовал:

— Как разумный бизнесмен я не хочу, чтобы мои деньги просто лежали в банке. Это не приносит никаких процентов. Старушка засмеялась:

— Ты мне нравишься! Ты всерьез намерен получать прибыль, потому тебе это и удастся. Ведь лучше всего удается то, на чем мы сосредоточиваемся.

— Значит, мы должны немедленно вложить наши деньги? — спросил он.

— Нет! — возразила госпожа Трумпф. — Не всегда нужно вкладывать деньги немедленно. Сначала нужно точно знать, что делать, а потом уж инвестировать. И еще до того, как мы приступим к инвестициям, я хочу рассказать вам об одной гениальной форме вложения денег. Кроме того, я хочу подготовить для вас документы по этой теме. Дело в том, что существует способ, при котором у тебя есть доля собственности во всех фирмах, которые нравятся детям.

— Я люблю «Мак-Дональдс», — тут же заявила я.

— А мне нравится «Кока-кола», — крикнула Моника. — В таком случае, я покажу, как вы можете стать совладельцами этих и некоторых других фирм, — с таинственным видом пообещала госпожа Трумпф.

Все согласились, что лучше всего нам встретиться завтра же. Но госпожа Трумпф попросила несколько дней для того, чтобы подготовить документы. Поэтому денежные чародеи решили собраться через пять дней.

Выступление

Между тем у меня побывала госпожа Хайнен. Мы говорили о предстоящем выступлении. Я считала, что нужно слово в слово записать все, что я собираюсь сказать. Но у госпожи Хайнен в этом деле был опыт, и она полагала, что от этого моя речь покажется неестественной.

Поэтому мы решили оставить наш первый план. Госпожа Хайнен будет задавать мне вопросы, а я на них отвечу. Мы определили вопросы, и я прорепетировала ответы. На этом подготовка закончилась.

Суббота, на которую было назначено собрание, приближалась. Я все больше и больше нервничала. Мне даже хотелось заболеть. Или чтобы собрание вообще не состоялось.

Наступило субботнее утро. Спала я отвратительно да и проснулась слишком рано. Время, казалось, остановилось. И я постепенно начала впадать в панику. Мысли мои путались и разбегались. О завтраке я не могла даже подумать. Я не сумела бы проглотить ни одного кусочка.

Что я только затеяла? Ведь это же настоящее безумие. Зачем я только позволила себя уговорить? Наверное, я на время потеряла рассудок. Выйти из зоны комфорта туда, выйти из зоны комфорта сюда — нет, такое урчание в желудке ничего хорошего не обещает.

Ко мне прижался Мани, виляя хвостом.

— Даже ты не можешь мне сейчас помочь, — вздохнула я. — Да, заварила я кашу. Я еще ни разу не выступала с речью, а теперь должна говорить сразу перед двумя сотнями слушателей.

Тут я заметила, что Мани держит что-то в зубах. Это был мой журнал успеха.

— Это очень мило с твоей стороны, Мани, — сказала я и энергично покачала головой. — Но сейчас это не поможет. Я ни на чем не могу сосредоточиться.

Мани не сдавался. Он требовательно смотрел на меня, держа в пасти журнал. Я, нервничая, слегка оттолкнула пса от себя. Мани ловко увернулся и бросил журнал мне на колени. А когда я хотела отложить его в сторону, он залаял.

Я невольно засмеялась. И сразу почувствовала себя лучше. Я раскрыла журнал и вспомнила, что произошло во время нашей последней беседы. Только потому, что я перечитала свой журнал, у меня вообще хватило мужества решиться на это выступление.

Я покорно открыла его и начала читать. Ух, как много я уже достигла! Деньги, которые я зарабатываю; работа, которую я получила; приключение в «ведьминой избушке»; новые счета в банке; и как я обращаюсь с деньгами; и как я старалась помочь моим родителям, чтобы дела у них пошли лучше... Против ожидания, я углубилась в чтение и отвлеклась от предстоящего выступления. Похоже, я могла бы справиться со всем, что задумала.

Не меньше получаса читала я свой журнал и почувствовала себя несравненно лучше. А тут подошло и время собираться. Я оделась и направилась в гараж за велосипедом.

В это время из кухни вышли мама и папа. Они, по всем признакам, собрались ехать со мной. Я думала, меня хватит удар. И в страшном сне не могло мне присниться, что мои родители окажутся среди слушателей. Я ничего не сказала и села с ними в машину. Мани запрыгнул следом. Ехать было недалеко, и я все время прижималась к Мани. Это немного успокаивало.

У входа в школу нас уже ждала госпожа Хайнен. Она приветливо поздоровалась и взяла меня за руку. Мы прошли в актовый зал. Он был битком набит. Сколько людей! Мы сели в первом ряду. И хотя до моего выступления было еще далеко, казалось, что все уставились на меня.

Вдруг послышался хорошо знакомый голос. Я повернулась и в проходе позади себя увидела — кого бы вы думали? Господину Гольдштерна. Он сидел в инвалидном кресле, а приветливая женщина-шофер катила кресло к нам. Обрадованная, я поздоровалась.

— Кира, для тебя это совершенно особенный день, — ответил он, — и я ни за что не хотел его пропустить. Мне обо всем рассказали твои родители.

Я была так тронута, что ничего не смогла ему ответить. Только теперь я заметила, что господина Гольдштерна сопровождает целая группа моих знакомых. Марсель, Моника, госпожа Трумпф, господин и госпожа Ханенкамп. Все, все пришли сюда. Я поприветствовала их всех. И хотя я все еще ужасно нервничала, одно то, что здесь собрались все мои друзья, придало мне уверенности. У меня все время от страха что-то сжималось в животе, но я уже знала, что все будет хорошо.

Госпожа Хайнен подала мне знак. Подошла наша очередь выступать. Я встала и неожиданно для себя кивнула Мани, чтобы он шел за мной. Наверное, то, что я вышла на сцену с собакой, выглядело немножко странно. Но мне это казалось уместным.

Мы установили микрофон, и госпожа Хайнен начала говорить:

— Дорогие школьники и школьницы, дорогие родители, дорогие учителя! Вы знаете, как я стремлюсь, чтобы люди уже с детства учились правильному обращению с деньгами. Я долго искала подходящую форму, чтобы сделать тему денег ближе вам всем. И вот однажды ко мне пришла совсем юная посетительница, которая умеет обходиться с деньгами лучше, чем многие взрослые.

Она каждый месяц зарабатывает довольно большую сумму и придумала замечательную систему распределения этих денег. Я говорю о самой обыкновенной девочке, которой еще совсем недавно не хватало денег на карманные расходы. Но потом она получила несколько полезных советов, последовала им, и сегодня в ее распоряжении столько денег, что она в состоянии сама осуществить два своих самых больших желания: поехать в Калифорнию по программе обмена школьников и купить компьютер.

Эту юную особу зовут Кира, и она готова рассказать вам о своей системе.

Госпожа Хайнен повернулась ко мне:

— Добро пожаловать в нашу школу, Кира. Сердечно поздравляем тебя с успехом. Я рада, что ты готова ответить на наши вопросы. Первый вопрос: как ты распределяешь свои деньги?

Я рассказала слушателям о моей системе и сказку о курице, которая несла золотые яйца. Госпожа Хайнен задала следующие вопросы: о моем журнале успеха, о том, что я думаю о возможностях детей зарабатывать, и о многом другом.

Отвечая, я смотрела на господина Гольдштерна, который кивал в такт моим словам, и на Марселя, который поднимал вверх большой палец. Этим он хотел показать, как ему нравятся мои ответы. И я совсем перестала нервничать.

Когда я произнесла последнюю фразу и госпожа Хайнен торжественно меня поблагодарила, зал взорвался аплодисментами, и Мани поддержал их своим лаем. Я хотела поскорее уйти со сцены, но госпожа Хайнен удержала меня за руку. Пришлось еще долго стоять на сцене и раскланиваться. Это было удивительное ощущение.

Оказавшись наконец среди друзей, я услышала еще множество похвал и комплиментов. Мама обняла меня, а папа гладил по голове. Когда первое возбуждение улеглось, господин Гольдштерн проникновенно сказал:

— Я горжусь тобой, Кира. Я смущенно возразила:

— Я так нервничала и забыла очень многое, что хотела сказать. Но господин Гольдштерн не отступал:

— У тебя есть талант к выступлениям, и люди с удовольствием тебя слушали. Никто не знает, что ты еще могла или хотела сказать. И ты должна просто принять мою похвалу. То, что я сказал тебе, я говорю не часто: я в самом деле горжусь тобой.

Он сделал небольшую паузу, чтобы я лучше осознала сказанное, и продолжил:

— И ты бы так никогда и не узнала, на что способна, если бы струсил. Больше всего люди гордятся тем, что им труднее всего было сделать. Никогда не забывай об этом.

Я радостно засмеялась. Как же хорошо, что я это сделала! После собрания ко мне подошла какая-то женщина. Она представилась директором издательства и предложила напечатать мою историю отдельной книгой.

Марсель услышал это и сразу пришел в восторг:

— Я могу сейчас же предложить название! «От кукольных мозгов до денежного чародея».

Я укоризненно посмотрела на него. И хотя предложение издательницы не вызвало у меня большого энтузиазма, я все же дала ей номер телефона.

Быстро со всеми попрощавшись, я сказала родителям, что пойду домой пешком. Мне необходимо было побыть наедине с Мани.

Счастливые, мы с Лабрадором молча шли по улицам. По пути я купила большой пакет собачьих галет, а затем мы повернули к нашему укрытию.

Только усевшись на землю, я заметила, в каком напряжении находилась все это время. Теперь напряжение постепенно спадало, и я тихонько расплакалась. Но эти слезы не были горькими. Я была счастлива и гордилась собой. Просто меня переполняли чувства. Впервые в жизни я почувствовала, что многое могу сделать.

И еще меня переполняла благодарность. Как же изменилась моя жизнь!

Все еще взволнованная, я смотрела на Мани, и чувствовала, что наши отношения скоро переменятся. Но что бы это ни значило, меня это не тревожило.

Клуб инвестирует деньги

Наконец наступил срок нашей следующей встречи в «ведьминой избушке» госпожи Трумпф. Мы с нетерпением ждали, когда можно будет вкладывать деньги.

Старушка все подготовила: и наши места, и свечи. Когда мы сели за стол, госпожа Трумпф торжественно открыла заседание:

— Дорогие денежные чародеи, сегодня у нас большой день. Мы в первый раз инвестируем наши деньги. Мы сидели неподвижно. Все молчали.

— Десять тысяч евро — большие деньги, — вновь зазвучал хриловатый голос госпожи Трумпф. — Поэтому очень важно, чтобы мы действовали разумно. Я хочу внести новое предложение. Но с одним условием: мы лишь в том случае инвестируем наши деньги, если все согласятся с моим предложением.

— Я согласна со всем, — быстро сказала Моника.

— Увидим, — ответила госпожа Трумпф. — Сначала я хочу познакомить вас с одним видом вложения денег, который даст вам возможность приобрести долю собственности в тех фирмах, которые вам нравятся.

— Давайте купим акции всех этих фирм, — предложил Марсель. — Если сложить все наши деньги вместе, то хватит.

— Вы помните, я обещала показать вам более легкий путь, — снова заговорила госпожа Трумпф. — Этот путь называется фондами.

— Фондами? — удивилась Моника.

— Да-да, именно фондами. Я подготовила для вас листок, где записала самое важное.

Я прочитала написанное вслух:

«Фонд как большой котел, куда вкладчики помещают свои деньги, потому что им не хватает времени, знаний или желания самим заниматься покупкой акций. Деньги из этого котла инвестируются в акции, и это делают профессионалы, так называемые фондовые менеджеры. Все это очень тщательно проверяется государством, и фондовые менеджеры обязаны придерживаться определенных правил. Например, они должны купить не менее двадцати различных акций».

— А почему? — прервала меня Моника.

— Потому, что у одной фирмы дела могут пойти плохо, — объяснила госпожа Трумпф. — Предположим, у тебя есть тысяча евро, на которую ты купила двадцать акций, по пятьдесят евро каждая. Если акции подешевеют на сорок процентов, ты сможешь продать их не по пятьдесят, а только по тридцать евро. Если ты их все-таки продашь, то получишь только шестьсот евро.

— Глупо получается, — прокомментировал Марсель.

— Именно поэтому фондовые менеджеры должны купить акции не менее чем двадцати различных фирм. Продолжим наш пример с тысячей евро. Если теперь одна акция подешевеет на сорок процентов, а остальные останутся на прежнем уровне, мы все-таки получим девятьсот восемьдесят евро.

— Тогда мы из нашей тысячи потеряем только два процента, — быстро прикинул в уме Марсель.

— Да, ты все правильно понял, — похвалила его госпожа Трумпф. — В действительности курс одних акций снижается, других — растет, а курс третьих остается прежним. Но в целом преобладают акции, курс которых растет, потому что фондовые менеджеры неплохо разбираются в своем деле.

— А что, если курсы всех акций упадут? — испугалась я.

— В таком случае продавать свои акции нельзя, — сказала старушка. — Ты помнишь, что мы говорили об акциях в прошлый раз? Ты теряешь деньги, только если действительно продаешь акции в такой момент.

— Значит, мы можем внести в фонд только те деньги, которые нам не скоро понадобятся, — вслух подумал Марсель.

— Совершенно верно, — обрадовалась госпожа Трумпф его догадливости. — Мы собираемся вложить деньги в фонд, потому что намереваемся держать их там от пяти до десяти лет. У кого есть в запасе столько времени, для того фонд — это вложение с практически нулевым риском.

— Понятно, ведь большая часть акций за такой срок принесет хорошую прибыль.

До сих пор Моника была необычайно спокойной. Но теперь она заволновалась:

— А что, если фондовый менеджер сбежит с нашими деньгами?

— Этого он не сможет сделать, потому что сам он наших денег не получает, — ответила госпожа Трумпф. — Деньги кладутся сразу в банк-депозитарий, или, иначе говоря, банк-хранилище, который ими и ведает. Это абсолютно надежно. Больше вопросов не было, и я продолжила чтение:

«Фонды отвечают всем необходимым условиям инвестиций. И они устроены так, что очень подходят детям и подросткам. Если вложенные туда деньги удастся не трогать пять-десять лет, то фонды абсолютно надежны. И они приносят хорошие прибыли».

— Хорошие прибыли — это сколько? — спросил Марсель.

— В среднем это двенадцать процентов в год, — ответила наша наставница. — Есть множество преуспевающих фондов, которые добиваются такой прибыли много лет подряд.

— Сколько это — двенадцать процентов? — спросила Моника.

— Вдвое больше, чем шесть процентов, — наставительно произнес Марсель.

— Это не совсем так. В конечном счете разница существенно больше, — возразила госпожа Трумпф. — Но сначала я хочу привести вам пример, как будут расти наши деньги при двенадцати процентах прибыли. За двадцать лет наши десять тысяч евро вырастут почти в десять раз. Получится сто тысяч.

— Ух, ты! — вырвалось у Марсея.

— Да, это была бы жирненькая курочка, — обрадовалась я. Надо сказать, что сказка про золотую курицу стала мне за последнее время очень близка.

— И, кроме того, каждый из нас будет откладывать еще по сто двадцать пять евро в месяц. Вместе это пятьсот евро. Если и на эти деньги мы будем получать проценты, то через двадцать лет получим четыреста тридцать пять тысяч евро.

Мы сидели молча, как громом пораженные. Это было такое множество денег, которое никто из нас не мог даже толком осознать.

— Тогда мы сможем называться «Денежные чародеи — миллионеры», — наконец произнесла Моника.

— Каждому из вас тогда хватит денег на покупку небольшой квартиры или на первый взнос за собственный дом. А ведь вам еще не будет и тридцати пяти лет, — радовалась за нас госпожа Трумпф. — А если вы решите вложить деньги еще на десять лет, то они превратятся в полтора миллиона.

У меня закружилась голова. Такая прорва денег. Конечно, они принадлежат всем нам вместе. Но все-таки доля каждого через двадцать лет составит сто тридцать пять тысяч евро, а через тридцать лет — целых четыреста тысяч. Здорово! И как удачно выбрали мы название для нашего клуба. Мы и в самом деле денежные чародеи.

Все смотрели на меня. Я спохватилась: совсем забыла от радости, что должна читать дальше. Я покраснела и взяла со стола листок.

«Фонды исполняют и третий критерий вложения денег. С ними очень просто иметь дело. Почти так же просто, как владеть обычным счетом в банке».

В этом деле у меня уже был опыт. Завести свой счет действительно очень просто.

Госпожа Трумпф посмотрела на каждого из нас:

— Как отнеслись бы вы к тому, чтобы мы вложили наши деньги в такой фонд?

Моника согласилась сразу же. К нашему удивлению, она хорошо поняла все преимущества такого способа:

— Там наши деньги *будут* в безопасности, принесут нам за двадцать лет больше полумиллиона прибыли, и **со** всем этим так же легко управиться, как с обычным банковским счетом.

Я, конечно, тоже была согласна. А Марсель все еще медлил:

— Такой способ вложения подходит нам больше всего, но откуда мы знаем, какие фонды надо выбирать? Ведь есть, наверное, разные фонды, как и разные акции.

— Ты прав. Существуют тысячи фондов, — согласилась госпожа Трумпф. — Но если мы посмотрим на них внимательнее, то окажется, что выбор не так-то велик. Я подготовила для вас листок, на котором записала, каким требованиям должен отвечать самый подходящий для нас фонд.

<http://dolgamnet.net/>

Она посмотрела на меня. Я открыла следующую страницу и начала читать:

«На что нам следует обращать внимание при выборе хорошего инвестиционного фонда.

1. Фонд должен существовать не менее десяти лет. Если за эти годы он приносил хорошие прибыли, то можно предполагать, что так будет и дальше.
2. Это должен быть большой международный акционерный фонд. Такие фонды покупают акции по всему миру. Этим они снижают степень риска, распределяя его.
3. Печатаются специальные списки, в которых сравниваются различные фонды. Нужно посмотреть, какие из них за последние десять лет были лучшими».

Мы молчали, размышляя о том, на что следует обращать внимание.

Марсель морщил лоб, как делал всегда, когда напряженно думал:

— А где мы найдем такие списки? И откуда мы узнаем, какие фонды большие и международные?

— Мы узнаем это, — таинственно сказала Моника, — открыв следующую страницу. — Сама она уже успела это сделать.

И в самом деле, госпожа Трумпф подготовила для нас такие списки. Мы старательно проштудировали их. Найти лучшие фонды оказалось совсем легко. Просто одни давали намного больше прибылей, чем другие.

— Что значит слово «нестабильность» в последней колонке? — спросила Моника.

— Это колебания. Чем больше колеблются курсы, тем выше показатель в этой колонке. Так вкладчик может узнать, сколько ему понадобится нервов. Чем сильнее колебания, тем больше он нервничает. Курс может внезапно резко подняться, а через несколько дней так же внезапно и сильно снизиться.

— Значит, можно сказать, что, чем меньше нестабильность, тем ниже риск? — заключил Марсель.

— В определенной степени это так, — согласилась госпожа Трумпф. — Во всяком случае, высокая стабильность в любом случае придает вкладчику большую уверенность. А прибыли растут равномернее.

— А почему это не назвать просто колебаниями? Почему такое сложное название? — проворчала Моника.

— Финансисты — это очень странный народ, — засмеялась госпожа Трумпф. — Наверное, они кажутся себе более важными, когда пользуются словами, которых никто, кроме них, не понимает. Одно только жаль: из-за этого многие люди уверены, что и не смогут ничего понять во вложении денег. А непонятному люди не доверяют, хотя на самом деле вкладывать деньги очень просто.

Мы прочитали, какие прибыли давали разные фонды, насколько устойчиво и стабильно они развивались. Но этого нам было недостаточно.

— Но чтобы быть уверенными, нам надо знать, какие из этих фондов действительно велики и какие из них покупают акции по всему миру.

Моника вновь не выдержала:

— Нужно открыть следующую:

— Умничка, — прервала я ее и быстро перевернула следующую страницу. И в самом деле, госпожа Трумпф подготовила нам список из двадцати фондов, указав и их величину, и прибыли за последние десять лет и за три года. Там было указано и то, где фонды покупают акции, и даже то, акций каких фирм они купили больше всего.

— Так-так-так, — раздался голос Марселя. — Тут есть один большой фонд. Если судить по его описанию, он создан специально для детей. Посмотрите только, акции каких фирм он покупает: «Кока-кола», «Мак-Дональдс», «Дисней»:

— И он очень большой, — сказала Моника.

— И в последние годы он приносил сверхприбыли, — добавила я, — пятнадцать с половиной процентов в год.

Мы были единодушны в решении, что этот фонд подходит нам больше всего.

— Я тоже остановилась именно на этом фонде, — довольно улыбалась госпожа Трумпф. — То, что мы пришли к одинаковому результату, чудесно. — Она пытливо посмотрела на нас. — А вы представляете, что значит, если мы будем получать прибыль больше пятнадцати процентов в год?

Мы пожали плечами.

— Есть одна очень простая формула. Если ее запомнить, то можно не пользоваться никакими сложными таблицами. Нужно просто разделить семьдесят два на тот процент, который вы получаете в год. Результат — это количество лет, за которые деньги удвоятся.

— А? — не поняла Моника.

— Раздели семьдесят два на двенадцать, — сказала госпожа Трумпф. — Сколько получится?

— Шесть, — мгновенно ответил Марсель.

— Правильно! Это значит, что через шесть лет твои деньги удвоятся, если ты будешь получать двенадцать процентов. Марсель задумчиво сказал:

— Если я хочу знать, как это выглядит при пятнадцати процентах в год, я должен семьдесят два разделить на пятнадцать. Получится: что-то около пяти лет.

— Скажем проще: твои деньги удвоятся за пять лет, если вложить их под пятнадцать процентов годовых, — ответила госпожа Трумпф. — Значит, если мы и в будущем будем получать тот же процент, то наши десять тысяч евро через пять лет превратятся в двадцать тысяч. Через десять лет это будет сорок тысяч, через пятнадцать лет — восемьдесят тысяч, а через двадцать лет — сто шестьдесят тысяч евро.

— Это гораздо больше, чем получалось, когда мы говорили о двенадцати процентах в год, — обрадовалась я.

— И для этого мы должны только положить наши деньги в фонд и не трогать их. Гениально! — Моника была в восторге.

Остальное было уже совсем просто. Мы заполнили формуляр, поставили на нем наши подписи и отправили по нужному адресу. Через несколько дней из фонда пришел ответ, в котором говорилось, что для нас открыт счет, и сообщался его номер. На этот счет мы и перевели наши десять тысяч евро.

Те пятьсот евро, которые мы договорились откладывать ежемесячно, можно было вкладывать в тот же фонд. Но госпожа Трумпф убедила нас, что лучше подобрать еще один фонд. Так мы распределим, а значит, снизим риск.

В последнее время я многое смогла записать в журнал успеха. Мое выступление и то, что я вообще на него решилась. Compliments. Мой доход, который еще вырос. Мои первые инвестиции вместе с денежными чародеями...

Больше не приходилось мучительно задумываться над страницей. Похоже, чем больше я делаю записей в журнале, тем чаще достигаю успехов. Это должно быть связано с тем, что я все больше верю в себя.

С Мани нам давно уже не приходилось поговорить. Но теперь мне это уже не было так необходимо. Достаточно было играть с ним и гулять вместе. Я очень любила, когда он был рядом со мной. Даже когда я делала домашние задания, он ложился у моих ног и подолгу, не отрываясь, смотрел на меня. Потом он засыпал, и тогда от него исходило ощущение покоя.

Бабушка и дедушка опасаются риска

Мы, конечно, регулярно продолжали встречаться, и всегда нам было чему поучиться и о чем поговорить. Раз в месяц мы записывали, какой курс у нашего фонда. Поэтому мы всегда точно знали, что получим при продаже своих сертификатов.

Госпожа Трумпф считала, что в будущем это не понадобится, но сейчас поможет нам многому научиться. Она говорила:

— Лучше всего инвестировать деньги в большой фонд и лет пять вообще не интересоваться тем, что там происходит. А через пять лет мы увидим, каков его курс, и получим солидную прибыль.

Долгое время курс почти не менялся. Мы не несли потерь и не получали прибылей. Но в октябре курс нашего фонда внезапно сильно упал. Наши сертификаты подешевели с 10000 до 7 064 евро. Мы потеряли около двадцати пяти процентов.

Растерянные, с опущенными головами, сидели мы за столом. Денежные чародеи сильно смахивали на умирающих лебедей. Мы были застигнуты врасплох. Ведь наша троица надеялась, что сертификаты будут дорожать постоянно и непрерывно.

— Нужно задуть свечи, — предложила я. Настроение было совсем не праздничное.

Даже Марсель был тихий, непохожий на себя. Лишь Моника владела собой:

— Папа сегодня говорил что-то об этом за завтраком. Я не помню уже, что именно, но он казался абсолютно спокойным. Он считает, что теперь у него есть возможность покупать по хорошей цене. Он назвал это «ниже стоимости».

— Он совершенно прав! — заговорила госпожа Трумпф. Мы посмотрели на нее и только теперь заметили, что она выглядела спокойной и уверенной. Ни капельки не волнуется.

— Похоже, что вас совсем не пугают наши потери, — заметил Марсель.

— Да у нас и нет никаких потерь.

— Есть. Более двух с половиной тысяч евро. И мне это вовсе не по вкусу, — упрямо возразил он.

— Потеряем мы только в том случае, если станем сейчас продавать. Но мы-то этого делать не будем.

— Все равно я чувствую себя, как собака.

— При чем здесь собаки, — недовольно бросила я. Атмосфера в комнате сгушалась. Госпожа Трумпф весело засмеялась:

— Я точно так же реагировала в первый раз на падение курса. Я проклинала день, когда купила сертификат, и ужасно боялась, что курс будет снижаться и дальше. Обычно при падении курсов газеты полны мрачных прогнозов. Начинаются разговоры об экономическом кризисе и о биржевой зиме.

Мы с Марселем смущенно переглянулись. Об этом мы не подумали. Курс может падать и дальше?!

Старушка весело прыснула. Увидев, что она так беспечно смеется, мы тоже не смогли сохранять серьезность. А она сказала:

— Я пережила несколько из этих так называемых кризисов. Но через один-два года курсы поднимались вновь. Так было каждый раз. Поэтому, если курсы падают, я теперь остаюсь спокойной.

Меня ее слова не убедили:

— А что, если действительно начнется вечная биржевая зима, как пишут в газетах?

— Само слово говорит за себя, — невозмутимо ответила госпожа Трумпф. — Зима — это просто время года, причем одно из четырех. Сколько я живу, всегда за зимой приходила весна, потом лето, за летом осень, а потом снова зима. Как в природе, эти времена года сменяют друг друга и на бирже. Всегда так было, и всегда так будет.

— Но тогда нам следовало выждать и вступить в игру зимой, — сделал вывод Марсель.

— Если бы мы заранее знали, что зима совсем близко, — да. Но мы этого не знали. Курсы могли начать подниматься. И тогда мы были бы недовольны, что не вступили в игру, потому что получили бы меньшую прибыль.

Теперь пришло время покупать еще. Так, как и сказал папа Моника. Можно предположить, что в следующие три-пять лет курс не только вернется к прежнему уровню, но вырастет еще на двадцать — тридцать процентов.

Вложенные нами десять тысяч евро тогда превратятся в двенадцать — тринадцать тысяч. Если бы мы смогли сейчас вложить еще десять тысяч, то они за то же время принесли бы нам сорок — пятьдесят процентов прибыли. Эти вторые десять тысяч евро выросли бы до четырнадцати — пятнадцати тысяч евро.

— Ну да, потому что мы покупали бы ниже стоимости, — повторила Моника слова своего папы.

— Что значит покупать ниже стоимости? — спросила я.

— Это значит, — ответила госпожа Трумпф, — что сейчас мы можем купить акции или сертификаты фондов дешевле, чем они стоят в действительности. И что пройдет не так уж много времени, как вновь найдутся люди, готовые заплатить за них столько, сколько они на самом деле стоят. Тогда мы получим большую прибыль.

Марсель, как всегда, хотел быстро принять решение и начать действовать:

— Нам надо поторопиться с покупкой, пока курс находится ниже стоимости. Давайте посмотрим, есть ли у каждого из нас по две с половиной тысячи, чтобы инвестировать еще раз десять тысяч евро.

У меня, например, есть достаточно денег, чтобы внести свою долю. А как дела у вас?

Мы все хорошо зарабатывали. Моника, кроме того, недавно получила деньги в подарок от родственников. И для госпожи Трумпф, конечно, не было проблемой найти такую сумму. У меня тоже лежало кое-что на счету, но этого было недостаточно. Мне не хватало 1370 евро. А брать деньги из копилки мечты я не хотела.

Но не хотелось мне и того, чтобы из-за меня расстроилось все дело. Я лихорадочно перебирала возможности и вспомнила, что бабушка и дедушка завели для меня сберегательную книжку, куда регулярно вносили небольшие суммы мне на приданое. Там должно лежать не менее трех или трех с половиной тысяч евро.

Я рассказала об этом остальным. И мы решили устроить завтра внеочередную встречу. А до тех пор я поговорю с бабушкой и дедушкой. Ведь сберегательная книжка, конечно, не лучший способ хранить деньги. Господин Гольдштерн называет сберкнижки «машинкой для уничтожения денег».

Когда я уходила из «ведьминой избушки», меня уже ждали собаки, за которыми я ухаживала. Только после ужина я смогла отправиться к бабушке с дедушкой. Бабушка приготовила замечательное печенье и какао по своему особому рецепту. Никто в мире не умел делать такого вкусного какао.

Я была уверена, что и бабушка, и дедушка тут же согласятся, что сейчас настал лучший момент для покупки сертификатов. Но меня ждало глубокое разочарование.

Родители уже много рассказывали им о моих успехах, так что я смогла сразу приступить к делу. Поедая печенье, я рассказывала им о нашем инвестиционном клубе. Папка, подготовленная госпожой Трумпф, была у меня с собой. Поэтому я сумела все хорошо объяснить. А поскольку мы записывали изменение курсов обоих наших фондов, то и об этом я смогла рассказать.

— Кира, детка, — испугался дедушка, — это слишком опасно! Ты потеряешь все свои деньги.

Я попыталась объяснить то, чему научилась: что я понесу убытки, только если во время биржевого краха стану продавать сертификаты. Что курс обязательно поднимется вновь, что на бирже лето и зима всегда сменяют друг друга и что в целом, если смотреть далеко вперед, курсы всегда растут. Что и в прошлом было много кризисов, в том числе и по-настоящему серьезных, но, несмотря на это, курсы все-таки росли.

Но ничто не могло переубедить моего дедушку, тем более, что и бабушка его поддерживала:

— Самое важное, Кира, это надежность. Мы повидали в жизни людей, которые потеряли все деньги, потому что доверились мошеннику.

— Ну, бабушка, это даже сравнивать нельзя, — запротестовала я. — Фонды управляют миллиардами. Никто не может убежать с деньгами. Их контролируют государство и банки.

— Акции — это риск, — дедушка совсем меня не слушал. — Не связывайся с ними.

— Но вы же ничего в этом не понимаете, — вырвалось у меня. — И как только можно быть такими слепыми? Сначала надо самим разобраться, а уж потом выносить приговор. А вы думаете, что это рискованно, только потому, что ничего не знаете об акциях, сертификатах и инвестиционных фондах.

Бабушка предостерегающе подняла палец:

— Молодежи следует научиться слушать старших. За нашу жизнь мы накопили большой опыт. А дедушка добавил:

— Дулся, дулся пузырь, да и лопнул. Лучше синица в руке, чем журавль в небе.

Мне хотелось закричать от отчаяния. Я наспех попрощалась и, расстроенная, побрела домой. Я могла бы и вовсе не обращаться к ним с моей просьбой. Напрасно было надеяться, что я смогу получить от них деньги для нашего инвестиционного клуба. Вместо этого они попытались вмешаться в мои дела. Я не знала, что делать дальше. Да и некоторая неуверенность поселилась-таки во мне.

Вернувшись домой, я тут же позвонила господину Гольдштерну. Мне повезло, что он не был занят срочными делами. Я рассказала о падении курса и возражениях бабушки и дедушки.

Моя история его рассмешила:

— Ты должна понять своих бабушку и дедушку; они желают тебе добра и хотят только уберечь тебя от потерь. И они делают это так, как умеют.

— Но ведь это просто глупо. Они даже не слушают, что я им говорю.

— Они же действительно много повидали в жизни, в том числе и плохого. Теперь они хотят защитить и себя, и тебя. Это можно понять. Ну, а теперь серьезно. Ты должна быть им благодарна: они, быть может, удержали тебя от ошибочного шага.

— Как ошибочного?

— Я не думаю, что сейчас следует покупать сертификатов еще на десять тысяч евро. Мне кажется, что пяти тысяч евро более чем достаточно.

— Почему? Мы ведь смогли бы заработать куда больше, если бы сейчас вложили больше денег.

— Конечно, — терпеливо ответил он. — Но что, если курс упадет еще ниже? Тогда ты скажешь: как хорошо, что я не вложила все деньги. Кроме того, тогда у тебя будут деньги, чтобы еще раз купить сертификаты.

— Но мы же не знаем, будет ли курс снижаться и дальше.

— Конечно, не знаем. Никто не знает. Все эксперты, предсказывающие будущее, вновь и вновь ошибаются. Очень часто все выходит не так, как мы думаем. Именно поэтому всегда нужно, чтобы у нас был наличный резерв. Нельзя все деньги со счета «золотой курицы» вкладывать в акции или акционерные фонды.

— Я думала, что инвестиционные фонды абсолютно надежны, — пробормотала я.

— Да, они очень надежны. Особенно, если у тебя в запасе достаточно времени. Даже если курс упадет очень сильно, он снова поднимется. Но для того, чтобы распределить риск, часть денег всегда следует вкладывать абсолютно надежно.

— Скажите просто, что деньги нужно положить на сберкнижку, — невольно вырвалось у меня.

— Нет. Ты знаешь мое отношение к сберкнижкам. Есть намного лучшие возможности. Ты могла бы, к примеру, купить государственные облигации. На них ты будешь получать проценты — в зависимости от положения на рынке. Сейчас это около трех с половиной процентов. А свои деньги ты сможешь забрать в любой момент.

— Три с половиной процента? Да, от этого со стула не упадешь. Так я никогда не разбогатею.

— Конечно, так ты не разбогатеешь, — рассмеялся господин Гольдштерн. — Твои деньги даже не приумножатся, потому что весь прирост съест инфляция.

— Что значит инфляция?

— Это когда стоимость твоих денег уменьшается. Сегодня ты можешь купить булочку за двадцать пять центов. Предположим, через пару лет она будет стоить половину евро. Тогда за твои двадцать пять центов ты получишь лишь полбулочки. Значит, твои деньги будут стоить вдвое меньше. Это и есть инфляция.

— А как узнать, насколько велика инфляция, пожирающая мои деньги?

— Сейчас она составляет примерно три процента. Если ты хочешь подсчитать, что это значит, можно воспользоваться очень простой формулой. Формула семидесяти двух очень удобна, потому что с ее помощью можно узнать, за сколько лет твои деньги удвоятся. Но ее можно применить и для того, чтобы лучше понять, что такое инфляция. Она покажет, за сколько лет при определенном уровне инфляции твои деньги потеряют половину стоимости. Раздели 72 на три процента инфляции. Получится 24. Значит, через 24 года твои деньги будут стоить половину того, что они стоят сегодня.

Меня поразило, как мало нужно для этого времени.

— Значит, инфляция почти так же высока, как и проценты, которые я получаю за облигации.

— Правильно! Потому я и называю сберегательные книжки машинами для уничтожения денег. Ведь проценты, которые там платят, даже ниже, чем потери от инфляции.

— Но и с государственными облигациями дело обстоит не намного лучше.

— Это верно. Но выбирать, в общем-то, почти не из чего. Ты же не хочешь вложить все свои деньги в акции. Даже если ты еще очень молода, у тебя всегда должен быть резерв. Только так можно наилучшим способом распределить риск.

— Неужели нет никакой возможности получить в каком-нибудь банке более высокий процент? — все еще сомневалась я.

— Конечно, есть и такие вложения, что могут принести более высокие прибыли. Но для этого ты должна вложить деньги на длительный срок. В этом и состоит недостаток. Если биржевой курс упадет и наступит удобный момент для покупки акций или сертификатов, ты не сможешь этого сделать.

— Какую же часть моих денег нужно вложить в облигации?

— Это зависит от ситуации, в которой ты находишься. Ты еще очень молода, поэтому можешь ограничиться двадцатью процентами.

Я почувствовала, что сегодня господин Гольдштерн ничего больше не скажет, поэтому сердечно поблагодарила его и распрощалась.

Я бы охотно спросила, сколько евро (а не процентов) нужно вложить в облигации, а сколько направить на покупку сертификатов. Но я уже узнала на собственном опыте, что этого он никогда не скажет. Он всегда объясняет только принцип. А как я применю эти принципы в жизни, мое дело. Этим он хотел добиться, чтобы я не полагалась на него, а сама отвечала за себя и свои финансы.

Я углубилась в расчеты. У меня есть 1 130 евро. Завтра наступает день выплаты. Что я должна получить? 1 евро в день за собаку умножить на 16 собак, умножить на 30 дней. Получится 480 евро. По 25 центов в день я плачу моим помощникам. Это 120 евро. Значит, мне останется 360 евро. Кроме того, хозяева девяти собак договорились, что я буду дрессировать их питомцев. Каждого из этих псов я научила двум трюкам. Это еще 180 евро.

Итак, я получу завтра 540 евро. Вместе с тем, что у меня есть, получится 1670 евро. Я решила, что предложу денежным чародеям использовать для покупки сертификатов только по 1250 евро. Оставшиеся 420 евро я решила завтра же вложить в облигации. Приятно было думать, что скоро я вновь увижу госпожу Хайнен. Ах, как хорошо, что я открыла счет у человека, который мне сразу понравился.

Удовлетворенная, я легла в кровать. Мне казалось, что я нашла хорошее решение. И я еще успела подумать, что вновь пережила волнующий день. И что все мои дни превратились, в сущности, в сплошное приключение. Мне больше никогда не бывало скучно. А началось все с того, что Мани научил меня первым премудростям обращения с деньгами.

Белый Лабрадор, как всегда, лежал возле моей кровати, и я задумчиво поглаживала его по спине. Как же все переменялось! Я была уже не совсем та Кира, что год назад. У меня появилось так много новых интересов и так много новых друзей: господин Гольдштерн, Марсель, супруги Ханенкамп и госпожа Трумпф.

Переполненная благодарностью, я перегнулась с кровати и поцеловала Мани в голову. Он в ответ тут же лизнул меня в лицо. «Ах, ты, проказник!» — подумала я и заснула.

Конец большого приключения,

С тех пор прошло несколько месяцев. Я начала записывать все пережитое. Зачем? Я и сама точно не знала. Может, для того, чтобы ничего не позабыть. Каждый день я делала по две страницы записей. Это было совсем не трудно, потому что очень помогали заметки в журнале успеха. И мне это доставляло огромное удовольствие.

Дни пролетали незаметно, и каждый приносил что-то новое.

Тем временем дела у моих родителей очень поправились. Господин Гольдштерн смог убедить папу нанять двух сотрудников. Сначала он никак не соглашался, считая, что просто не может себе этого позволить. Но потом он так поверил в господина Гольдштерна, что все же последовал его совету. И в результате все изменилось. Папа смог сосредоточиться на том, что ему нравилось. А то, что нравилось, он делал по-настоящему хорошо. Если раньше он сомневался, годится ли он вообще в предприниматели, то теперь знал, что должен лишь научиться поручать другим то, что сам делать не любил или умел недостаточно хорошо. И настроение у папы было теперь почти всегда хорошее. Удивительно все-таки, как меняется человек, избавившись от денежных забот. Теперь он каждое утро радовался предстоящему рабочему дню — и даже насвистывал песенки. Лучше бы он этого не делал: никто не умел так ужасно фальшивить, как он. А со времени покупки нового автомобиля он даже вставать стал на час раньше.

Росло и мое собственное дело. Под моей опекой была уже двадцать одна собака. И всех их надо было водить гулять, дрессировать и расчесывать. Конечно, я давно уже не справлялась с этим одна, но от Марселя я знала, как привлечь к работе других детей. Моника, например, таким способом зарабатывала хорошие деньги. Правда, я уже не могла сказать, где и когда я еще должна получить деньги.

Я узнала, как хорошо, если есть проблемы. Ведь благодаря им я должна была искать новые возможности и многому смогла научиться. Я поняла, как много всего можно делать с помощью компьютера. У меня давно уже появился собственный портативный компьютер. Домашние задания теперь занимали намного меньше времени, да и выглядели гораздо красивее. Улучшились и мои школьные отметки.

Теперь я научилась вести на компьютере и денежные расчеты, в чем мне очень помогла госпожа Ханенкамп. Компьютер и бухгалтерия были ее увлечениями. И она меня очень многому научила.

Естественно, зарабатывала я все больше. И неукоснительно делила все доходы, как и раньше: половину для «золотой курицы», сорок процентов на достижение своих целей и десять процентов на расходы. Большая часть того, что я когда-то по настоянию Мани внесла в список желаний, у меня давно уже была. Только в Америку я еще не ездила, предчувствуя, что там мне придется пережить нечто совершенно необычное, что еще раз полностью переменит мою жизнь.

Процветал и наш инвестиционный клуб. Курс нашего первого фонда хотя и упал однажды, но мы не продали тогда наши сертификаты и не понесли поэтому никаких убытков. А со временем курс опять вырос, и в случае продажи мы получили бы хорошие прибыли. Но продавать не было никаких причин. Мы ведь хотели, чтобы наши деньги все росли и росли.

Марсель, правда, однажды захотел было продать. Он называл это «получением прибыли». Но госпожа Трумпф спросила, что он намерен делать дальше, чтобы его деньги продолжали расти. В итоге мы пришли к ответу, что снова вложили бы деньги в инвестиционный фонд. Марсель тогда быстро понял, что продавать действительно не имеет смысла.

У нас были теперь вложения в четырех различных фондах. И каждый раз встречи денежных чародеев доставляли нам огромное удовольствие. Мы очень многому учились у госпожи Трумпф. Даже Моника стала хорошо разбираться в денежных делах. Поэтому ничего удивительного не было в том, что мы и родителям могли дать дельный совет. И те следовали нашему плану вложения денег. Сначала тайком, но потом они перестали это скрывать.

Господин Гольдштерн тем временем окончательно выздоровел. Он был ужасно занят своим бизнесом, и Мани оставался со мной. Как и прежде, каждую субботу мы вместе с Лабрадором навещали господина Гольдштерна, ходили гулять втроем, а после этого нас ждали невероятно вкусные пироги с какао. И у нас всегда было о чем поговорить. Господин Гольдштерн был поистине финансовым гением, и каждый раз я узнавала от него что-то новое. Но самое главное, что деньги для него были чем-то совершенно нормальным и естественным. Постепенно стало меняться и мое отношение к ним.

Раз в месяц господин Гольдштерн делал для своих клиентов доклады о способах вложения денег. И мои родители регулярно их слушали.

В одну из суббот он спросил, не хочу ли и я выступить с докладом о деньгах перед детьми его клиентов. Я согласилась. В первый раз пришло лишь семеро детей. Но о моих докладах заговорили, и теперь на них бывает по двадцать-тридцать слушателей. За каждый доклад я зарабатываю 37,5 евро.

Несколько дней назад у господина Гольдштерна появилась новая идея. Он предложил мне основать вместе с ним фирму, которая будет помогать детям инвестировать деньги. Он придумал это, посмотрев ту самую папку, что я получила от госпожи Трумпф. Я нашла его идею гениальной. Представить только: у меня, Кире, совместная фирма с господином Гольдштерном, финансовым гением.

Я спросила, почему он хочет основать фирму именно со мной. Ответ был как будто специально придуман для моего журнала успеха:

«Потому что ты способна на это благодаря твоим знаниям и достигнутым успехам. Если бы я не думал, что эта фирма с тобой будет расти лучше, чем если бы я работал в ней один, я не сделал бы этого предложения. Ты привлечешь гораздо больше детей, чем я сам».

Я с ним согласилась, и это тоже стало возможно потому, что моя уверенность в себе очень окрепла.

Но все же я была очень взволнованна. И уверена, что в недалеком будущем меня ждут новые приключения.

Все это я записала. Потом откинулась на спинку стула и пробежала написанное на дисплее. Получалось здорово.

Потом мой взгляд упал на Мани. Я задумчиво разглядывала собаку. Мы давно уже с ним не разговаривали. И мне давно хотелось спросить у него, почему. Но мешал какой-то неосознанный страх. Перед чем? На это я не могла бы ответить точно. Наверное, перед тем, что с ответом на этот вопрос что-то закончится навсегда.

Теперь я это вдруг осознала. Я научилась не прятаться от того, чего боюсь. Поэтому я решительно надела на Мани поводок и пошла с ним в лес. Но какое-то смутное чувство все не проходило и мешало радоваться нашей прогулке. В горле у меня стоял комок, и шли мы медленнее, чем обычно.

Наконец мы добрались до нашего убежища. Давно уже не бывали мы здесь, и проход под кустами почти совсем зарос. Мы долго пробирались по нему, пока не оказались на полянке. Здесь тоже стало не так уютно, как раньше. Все выглядело другим.

Я долго и грустно смотрела на Мани и страстно желала, чтобы он заговорил. Он так давно уже ничего не произносил, что иногда мне казалось, будто я все это просто придумала. Но ведь все было на самом деле!

Я отчаянно просила Мани подтвердить, что он и в самом деле обладает даром речи.

Выражение его морды изменилось. Мне даже показалось, что я вновь очутилась в том времени, когда он впервые заговорил со мной.

— Кира, умею ли я говорить или не умею, вовсе не так важно. Я ликовала. Это, без сомнения, голос Мани. А Мани продолжал:

— Гораздо важнее, можешь ли ты меня слышать и понимать. Это как с книгой, которую ты сейчас пишешь. Некоторые читатели не поймут тебя и ничего не изменят в своей жизни. А другие начнут обращаться со своими деньгами разумнее. И их жизнь станет счастливее и богаче.

Как только Мани замолчал, я вновь засомневалась, не сон ли это, говорил ли он со мной действительно. От всего этого можно сойти с ума.

Но вдруг все изменилось. Я отчетливо поняла, что это не сон. Доказать я ничего бы не смогла, но это и не нужно было. Одновременно меня пронзило холодом, потому что я почувствовала, что Мани в последний раз говорил со мной. Мне стало ужасно грустно. Я нагнулась и обняла его. Я прижимала Мани к себе изо всех сил. Как будто это могло заставить его снова заговорить.

Потом я подумала о фразе, которую однажды произнес господин Гольдштерн: «Не грусти о том, чего у тебя больше нет, а будь благодарна за то время, когда ты этим обладала».

Для меня это значило: теперь придется обходиться без советов Мани. Но, с другой стороны, в этом было и хорошее. Если он не может больше разговаривать, значит, ему больше не угрожает и опасность. Никто не

захочет его исследовать. Все станут принимать мою историю за девчоночью выдумку. Я тихонько заплакала. Мани повернулся и лизнул меня в лицо. На этот раз я предоставила ему свободу. Я долго плакала, и его ласка утешала меня.

Прошло много времени, пока я успокоилась и смогла спокойно размышлять. С благодарностью думала я о том, чему научилась от Мани. Все его наставления теперь жили во мне. И я больше не сомневалась, что однажды стану очень богатой. И даже намного скорее, чем можно предполагать. Я знала, что при любых деньгах останусь счастливой. И теперь я смогла рассказать мою историю. Я сумела сделать это так, что никто не узнает, пригрезился ли мне голос Мани, или он разговаривал со мной на самом деле. Меня охватило чувство глубокой благодарности. Я притихла от счастья и еще долго оставалась с Мани в нашем укрытии — это был последний раз. Тогда я вдруг поняла, как мне закончить мою книгу. Мы пришли домой, и я написала:

«Я желаю, чтобы множество детей услышало, как эта книга говорит с ними. Известный пес по кличке Деньги и я были бы этому очень рады».

Кира

Встать на ноги

Послесловие для взрослых профессора Юргена Циммера одного из ведущих детских психологов в немецкоговорящих странах

Когда стены рушатся, расширяются горизонты

«Пес по кличке Деньги» — давно назревшее открытие. Книга не поднимает назидательно палец, а дает детям шанс хоть немножко поучаствовать в абсолютно взрослом занятии — зарабатывании денег. В течение двухсот лет — с тех пор, как Фридрих Фребель придумал детский сад, — его последователи, как пишет журнал «Кляйнунд Гросс», боролись с эксплуатацией детского труда и пытались приучить детей к кротким играм. Теперь пришла пора дать детям соответствующее их возрасту представление о работе и шанс принять участие в деятельности взрослых.

«Пес по кличке Деньги» ломает воздвигнутые предрассудками стены и открывает взгляду новые горизонты: предпринимательская деятельность, предпринимательство — это не детский труд, а азартная игра, увлекательная, полная неожиданностей, дающая простор изобретательству.

Учиться в условиях рынка — значит учиться в обстановке неуверенности. Каждое — даже незначительное — предпринимательское решение содержит в себе элемент риска. Если оно ошибочно, то раньше или позже непременно скажется на экономических результатах. Зато правильные решения ведут, в конечном счете, к более высоким доходам. Игры в предпринимательство и зарабатывание денег очень серьезны. Рынок — это школа, которая не похожа на школу, а предстает то в виде беговой дорожки с препятствиями или разветвленного лабиринта, где нужно принимать решения молниеносно, то рабочего места мастерового или упражнения для укрепления способности размышлять, то конторы по проведению необычных мероприятий или биржи идей. Школа рынка — это мечта, являющаяся нам лишь в жизни.

Рынок как и демократия, — это принцип. А принципами иногда злоупотребляют. Рынок означает не драку без правил, а прозрачность, Конкуренцию, ответственность за людей и природу, честную игру, защиту от краха.

Предпринимательство означает самоопределение, независимость, собственную инициативу. Следовательно, своеволие? Совершенно верно. Но не без известного коллективизма и солидарности. Одна из педагогических целей — воспитание солидарности. Это указание на то, что мы не одни в этом мире, но живем с людьми и среди людей, что мы защищаем слабейших, не дискриминируем тех, кто не похож на нас, не попираем слабых, не идем по головам в нашем стремлении к власти. И это касается не только отношения к людям, но и к природе, к ее творениям и ресурсам, которые на нашей отданной на поток и разграбление планете нуждаются в особом милосердии. Такое поведение вознаграждается: предприниматели, осознающие свою социальную и экологическую ответственность и руководящиеся ею в своей деятельности — этому нужно учить уже в детстве, — находятся не в хвосте рынка, а впереди него.

В зарабатывании денег нет ничего плохого. Это занятие дает возможность делать добро себе и другим. У тех, кто рано начинает зарабатывать, развивается иммунитет к иждивенческому мышлению, они не любят находиться на содержании у других. Кто зарабатывает, вовсе не должен сам становиться рабом все туже закручивающейся спирали потребительства. Предпринимательская деятельность таит в себе шанс просвещенного и бережного обращения со скудеющими ресурсами. Разумная скромность — и требуется воспитание этого качества — означает: лучше один раз купить первосортный товар, чем много раз третьесортный; она означает свободу от постоянной жажды приобретения нового только потому, что изменился внешний вид или упаковка продукта, хотя содержание и осталось по существу прежним. Качество жизни обеспечивается не накоплением все большего количества продуктов высоких технологий, а, например, благодаря тому, что человек находит время для общения с окружающими, выражения своих чувств, занятий творческой или предпринимательской деятельностью.

Кто хочет стать чемпионом...

Возникает вопрос: может быть, точка зрения на детство в Центральной Европе сильно недооценивает предпринимательский и квалификационный потенциал детей?

Кто хочет стать чемпионом, рано начинает тренировки. Анализируя биографии бизнесменов, замечаешь, что подавляющее большинство людей, решившихся на предпринимательство, уже в детстве находилось во власти определенных идей, развивало в себе способность к размышлению и известное «нечто». У большинства была возможность приобрести первый опыт предпринимательства и «малой» экономики в своем микрокосме. Анита Роддик, основательница

распространенных по всему миру «боди-шопов», в детстве торговала комиксами. Готтлиб Дугтвайлер, со своей фирмой «Мигрос» создавший в Швейцарии 40 тысяч рабочих мест, разводил белых мышей, морских свинок и кроликов на продажу. Психотерапевт и предприниматель Петер Гёбель говорит, что размышления могут казаться упитательными, а работа — радостной. Есть спрос на нестандартно мыслящих детей и молодежь, чье стремление к творчеству и независимости не поддается нейтрализации.

Из анализа биографий бизнесменов становится также ясно, что многие из них еще детьми, школьниками прилагали усилия к тому, чтобы преодолеть попытки регламентировать их волю к размышлениям, насильственно прервать развитие их идей. Педагоги как упреждающая помеха предпринимательству? Если бы удалось уменьшить предполагаемый масштаб подобных помех, это бы дорого стоило.

Дух предпринимательства

Приобретает контуры новый вариант катастрофы образования: она состоит в том, что педагогической науке практически нечем ответить на массовую безработицу. Все в большей степени образование лишь в том случае будет означать подъем по социальной лестнице, а точнее, уверенность в завтрашнем дне, если люди научатся развивать в себе предпринимательское видение.

Помимо прочего, это значит, что профессиональные педагоги должны наравне с остальными развивать его в себе и публично доказывать. Недостаточно ограничивать свою подготовку обычными квалификационными требованиями и держаться за видимость полной занятости. В гораздо большей степени необходимо воспитание предпринимательского духа, которое начинается в раннем детстве и понимает предпринимательство не столько как биографическую странность, сколько как основную квалификацию.

В американском английском есть понятие «entrepreneurship», плохо переводимое на другие языки. Оно означает развитие инновационных предпринимательских идей и их осуществление на рынке.

Поддерживать, а не отмахиваться

Дети и внуки послевоенного поколения на Западе сверх меры избалованы, чему немало способствует экономическое благополучие этих стран. Стремительно растущие желания детей с такой же стремительностью — в качестве успокоительной таблетки — удовлетворяются. При этом дети отучаются от того, что в психологии называется способностью нечто заслужить, приложить усилия. Избалованные дети плохо приспособляются к трудным временам.

В основе сценария детства в Центральной Европе лежат хорошие намерения: ликвидация эксплуатации детского труда, защита прав детей. Обратная сторона медали — все усиливающиеся тенденции излишней

опеки и преувеличения «детскости» детства. Для отвечающего нашему противоречивому времени портрета ребенка важно перестать держать его в тепличных условиях и кормить успокаивающими пилюлями.

Дети обладают способностью самостоятельно управлять своим развитием. Взрослые при этом должны не диктовать ребенку, но понимать, сопровождать и слегка направлять его. Они должны делать ставку на самостоятельную деятельность и предприимчивость детей.

Бережно и настойчиво стимулировать развитие ребенка — значит не подсказывать готовых решений, а предоставить ему шанс самому искать выход и поддерживать процесс исследующего, открывательского, экспериментирующего обучения, расширяя поле зрения ученика и помогая ему углубить свои исследования.

Профессор Юрген Циммер

Приложение

Акция. Акция — способ участия в собственности фирмы: человек покупает одну или несколько долей собственности, и каждая из них называется акцией. Если фирма получает прибыль (зарабатывает деньги), ты получаешь сумму, которая зависит от величины твоей доли собственности: чем эта доля меньше, тем меньше и твоя прибыль; чем больше твоя доля собственности, тем больше прибыль. Если фирма несет убытки, твои акции дешевет. В этот момент ты должен не продавать их, а подождать, пока фирма не начнет вновь получать прибыли. Подробный рассказ госпожи Трумпф об акциях ты можешь прочитать в главе «Клуб инвестирует деньги».

Вклад. Вкладывать деньги значит, во-первых, приумножать их благодаря процентам: деньги можно вложить в акции или в банк. С другой стороны, деньги можно вложить, купив нечто, о чем известно, что потом это можно будет продать дороже. Это могут быть произведения искусства, дом, антиквариат и т.д.

Биржа. Регулярные встречи коммерсантов для заключения торговых сделок на рынке особого вида. Биржа сводит вместе спрос и предложение и уравнивает их, официально устанавливая цены. Высшая инстанция в Федеративной Республике Германия — министр экономики. В качестве эксперта ему помогает биржевой комитет. Подробнее об этом см. главу «Клуб инвестирует деньги».

Фонд. Так называются денежные средства, собранные для определенной цели (особое имущество). Подробнее об этом см. главу «Клуб инвестирует деньги».

Ипотека. Это одна из форм залогового права, обременение недвижимого имущества обязательствами. Если у владельца дома есть долги, то он может под залог дома застраховать их в правовом и финансовом отношении. Тем самым он «обременяет» свою недвижимость. Его владение домом становится ограниченным, поскольку при его продаже он должен вернуть ипотечное письмо.

Инфляция. Обесценивание денег. За 5 евро десять лет назад можно было купить больше, чем сегодня. Со временем деньги стоят все меньше.

Процент. Чтобы вычислить процент от какой-либо суммы на калькуляторе, нужно это число умножить на процентную ставку. Например, чтобы найти 3 процента от 3000, нужно 3000 умножить на 3, затем нажать на клавишу со знаком процента (%), а затем — на знак равенства. Можно поступить и иначе: сначала разделить нужное число на 100 (процент — это одна сотая доля числа), а потом умножить на процентную ставку.

$3000 : 100 = 30$ (один процент) 30×3 (3 процента) $= 90$.

Проценты. Когда ты одалживаешь деньги банку (это значит, что ты кладешь их на банковский счет), банк выплачивает тебе за это некое вознаграждение. Если ты одолжил банку 3000 евро, он будет тебе платить определенный процент, например, 3 процента. Значит, каждый год, пока твои деньги лежат в банке, ты получаешь 3 процента от 3000 евро (то есть, 90 евро).

Сложные проценты. Ты можешь договориться с банком, что в конце года твои проценты начисляются на твой счет. Если продолжить предыдущий пример, то получится следующее: за год тебе полагается 90 евро процентов. Если не брать этих денег, а начислить их на счет, то твой вклад составит 3090 евро. Еще через год ты получишь уже 92,7 евро процентов (3 процента от 3090 евро). И так далее (3090 евро + 92,7 евро = 3182,7 евро. Проценты от этой суммы составят уже 95,45 евро...

<http://dolgamnet.net/>